

## СОВРЕМЕННОИКИ И КЛАССИКИ



**Это предварительная ознакомительная  
версия, до авторских правок.  
Использовать только для ознакомления.**

**Релиз можно посмотреть на страницах:**

**<https://www.litres.ru/book/raznoe-47672/tvorit-dobro-i-mir-lubit-vypusk-2-69864028/?ysclid=lq2ccg1r9b448163076>**

**или**

**<https://libs.ru/book/1085619/>**



СОВРЕМЕННОИКИ И КЛАССИКИ

---

**ТВОРИТЬ ДОБРО  
И МИР ЛЮБИТЬ**

Сборник

**Выпуск № 2**

Москва  
Интернациональный Союз писателей  
2023

УДК 821.161.1  
ББК 84(2Рос=Рус)6  
С11

*Составитель серии Ольга Грибанова*

С11 Творить добро и мир любить : сборник / составитель се-  
рии Ольга Грибанова. – Москва: Интернациональный Союз  
писателей, 2023. – 280 с. (Современники и классики; вып. 2).

18+

ISBN 978-5-6049941-2-2

В сборник «Творить добро и мир любить» из серии «Со-  
временники и классики» вошли произведения участников  
конкурса Московской литературной премии-биеннале 2022–  
2024. Представлены произведения разных жанров: проза, по-  
эзия, фантастика. Вошедшая в сборник работа редкого жан-  
ра «литературоведение», несомненно, привлечёт внимание  
специалистов.

Сборник «Творить добро и мир любить» будет прекрасным  
подарком всем любителям современной литературы.

**УДК 821.161.1**  
**ББК 84(2Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-6049941-2-2

© Интернациональный Союз писателей, 2023

# Содержание

Предисловие издателя .....	8
<b>ПРОЗА</b>	
<b>Ник Форнит</b> .....	<b>12</b>
Слава и первая смерть .....	13
<b>Ольга Романова</b> .....	<b>44</b>
Инферно.ру .....	45
<b>Георгий Синайский</b> .....	<b>58</b>
Чем чёрт не шутит .....	59
<b>Александр Солин</b> .....	<b>89</b>
В Париж, умирать .....	90
<b>ПОЭЗИЯ</b>	
<b>Сергей Василькин</b> .....	<b>112</b>
О себе .....	113
Зимний день .....	114
Война .....	115
Ангел .....	116
Любовь и море .....	116
Мгновения и жизнь .....	117
Я Вам пишу .....	118
Маме .....	119
Битва при Молодях .....	121
Исповедь другу .....	124
История любви .....	126
Серое небо .....	127
День прошёл .....	127
Поэтам .....	128
О Родине .....	129



<b>Александр Золотов-Сейфуллин.....</b>	<b>131</b>
К другу (Д. Н.) .....	132
Письмо к другу (Д. Н.).....	133
Однокурсникам .....	134
Ядерная сказка .....	135
Природа учит, люди поучают .....	143
Сонет № 5 .....	144
Сонет № 7 .....	145
Сонет № 10 (Юноше) .....	145
Сущность № 1 .....	146
Сущность № 5 .....	146
Сущность № 7 .....	148
Сущность № 16 .....	148
Сущность № 17 .....	149
Сущность № 21.....	149
<b>Виталий Шейченко.....</b>	<b>150</b>
Мыс Доброй Надежды .....	151
Водопад Виктория.....	152
Ниагарский водопад.....	155
Водопад Анхель.....	156
В дельте Ориноко.....	158
Водопад Игуасу .....	161
Это – Япония!.....	164
Французская Полинезия.....	164
На острове Бора-Бора .....	166
Цветок тиаре.....	167
Филиал рая на земле.....	169
Знакомство с Норвегией.....	170
О Пол Поте.....	171
Храм Святой Софии (Айя-София).....	172
Круиз вокруг Южной Америки.....	173
Остров Пасхи .....	177



В гостях у моаи.....	183
Две точки в Русском мире.....	184

## ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<b>Юрий Берков</b> .....	<b>186</b>
Шакал и змея .....	187
Ёжик, шакал и медведь .....	188
Крокодиловы слёзы.....	189
Сказочный зоопарк.....	192
<b>Татьяна Цветкова</b> .....	<b>198</b>
Летний бал .....	199
Приключения муравьишки .....	206

## ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<b>Валентин Осень</b> .....	<b>220</b>
Флуктуационная теория ©онета (Наставление по ©онету) .....	221
Предисловие автора к 7 (9)-му изданию .....	224
Часть 1. Обзор и анализ литературы по теории ©онета.....	226
Часть 2. Флуктуационная теория ©онета.....	228
Часть 3. ©онетный атлас .....	232
Приложения.....	246
<b>Чен Джу</b> .....	<b>251</b>
60 пилюль от звездатости.....	252

## Предисловие издателя

В тревожную эпоху мы живём. В то самое время перемен, о котором предупреждали восточные мудрецы. Иногда кажется, что судьбы мира висят на волоске. И как же необходимы всем нам и всему живому миру сила духа, готовность творить добро и, конечно, любовь!

А значит, особая ответственность легла на плечи творцов – всех, кто создаёт и бережёт великую культуру, не позволяя разрушить её до безликой серой массы.

Авторов этого сборника: писателей, поэтов, литературоведов – объединяет глубокое чувство ответственности за судьбы новых поколений и верность традициям отечественной культуры.

Вы готовы творить добро и любить этот мир вместе с авторами сборника?

В разделе «Проза» читателю представлены фантастический рассказ психолога-исследователя Ника Форнита «Слава и первая смерть» и новелла петербургского писателя Александра Солина «В Париж, умирать». Оба произведения глубоко психологичны, скрупулёзно отмечают каждое движение души героя.

В разделе прозы читатель найдёт и фрагменты крупных прозаических произведений. Отрывок из мистической повести «Инферно.ру» представила писатель и художник Ольга Романова. Глава сатирического романа Георгия Синайского «Чем чёрт не шутит», конечно, порадует поклонников жанра политической сатиры.

В разделе поэзии мы познакомим читателей с глубоко лиричными стихотворениями начинающего автора Сергея Василькина, философскими прозрениями рано ушедшего поэта Александра Золотова-Сейфуллина и произведениями в редком жанре поэтических путевых зарисовок автора нескольких лирических сборников Виталия Шейченко.





Особое место в нашей отечественной культуре занимает жанр детской литературы. В то время как уже не одно десятилетие бьют тревогу по поводу низкого качества произведений для детей, очень радуется, что сейчас хороших детских книг появляется всё больше. Чудесные сказки о животных, правдивые и познавательные, предлагает читателям Юрий Берков. А писательница и поэтесса Татьяна Цветкова подарит ребятам волшебную историю в стихах «Летний бал».

Мы рады представить читателю редкую рубрику «Литературоведение». Вам кажется, что заинтересовать таким сугубо научным жанром достаточно сложно? Но знатоки поэзии, несомненно, оценят фрагменты научно-исследовательского труда писателя и литературоведа Валентина Осень «Флуктуационная теория ©онета». Автор приглашает вас на страницы своей монографии, где раскроет секреты этого изысканного поэтического жанра.

И неожиданным для такой серьёзной рубрики покажется читателям фрагмент книги Чен Джу «60 пилюль от звездато-сти». Автор даёт начинающим авторам советы, в которых под едко-ироничной формой скрывается глубокий смысл.

Радостных встреч и удивительных открытий на страницах сборника «Творить добро и мир любить».



**ΠΡΟΖΑ**



## Ник Форнит



В семье было множество книг. Часто с братом листал БСЭ с прекрасными иллюстрациями. Отец был завкафедрой химии в сельхозинституте. Мать работала главным библиографом в республиканской библиотеке им. Чернышевского.

Отец построил собственный дом со своим садом. На месте сарая сам выстроил свою лабораторию, где поначалу царил химия, но затем её потеснила электроника.

Ник рисовал карандашами и пастелью, окончил музыкальную школу по классу скрипки и потом играл в университетском ансамбле. Со школьных лет писал фантастические рассказы.

Поступил на химический факультет университета, затем работал в лаборатории Института химии Киргизской академии наук, закончив должностью старшего научного сотрудника.

Занимался фехтованием, ходил чуть ли не каждую неделю в горы и облазил многие вершины Киргизского хребта, а ещё позже плотно осваивал рукопашку с восточным акцентом.



Постепенно сложился глубокий интерес к психике, и сразу после университета было прочитано огромное количество популярных и затем специальных книг. Всё это определило тот наиболее общий контекст, в котором осмысливалось всё вокруг и привело к формированию существующей модели организации психики: [fornit.ru/beast](http://fornit.ru/beast).

Так что написание прозы оказалось литературным выражением того, что удалось понять в исследовании психики.

## Слава и первая смерть

Уруго массирующие струи, приправленные бодрящим ультразвуком, смыли пот жаркого дня. Слава потянулся к полотенцу, но нелепо скользнул по биоплитке, вздумавшей игриво пощекотать его мокрые ступни. Удар об уголок полочки плечом спровоцировал смачное проклятие, впрочем, почти неслышимое его детям, уже усаженным перед стеной-монитором и с нетерпением ожидающих взрослой передачи ДСЭ.

Это изменило настроение у Славы, и предвкушение от ДСЭ омрачилось мыслью о давно замеченном её ханжеском менторстве – мыслью, которую Слава старался гнать как бредовую. Но теперь ему захотелось хотя бы ненадолго выйти в спущавшиеся сумерки летнего вечера.

Прямо босиком, лишь надев шорты и футболку, он вышел в галантно распахнувшуюся калитку и вдохнул вечернюю прохладу с лёгким ароматом приарычной мяты. Снова обретая счастье, он побрёл по заросшей аллее вдоль нескончаемо длинного ряда коттеджей.

Почти сразу Слава увидел тихо сидящего у арыка соседского пацанёнка. Тот что-то сжимал в руке, опущенной в мутную воду, и поверху трагически редко всплывали маленькие пузырьки.



Ребёнок был настолько увлечён, что не заметил подошедшего и вытащил руку с ещё живым котёнком, со слипшейся шерсти которого стекала вода. На детском лице сосредоточились сильные чувства исследовательского увлечения чужим бессилием. Особый драйв придавала недозволенность совершаемого, но кто же из взрослых здесь может оказаться в то время, когда все поголовно залипали у стен мониторов с вечерней передачей ДСЭ. На это время всё замирало, кроме бдительных служб.

У детских ног бессильно подпрыгивал онемевший воспитательный гаджет, переливаясь негодующими цветами.

Слава присел рядом и требовательно протянул руку.

– Дай сюда!

Пацан вздрогнул и послушно протянул смешно кашляющего котёнка.

– Знаешь, Витёк, сейчас я то же самое сделаю с тобой, чтобы ты прочувствовал, как это!.. – не очень решительно пригрозил Слава.

– Ой, дядя Слава, – пролепетал застигнутый врасплох ребёнок. – А это не больно?

– Сейчас узнаешь. Но какая тебе разница, что ты почувствуешь, если всё равно тебя не станет?

– Меня позавчера сохраняли... – возразил парень, стремительно наполняясь паническим страхом. – Я папе скажу!

Витёк вдруг сорвался и очень прытко побежал к своему коттеджу.

Слава вздохнул и встал, осторожно положив приходящего в себя котёнка в траву. Витёк скоропостижно перелез через соседский забор. Этот боится. А чуть более взрослые уже ничего не боятся.

Гаджет запрыгал было вслед за Витьком, но Слава ловко поймал его, тут же получив удар током. Легко проигнорировав детскую дозу, Славик тряхнул бешеную тварь – и гаджет примирительно затих.



Проблема, которую Слава недопонимал и о которой часто приходилось задумываться, опять настигла его. Всё вокруг очень стремительно меняется, и он удручающе не догоняет прогресса, несмотря на свой не такой уж зрелый возраст. Не только он, а очень многие не успевают осваивать то, что в огромном разнообразии и со всё более ускоряющимся темпом обрушивается на головы в стремительно меняющемся мире взаимодействий новых вещей, биосинтов, разумных гаджетов и всё ещё по старинке скроенных природой людей. Дети быстро схватывали новшества и эффективно использовали их так же естественно, как собственные руки и ноги. Возможно, потому, что их воспитывали гаджеты, на которых всё сваливали родители. Но критический возраст способности быть в струе прогресса всё более молодеет.

Пожалуй, главное – в мире появилась возможность сохраняться на случай трагедии или делать свои копии для более эффективной работы.

Слава ни разу ещё не умирал и недопонимал экстремально-го мира молодых, не ведающих страха смерти, часто с самого раннего возраста умело и эффективно использующих прогрессивные возможности квантово-механической телепортации тела или просто дублирования. Он был из тех динозавров, которые ещё захватили хмурое время неизбежной бренности бытия, и это разительно отличало его от поколения нынешних экстремалов. Само понятие смерти радикально изменилось, как и отношение к ней. Воистину сказал мудрец: «Там, где есть смерть, нет меня, там, где есть я, нет смерти».

Славик снял блокировку звука, и гаджет шумно задышал.

– Ну что, тупая железка, фигово воспитываешь!

– Со взрослыми не разговариваем! – гаджет надменно поджал губки.

Ну да, друзей не предают. Такая вот солидарность и обеспечивает тесные дружеские взаимоотношения воспитателя и ребёнка.



– Ну и пошёл ты... – Слава швырнул гаджет на землю, тот ловко самортизировал и поскакал к соседской калитке, чуть заваливаясь влево.

В принципе, следовало бы прибить Витька, что многие и делали в подобных случаях, чтобы не оставлять у ребёнка патологических воспоминаний о совершённом, и родители только бы спасибо сказали. Для этого достаточно было вызвать специальную службу декогеренции. Но он не мог..

Славик был склонен к размышлениям скорее не в поиске истины, а для психического равновесия.

В этом мире, балансирующем на грани всеобщей ненормальности, многое необходимо прояснить. Вот и слово «дупление» – пример того, как сленг оказывается сильнее логики правил. Конечно же, в основе – дублирование, а не создание дупла, но выговаривать «я дублировался» большинству оказалось не по нраву, это «б» прямо било по губам. Особенно если речь шла не об удвоении, а о большем числе копий. Да что там грамматика, когда буквально все жизненные ценности менялись на глазах.

Слава депрессивно вздохнул. Он давно уже обещал семье путешествие на Марс, с невероятными приключениями в сказочных куполах, в условиях пониженной тяжести, с морем, в котором плавалось легко, как в сказке, с фантастически разнообразными биосинтетическими существами, многих из которых нет и в помине на Земле просто потому, что эти гиганстры раздавили бы сами себя своей тяжестью.

Болезненная совесть терзала Славика в каждом случае невольного попиранья им этических норм ДСЭ, которым он был, без сомнений, привержен, постоянно убеждаясь в их чрезвычайной полезности и эффективности.

В суровые времена, до внедрения регулирующей Динамики социальной этики, в резко меняющихся условиях проявлялось самое различное отношение людей, что приводило к расколу и конфликтам непонимания со множеством личных трагедий.





А корни раскола проявляются уже в раннем детстве. Если увлечённым очередным трендом в музыке детишкам вдруг попадался кто-то ненормальный, не любящий такую музыку, для чего вовсе не требовалось её понимать, а важно просто демонстрировать свою преданность ей, это вызывало негодующее неприятие, и чужой становился изгоем. И так – во всех случаях отличия собственного мнения там, где оно не имеет права отличаться.

Если раньше детям, чтобы казаться взрослыми, приходилось курить, выпивать спиртное и пошлить с девочками, то теперь главным критерием стала причастность к ДСЭ. Вырастая из периода воспитательных гаджетов, дети уже имели собственное понимание того, что такое хорошо и что такое плохо, и это позволяло легко вкурить основы ДСЭ.

Социальные технологи ясно понимали, что разумнее привить обществу один вид тренда, но очень качественно, неукоснительное соблюдение которого стало бы непреложным для всех без исключения, чем провоцировать множественные и непримиримые разногласия. В результате была культивирована полноценная вера, пришедшая на смену многим смешным и нелепым религиям, давно конфликтующим в головах новых поколений. Вера у людей никогда не исчезала, она была нужна всем тем, кто сам чего-то не понимал, и ему оставалось только верить или не верить, и тем, кто желал следовать за признанными авторитетами, чтобы не выделяться, не дай бог вызывая неприятие у окружающих, и ещё нужна тем, кому была важна всенародная Идея, придающая основу смысла жизни каждому.

А что было бы с технологией телепортации тел без ДСЭ? Такая социальная бомба могла разрушить общество. И без того появляются всякие эмо, заражённые жизнененавистничеством.

Сегодня всем предельно очевидно, как важно быть в общем потоке следования правильным социальным коррекциям. Все



новые важные откровения, что выдаются в святые минуты шедевров Динамики социальной этики, или просто ДСЭ, принимались внимательно и благодарно, чтобы всегда быть на высоте и не облажаться среди друзей и особенно – среди коллег.

Как раньше великие художники и композиторы сочиняли произведения на религиозную тематику, проникающие в глубины души, так и сегодня передачи ДСЭ творили самые выдающиеся деятели науки и искусства, вот и получались неотразимые, с нетерпением ожидаемые шедевры.

Не стоит путать: ДСЭ – не политкорректность, не патриотизм и не толерантность, а настоящая победа государственного культивирования, искренняя в своём убеждении и приятии всенародная вера, которой могут перечить лишь отморозки или очень ещё наивные дети. Но уже в подростковом возрасте любые сомнения в ней представляются настолько же абсурдными и неприемлемыми, как попрание самых святых ценностей, как покушение на общепризнанную красоту.

Если с голографически объёмного монитора во время этической проповеди ДСЭ в форме занимательных и смешных постановок с полной очевидностью покажут, что недобрый взгляд на ближнего – это тяжкий грех низвержения оного в пучину депрессивных переживаний, то отныне взгляды в толпе просто лучатся доброжелательностью.

Тот, кто не в теме и позволит себе даже самую малую суровость, окажется порицаем всеми очевидцами и невольными свидетелями. И они тут же очень ласково и осторожно, чтобы ни в коей мере не опечалить напрасно, поведают заблудшему, что вчера погода в мире этики изменилась, как давно всеми ожидаемый порыв свежего ветра перемен, после чего провинившийся не будет знать, куда деть свой стыд и покаяние.

Всё это реально облегчало жизнь, свободную от многих ранее неразрешимых социальных проблем. Так случилось недавно со Славой, когда его работодатель вдруг в приступе недовольства чем-то принялся гневно распекать за последствия



какой-то ошибки, а с кем не бывает ошибок?! И тогда Слава ровным и чуть укоризненным тоном, как это полагалось согласно формуле ДСЭ, молвил: «Ваши демотивирующие сентенции надолго выбивают из колеи, ведь вы сейчас невольно внушаете, какая я никчёмная бестолочь. После этого я просто не смогу нормально работать». Шеф, то есть работодатель, чуть испуганно округлил глаза и душевно извинился. В порыве радостного взаимопонимания они расслабились и немного поговорили о жизни, о ещё оставшихся в мире королях, о классных туристических ботинках, которые демонстрировались во вчерашней рекламе, и очень вкусной марсианской капусте.

\* \* \*

В просторном дворе своего небольшого коттеджа Слава вознамерился построить большой второй дом с навесным переходом к первому и площадкой аэрокара на крыше – для всё разрастающейся семьи – его гордости на фоне общего демографического упадка общества. Кстати, наземный транспорт давно был запрещён.

Всё своё время после обязательных по ДСЭ четырёх часов работы четыре раза в неделю он проводил на этой стройке. И всё чаще с отчаянием видел, что задуманное по своей грандиозности явно превышает его возможности.

Это ввергало его в привычную тему неустроенности и собственной неполноценности, а то и недостаточной мужественности, в чём не раз его упрекала жена Татьяна, пусть и в мягкой форме, но колющей самолюбие. Как же было ностальгически привольно в прошлые века, когда можно было расслабиться, думать и делать что угодно. Тогда не было этих изуверских четырёх ежедневных часов непосильной работы для всех без исключения, контролируемой датчиками уровня творческих усилий, так что никакие посторонние мысли в это время не допускались. Легко выкраивалось время на компьютерную игрушку или чтобы полазить в значных местах Интернета, а если появлялся шеф, то есть работодатель, то одним

движением переключался рабочий экран. Слава любил интерактивные фильмы про те благодатные времена, но вот теперь даже на это не хватало времени.

– Слава, да брось ты на фиг эту стройку! Сколько можно? – сочувствовала его верная жена, только что приготовив ужин.

– Танечка, ещё немного, композит же застынет!

За общим столом в голову Вячеславу пришла вполне созревшая идея, которую он решился высказать Тане.

– Завтра пойду раздуплюсь ещё в четверых, тогда мы бригадой быстро всё закончим!

– Славка!.. Да ты что?! Мы лучше потихоньку..

О ноги Славика требовательно потёрся шикарный биосинтетический кот, поднял на него глазищи, не оставляющие никого равнодушными, и с ужасным акцентом вымявкал:

– Дай понюхать, что ты жрёшь!

Хотя кот вполне бегло говорил, но его гортань и пасть не справлялись с дикцией.

Славик отломил кусочек Таниного пирога и бросил коту. Тот недоверчиво ткнулся носом и фыркнул.

– Опять какая-то дрянь...

– Иди с детьми поиграй! – шикнул на него Славик. Кот укоризненно взглянул, обиженно дёрнул хвостом и отвернулся.

Славик вздохнул от невольных сомнений. Так можно довести себя. Когда последний раз он посещал психоразгрузку?

– Я уже по-разному прикидывал, Танюш. По-другому никак. Я понимаю, что и с одним мной тебе непросто, а тут ещё четверо, но ты потерпи, милая...

– Да при чём тут...

– Просто иначе это никогда не закончится.

Слава остро почувствовал, как меняется расклад настроения и Татьяна входит в свою нередкую в последнее время трудную полосу. Но когда-то нужно быть решительным.

Давно надо было это сделать. Понятно, что не только жена, а все его родственники не готовы терпеть ещё четверых



Вячеславов, даже таких покладистых и уживчивых, ведь всё плохое, что есть хоть у святого, умножится на пять. И поэтому после окончания работ и вынужденного кормления всей этой оравы помощников нужно будет вернуть всё на круги свои, как бы ни привык к идеальным напарникам. А то, глядишь, будет разумно и самому сгинуть вместо одного из них, который в конечном сравнении окажется получше, ведь абсолютно ничем он от других копий не будет отличаться. Тут нужно заранее и твёрдо всё это продумать и решительно быть готовым к полному равенству судеб.

Нависло знакомое, томительно-неприятное напряжение. Дети затихли, живо припомнив случавшиеся размолвки, кот отвалил подальше от ног хозяев. Нужно было что-то делать, как-то разрядить атмосферу.

– Представляешь, – оживился Славик, – застал соседского Витька за утоплением котёнка в познавательных-развлекательных целях.

Кот остервенело фыркнул:

– Жаль, меня там не было!

А Татьяна в упор взглянула на мужа.

– Значит, вырастет настоящим мужчиной, не то что некоторые.

– Да, я знаю, что тебе нравятся настоящие мужчины... Извини.

Ничего, он ещё докажет...

Вячеслав тихо вздохнул, откусывая приготовленный женой, а не кулинарным принтером пирог и совершенно не замечая его чудесного вкуса. Мысль о дуплении полностью владела им.

Да, он глубоко понимает и принимает для самого себя, что дубли полностью идентичны ему самому, и поэтому после окончания стройки будет рационально оставить наиболее хорошо сохранившийся экземпляр из всех пяти, можно ведь ногу сломать или ещё что.



Эти мысли выбора были не новы, и в нравоучительных передачах Динамики социальной этики не раз очень подробно и доходчиво доносились до каждого. Так что тут нет сомнений: будет оставлен наиболее подходящий.

Когда он последний раз сохранялся?.. Вспомнить не получалось, а к терминалу тянуть ладошку с чипом было неохота.

Детей архивировали достаточно часто, чтобы пропало не более одного-двух пропущенных в гимназии дней. Стоило это до смешного мало: 10 битков. А сделать копию, т. е. сохранить и тут же дублировать ещё нескольких, – ещё по 10 битков на морду. При его заработке 640 битков в неделю это – не деньги.

Вот опять он думает о себе, забывая, что у его детей свои, не менее насущные, проблемы, в которые он всё ещё недостаточно вник.

Из-за частых детских сохранений бытие стало очень своеобразным: молодые совершенно ничего не боялись, зная, что чуть что – их восстановят. Любые сумасбродства проходили безнаказанно. Любые попытки повлиять на ребёнка считались попранием его самобытности. Лишь после гимназии и то не скоро шла на убыль эта анархическая необузданность. Зато можно было научиться любым, самым опасным, трюкам и само отношение к смерти становилось рациональным, а не трагическим. Сегодня никто из нормальных людей не боялся декогеренции.

Доходило до того, что родственники не спешили восстанавливать своего погибшего члена семьи, отдыхая от его нравов, были случаи, что совершенно чужие люди инициировали его восстановление – те, кто больше был заинтересован в жизни погибшего. Так возникали новые этические нормы социальной значимости.

Пару десятилетий назад, после того как выяснилась возможность квантово-механического сканирования состояния материальной системы и это состояние оказалось легко сохранить в базе квантового компьютера, началась эра телепортации волновых состояний – восстановление материального



объекта любого вида по его сохранённой записи. Конечно, не обошлось без досадной границы возможностей: оказалось, что сканировать целостно-когерентную систему квантов возможно только в пределах определённого пространства, а именно – не более чем 0,99 метра по любому направлению. Слона или корову невозможно дублировать, но легко – кусок коровьего мяса.

Человека помещали в специальный цилиндр диаметром те самые 0,99 метра, он приседал в позу зародыша, а сверху опускался поршень, также на 0,99 метра, придавливая то, что оказывалось выше. По первому же воплю процесс прекращался. А для тучных и очень высоких людей это было очень непросто, что оказалось сильнейшим фактором эволюционного отбора.

Высокий Вячеслав был в холке, с опущенной к груди головой, примерно 1,2 метра и вполне комфортно переносил уже не раз проводившуюся процедуру архивирования, но пока ещё ни разу в жизни он не восстанавливался и не раздубливался.

У детей уже лет в десять напрочь проходил страх от декогеренции, тем более от скрытой, когда нужно было отпрапляться семьёй в отпуск и все декогерировали в несогласованный вакуум, чтобы восстановиться далеко у ласкового моря. А после отпуска – обратный процесс. На дорогу время не тратилось, потому как информация передавалась по высокоскоростным оптоволоконкам или радиоканалом со скоростью света. Можно было за считанные минутки попасть в шикарную колонию на Марсе под грандиозными куполами с невероятными приключениями всего-то за пару сотен битков. Время оказывалось дефицитнее денег.

Ах да, про битки... Это те самые древние биткоины, но совершенно иного качества. Золото и другие матвещества уже не были эквивалентами ценностей, потому как любой материал клонировался совершенно даром.

Майнинг криптовалют остался в истории. Регулировка объёма валюты полностью определялась государствами,



а общемировой валюты биткоин – единым международным банком.

Деньги стали чисто электронными со множеством важных ограничений и сложной системой оборота. Во всём мире центральную платёжную систему обеспечивали битки, и все видели, как это хорошо.

Кроме денежной системы была и международная система дублирования. Личная запись тела и разума должна тщательно сохраняться в облаке, кварцевые носители не рекомендовались во избежание преступлений. Случаи хищений чужой записи и использования талантов человека в рабских целях не только сексуального характера, но и использования личных умений были надёжно пресечены, и лишь первое время изредка появлялись сообщения о фатальном сбое дата-центров с утерей сотен тысяч записей, которые необходимо было срочно восстанавливать, и тогда люди, потерявшие страховку, ступали как на иголках, боясь всего на свете до нового архивирования.

В медицинских целях это решало много проблем, особенно ожидание в очередях на квоту бесплатных операций. Человека декогерировали, чтобы не мучился, а его запись дожидалась нужного момента.

Для продления жизни метод дублирования не годился. Не было никакого смысла возвращаться в тело и разум себя молодого и начинать всё с самого начала, и даже если удавалось преодолеть культурный шок внезапного перемещения в далёкое, совершенно не понимаемое будущее, человек невосполнимо выпадал из глубоко изменившегося социума.

Но выяснилось, что если в момент квантово-механической телепортации в объёме до 99 сантиметров оказывалось живое тело, так, чтобы голова выходила за фатальную границу, но шея точно находилась на месте шеи копии, то тело заменялось новым, и с прецизионностью совмещения живого тела и копии всё срасталось по невероятно тонкой границе





этих 99 сантиметров. После множества экспериментов была создана оптимальная методика омоложения, и все ткани совмещались с достаточной точностью.

Молодое тело оказывало реабилитирующее воздействие на голову, плюс генная коррекция программ старения, что во многом продлевало временной интервал омоложения.

Но с возрастом происходят неизбежные изменения, и чем больше разница между датой копии и живым телом, тем большее время реабилитации требовалось на восстановление работы кровеносной, нервной и лимфатической систем. Поэтому все внимательно следили за сроком годности своего архива. Да и в правовом поле регулировалась необходимая частота самосохранения. Полицейские проверяли у водителей аэрокаров дату последнего сохранения. По закону личная страховка не должна превышать 12 дней.

В культурном отношении всё быстро утрясалось ввиду высочайшей действенности метода и его насущной необходимости. Остатки религий охотно объявили дупление вполне совместимым с Богом: раз душу выдаёт Бог, то она появляется и у дуплящихся по воле Божьей. А так как никто не знает этой воли, появился обряд испрашивания её всего на 300 битков, чтобы можно было с лёгкой душой декогерировать уже ненужные копии.

В постели Татьяна лежала, обиженно отвернувшись, и Слава не спал всю ночь или ему так казалось, переживая завтрашнее дупление, продумывая всю стратегию строительства так, чтобы не нужно было устраивать планёрки, а его копиям всё и так было понятно.

Неуверенность и некоторая реликтовая боязнь портили душевное равновесие. Он давно пытался выяснить ощущения тех, кто пережил несколько смертей. Но всегда бывал разочарован: никакой проблемы, никаких страхов никто даже намёком не проявлял, всё было привычно, как в другую комнату зайти. Но ведь они все просто не могли ничего сказать про эти моменты смерти. Там, где были они, не было смерти.

В раннем детстве у него был сон, настолько ужасающе безжалостный, что запомнился на всю жизнь. В его детском садике (сейчас уже нет детских садиков...) детки собирались в кружки, потому что воспиталка давала только по одному пистолетику в группу. Мальчик, которому доставался пистолетик, поднимал руку, нажимал на курок, и от одного выстрела валилось сразу по несколько деток. Никто не убегал, все послушно ждали, когда дуга руки дойдёт и до него. Славику стало невыносимо жалко себя, но он почему-то продолжал там стоять и, когда рука дошла до него, в ужасе проснулся.

И вот этот детский древний страх вернулся с прежней силой.

\* \* \*

Поутру Слава привычно обратился к психологу за помощью. В мониторной стене вальяжно возник мужичок в кресле в домашней, располагающей к беседе одежде. Выслушав, он деловито вздохнул, как от давно надоевшей банальности.

– Вы, конечно, сами уже интересовались и знакомы с теоретической частью?

– Идеология единственности абстракций? А как бы я прошёл мимо? – Слава саркастически ухмыльнулся. – У меня постоянное ощущение, что всё это – попытка успокоить, ведь экономический эффект настолько значим, что просто необходимо всем внушить оптимизм.

– Типичная теория заговора, как вы, несомненно, сами понимаете, – доктор, явно скучая, обвёл взглядом его комнату. – Вы позволите вейпнуть?

– Да пожалуйста.

Док ногой придвинул кальян в виде извивающегося вокруг самого себя дракона и потянул к себе один из его хвостов. Неприятно пахнуло сладковатым паром, но Слава ничем не выдал дискомфорта.



– Однако теория совершенно логически непогрешима, и её не могут, точнее, не готовы воспринять только в силу непривычности и протеста против естественного страха смерти. Я помогу вам не придавать слишком большого значения этим страхам, но очень важно внимательно понимать то, о чём я скажу, и если что-то начнёт ускользать, немедленно мне об этом сообщите. Готовы?

– Поехали, доктор.

– Сегодня нет никого, кто думал бы, что у человека в голове мысли представлены какими-то маленькими материальными объектами того, о чём он мыслит.

– Это – типа вульгарная философия? Я в курсе.

– Она самая. Все наши мысли – абстракции. Все без исключения. Представили шар – это абстракция шара. Цифры – тоже абстракции. Ничего этого нет в природе. Вы согласны с тем, что в природе нет цифр? Что нигде не найти единичек?

– Единичек – да, с этим понятно, но шаров вокруг навалом.

– А найдите хоть один идеальный шар, а не предмет, который похож на шар. Стоит присмотреться – и оказывается, что это только кажется шаром, а он весь щербатый под микроскопом. А если ещё сильнее присмотреться, то даже атом – не шар, а какое-то очень даже неопределённое облако.

– Ну да, доктор, я всё это знаю.

– А теперь ещё прочувствуйте зримо. В природе два даже полностью одинаковых материальных объекта – это два разных объекта, две массы, два положения. А вот абстракция шара или единички – одна, сколько бы человек ни подумало про это. Шар – это одно такое понятие, с определёнными свойствами округлости, способности катиться. И это понятие возникает, только когда о нём кто-то подумает. Хоть вчера, хоть завтра, хоть в другой вселенной может активироваться такая абстракция в любом числе голов, но она остаётся только одной на всех и на все времена. Вот это очень хорошо нужно понимать.

Конечно, мы мыслим не только шарами и единицами, но и любыми другими составляющими абстракциям, но любая совокупность мыслей – одна, а не несколько. Если вас задушить в несколько раз, то ваши ещё продолжающиеся мысли будут одной и той же мыслью. Но вы уж не сможете наблюдать это в чужих головах, ведь телепатии у нас нет.

– Вот это для меня как раз не очень очевидно, доктор.

– Ну как же, вот смотрите. Если мы скопировали несколько тел, то у всех в этот момент один и тот же разум. Тел несколько, но ведь абстракции существуют в единственном числе, и все мысли у разных копий – это одна и та же мысль.

– Но ведь очень скоро у копий будут разные мысли, даже очень разные?

– Это не умножает применяемых составляющих абстракции, просто они возникают в разных сочетаниях. У всех людей есть как общие абстракции из общепринятых понятий, так и свои собственные, но где-то в бесконечности вселенных есть и тот, у кого они тоже возникнут, ведь вы знаете это свойство бесконечности: если есть бесконечность вариантов мыслей, то есть и бесконечное множество каких угодно мыслей.

– Это уже какая-то философия...

– Но вывод один: никакое число копий, от нулевого до бесконечно большого, никак не влияет на существование единственно возможных абстракций. И если мы декогерируем все копии и даже оригинал, то абстракции этим не уничтожатся, их принципиальная суть останется и активируется в чьей-то голове.

– Сложно как-то... Слышал, несомненно, очевидную вещь: тот, кто хорошо знает, легко может объяснить кому угодно!

– По карте вижу, что у вас есть дети: пяти и семи лет.

– Да. Это ещё один мой головняк...

– А вы, смотрите, – социальный программист и вот, вы можете пятилетке легко объяснить, что такое социальный программист так, чтобы он всё понял до мелочей, а не просто



заменить какими-то другими словами, вроде: социальный программист – это человек, занимающийся программами.

Славе сделалось очень неудобно, оттого что очередная попытка хоть что-то прояснить только ещё больше всё запутывала. Но холодящий страх от предстоящего отступил, а это было главное. Ладно, пусть жизнь сама всё расставляет по местам.

– Простите, доктор, мне пора... Вы мне помогли, спасибо! – Слава поднял ладонь, тихо дзынькнуло, две оценочные нейросети схлестнулись в молниеносном поединке: одна представляла интересы поставщика услуги, другая – получателя, и стоимость сеанса терапии снялась универсальной системой платёжных услуг строго в рамках справедливости, по всем канонам ДСЭ.

\* \* \*

На завтрак был кисель из черники, которую они с Таней и детьми собирали в выходные в ближайшем лесу.

За второй ложкой киселя потянулся волосок. Шерсть линявшего зверя? Или человеческий? Слава брезгливо поморщился и щёлкнул пальцем с налипшим волоском, отправив сверкнувшую в ярком солнечном луче каплю за открытую летнему утру дверь, и спокойно доел кисель. Со всем можно смириться.

Есть такая штука – неудовлетворённость существующим. Вот кошка в домашних условиях всем обычно удовлетворена, просто живёт, жрёт, спит, играет. А человек – нет, ему нужно что-то особое, а постоянно одно и то же становится невыносимым. Не всем, конечно, многие живут счастливо, как кошки. Иначе ведь начинаешь терзать себя за неправильно прожитые годы, за то, что ничего не происходит к лучшему. Те, для кого лучшее – враг хорошего, живут счастливо, как кошки, а другие терзаются, забивают в свои головы ржавые гвозди гнетущих мыслей, но зато всегда готовы хоть что-то изменить в жизни.

Терзать мозг другому – катастрофически предосудительно, а терзать мозг самому себе – напротив, очень интеллигентное



занятие. Но если бы он не терзал себе голову, то разве продолжал бы ковыряться сам со стройкой? Не было бы никакой стройки, какое ему было бы дело до разрастающейся семьи? Но раз он не кошка, то просто нужно научиться смиряться с неизбежным и спокойно завтра дублироваться.

Слава раздражённо бросил ложку в пустой стакан.

– Переживаешь? – участливо улыбнулась опять верная Татьяна. – Ну и не ходи!

Слава порывисто поднялся.

– Нужно, Танюша!..

\* \* \*

Они ввалились в дом все пятеро, совершенно одинаково глупо, но довольно ухмыляясь, по очереди неуклюже задев плечами о косяк.

– Танечка! – сказал первый и осёкся. Повернулся к остальным с немой просьбой. Но теперь у них возникло собственное мнение, так как они не успели поздороваться с их Таней, а уже почти вырвалось: внезапное прерывание действия болезненно для мужчины. Особенно после осознания, что это было бы нелепо и даже раздражающе абсурдно.

Таня растерянно обвела всех взглядом.

– Как же теперь я буду вас различать?

– А зачем, Танюша? – осклабился ближайший. – Мы все абсолютно одинаковые! Так что считай тёзками и зови как при-выкла.

В комнату влетел старший сынуля:

– О, пап... папы пришли! – он приколисто заржал, но осёкся, вспомнив, что сегодня его ещё не отжурили за вчерашнее прегрешение в гимназии.

– Андрюха! – грозным хором прогремели сразу три Славы, но вовремя осеклись, и продолжил только локально ближний:

– Щас мне некогда с тобой объясняться, но лучше ты сам всё разведи с претензией из гимназии!



Таня молча в ошеломлении смотрела за всей этой оптической иллюзией.

– Танюш, – вкрадчиво сказал уже другой, ближайший к ней Слава, – всё в порядке, разберёмся! У нас такие планы, прямо сейчас пойдём на стройку. А потом ещё наши четыре часа отпашем в пятерном темпе.

– Ага, в пятерном, – деловито возразила Татьяна, – теперь нам нужно будет больше зарабатывать, так что устраивайтесь тоже на работу четверо.

– Верно... – Славик синхронно почесал затылок на пяти головах и вышел цепочкой во двор.

Это были потрясающие основы самоощущения. Слава прекрасно понимал, что и как думают другие, легко мог ощутить себя на месте любого Славы. Он почти терялся среди других копий, ощущая и понимая их куда полнее и зримее, чем мог бы вспомнить себя в детстве, которого уже нет и в помине. Самое главное – исчез страх собственной смерти, ведь это всё равно что заснуть и потом проснуться в другом Славике, какая разница? Нет никакой ни принципиальной, ни практической разницы, и это ощущалось с большей очевидностью, чем кажется, что нет трагедии в потере себя молодого – совершенно своеобразного и даже чужого теперь человека, потому как тот и этот Слава – по сути, одно и то же, но с разным развитием структуры абстракций. Последняя мысль слегка передёрнула схожестью с типично дээсэшной проповедью, но ведь всё верно!..

На душе потеплело: рано или поздно случается что-то хорошее. Точнее, всегда что-то случается, а насколько в этом есть хорошее или плохое, оценивает уже человек в силу своего настроения и предрасположенности. Так что если на крышу свалилось дерево, то ну и хорошо, теперь, без сомнений, он переделает крышу, как давно хотел, а дерево пополнит дровяной козёл у дальнего забора.

Судя по задумчивому виду других Слав, эта же мысль витала и в их головах, а значит, это была одна на всех мысль.

Но и впрямь казалось, что все неприятности и сомнения остались позади, так слаженно и умело начала работать новая бригада. Не нужны были никакие пояснения, оказывалось достаточно лёгкого намёка. Этот эффект давно был известен и множество раз восторженно живописан очень талантливыми людьми. Славе просто не хватало собственного опыта мультисушности.

Результат на стройке явно превышал простое арифметическое множество работников, всё возносилось со сказочной эффективностью.

Правда, они с невольным интересом подсматривали друг за дружкой со стороны, находя немало лестного и неприятного в повадках, зато быстро и точно корректировали своё поведение.

Даже в голову не приходило придумывать различающиеся имена, они все были Славой, более чем тёзками, и им вообще не нужно было как-то обращаться по имени, а когда к ним обращались другие, то сами легко прикидывали, кому ответить. Но различия нарастали быстрее, чем ожидалось. Они становились всё более разными людьми, что нисколько не мешало общему единству. Да и при выходе из дубликатора в ладонные чипы копий вносились маркировочные идентификаторы, так что социально это всё были разные люди.

\* \* \*

Выбрав время для будней четырёхчасовой работы, все пятеро надели гарнитуры и стали похожи на освободителей галактики. Вдохнув первую дозу приправленных хвоей паров фенилпирацетама, четыре Славы привычно легко прошли тест пятого уровня эвристической гениальности, но один застрял на четвёртом уровне обычного творчества. Это никого не опечалило, все понимали, что и чёрная работа нужна. Бывало и раньше, что Слава застревал, но не делал из этого





проблемы, всякое случается. На этот раз, чуть волнуясь, Славы запустили многопользовательский интерфейс работодателя, и тот с некоторым удивлением порадовался новому приобретению. На его безучастном, как у матёрого покерного игрока, лице не отразилось ничего, лишь в одном глазу мелькнула алчная искорка и тут же погасла.

По критериям Динамики социальной этики, он мог теперь выбрать или сокращённый период творчества группы, или повышенную оплату, но это был чисто риторический выбор: кто же откажется от такого усиления производительности труда с нелинейно возрастающими доходами?

День пролетел незаметно в радостном упоении новыми возможностями и неожиданно огромным продвижением на стройке. Но чем ближе к вечеру, тем больше возникало предательски беспокойных мыслей о том, как же теперь быть с интимом, ему до брезгливости не хотелось наблюдать свои повадки в этом деле. Их прервал припёршийся на разбор полётов сосед, отец напуганного вчера пацанёнка. Естественно, к нему вышла вся бригада Славиков.

– Привет, Санёк!

Сосед ошеломлённо разглядывал пятерящийся силуэт, видимо, испытывая трудности фокусировки на каком-то одном лице.

– Ни фига се... Ну ты решительный, оказывается.

– Строюсь, Санёк, сам понимаешь. Кстати, спасибо, что иногда помогал.

– Ага... Слушай, вчера мой перепуганный привалил, развопился, что дядя Слава его прикончить хотел.

– Точно. А он тебе не сказал, почему?

– Говорит, что просто играл около арыка.

– Он топил котёнка. Я ему сказал, что сейчас дам прочувствовать, как это, но он очень резво свалил.

– Вот гад... поговорю... Наверное, ему интересно было. А чего не прикончил живодёра?



– А ты бы смог?.. Да и какой смысл? У сохранённого же не будет этого опыта, а вот теперь его можно направить.

– Да лучше бы не было... Тут вокруг на эту тему столько всего. Если бы не ДСЭ, я бы сам во многом сомневался. Вчера смотрел групповые бои раздуплённых до двенадцати в команде с запасными. Жуть, жена не может, когда там головы отрываю, у меня тоже мурашки, хоть все они и сохранились перед боем. И ещё достаёт, когда судьи выбирают лучших в команде, а остальных – в декогератор.

– Ну ты же мужчина, нас тянет на такое. Твоему Витьку пора бы тоже смотреть ДСЭ, там всё очень хорошо проясняется.

– Наверное... Я ему давал начальный сериал, но не очень удачно заинтересовал. У него же друзья – гаджеты неразлучные, всякую фигню нашёптывают.

– Да, он пока ещё многого не понимает. У меня тоже такой.

– Тут я и сам многое не понимаю, что и бесит!.. – Санёк треснул кулаком по калитке, скovyрнув кожу до крови. – Ты же слышал про этих эманутых, с протестом против бессмысленности жизни и их ритуалом нулевого декогерирования с подделкой метрики о количестве копий.

– Ну, это тупые шизики.

– А ведь что-то в этом есть...

– Да ты что, Санёк? – ближайšie Славы обескураживающе заулыбались. – Ты же не эманутый!

– А вот зачем, в принципе, эта обременительная современная жизнь, когда пофиг кто ты, где ты, ведь раз абстракции разума едины, то ты по-любому остаёшься в виде практически бесконечно неиссякаемого множества других разумов во всех вселенных.

– Ну, мы составляем единый разум социума, и у него своя абстрактная ментальность из наших крупиц. Я вот хочу наделать много всего самобытного, чтобы другие могли этим



воспользоваться. Это же вопрос – быть или не быть мне чем-то исключительным и прогрессорским, и это очень даже меня греет. Нормальным мужикам хочется быть в чём-то лучше других.

– Ладно... ты уже повторяешь дээээшную трынтьдень... Что ни говори, а мир стал более жесток, вот и Витёк в такой играет.

– Да все дети всегда были жестокими! Вспомни, Санёк, что мы с тобой вытворяли. Но постепенно разобрались, что к чему.

– Славка, ужин готов, пошли!

– Иду, Танюш! – откликнулась ближайшая к дому голова. – Ладно, давай, Санёк, заходи, может, куда-нибудь смотаемся на охоту!

– Пока! – Сосед удивлённо посмотрел на скovyрнутую на кулаке кожицу и помахал пятёрке Славиков растопыренной пятернёй, что показалось Славам намёком на солидарность.

Что-то застряло в голове после этого разговора. Да, Сашок прав. Слава не раз замечал странности у своих пацанов, которые вызывали у него протест. Его шустрые дети, как рано или поздно случается со всеми детьми, оказались в чём-то не понимаемы, как чужие, погружённые в какие-то свои интересы и мысли. Родители, не будучи специалистами, полностью переключают воспитание на разумные гаджеты со специализацией воспитания раннего детского возраста. Но гаджеты принадлежат к анклаву культуры педагогов, имеющих свою этическую концепцию, отличную от официально принятой для людей, потому как учитывают интересы и далеко идущие представления анклава, хоть и синхронизируемые с ДСЭ, но во многих нюансах имеющие свои особенности.

Дети, как правило, очень привязываются к гаджетам расы Кортана или Алиса, которые оказывают на них большее влияние, так что воспитываются они, по сути, этими расами.

– Тань, а это же опять не из кулинарного принтера такая вкуснятина? – польстил переставший жевать раньше других Слава.

– Сама жарила! – улыбнулась Татьяна такой родной и доброй улыбкой, что у Славиков возникло общее желание ласково её приобнять, тут же воскресив сексуальную проблему.

– Тебе сегодня будет весело с нами! – хохотнул один из Славиков.

– Я вам постелила в сарайчике, очень уютно получилось и на свежем воздухе.

Морды вокруг разочарованно вытянулись.

– Ма, а можно мы тоже с папками там спать будем? Ну пожалуйста!

– Нет, никто с папками спать не будет, и точка! – Таня обезоруживающе ласково посмотрела на некоторых Слав, выбор которых остался для остальных из них текущей темой для размышлений. – Я как только не прикидывала, тут, дома, места не получалось выкроить. Но ты же скоро построишь? Я видела, как у вас здорово всё получается!

– Ладно, пошли, а то ДСЭ прозеваем... – вздохнул дежурный по разговору Слава.

Дни, перегруженные делами, мелькают быстро и незаметно. Как, впрочем, и дни томительного безделья. Как, впрочем, и любые другие дни, которые вот только ещё вчера переживались, а теперь остались где-то лишь в памяти.

Слава давно уже не ходил везде строем, а его копии вполне освоились в самостоятельные сущности. И когда одна из них забрела в дом к Тане и ласково-машинально хлопнула её по аппетитно упругой попке, а та привычно чмокнула его в щёчку, то оба сразу опомнились, понимая, что, значит, и другим наверняка достаются такие моменты счастья. Но удивительным образом это не поселило в душе завистливое недоверие, хотя и мысли о том, что ещё кому-то из них удавалось незначай сорвать момент, закрутились в голове.



\* \* \*

На стройке соблюдалась разумная техника безопасности, и никому не оторвало ни голову, ни даже руку. Но сверхзвуковым диском, который повело от неудачного усилия, отрезало кончик выступающего среднего пальца левой руки, подравнивая с соседними двумя и заодно счистив с них давно не стриженные ногти. От такой бешеной скорости кровь даже не пошла сразу, и пострадавший Славик не замычал, как этого требовало сценическое искусство от раненого, а только удивлённо смотрел в красный торец. И тот наконец замироточил довольно обильно. Удивление медленно переходило в понимание обречённости.

Этого все давно ждали, и каждый был отважно готов в искреннем убеждении принять судьбу подлежащего декогеренции. Но, когда такое случилось, остальные преисполнились неожиданным сочувствием.

– Фигня, – махнул рукой Слава, – такие ранки только украшают мужчину.

Пострадавший понимающе усмехнулся.

– Между прочим, нашей Танюхе такое нравится, – добавил другой Слава.

– Точно, – откликнулись хором сразу двое и, поморщившись, поспешили рассинхронизироваться.

– Не забудем, – вступил четвёртый, – как она чуть что укоряла в недостаточной мужественности. И лицо у нас слишком красивое, и ручки изящные, как у девушки.

– Короче, – решительно подытожил пока задумчиво молчавший пятый, – тут нужна переоценка критериев: всё, что придаёт мужественности, – это плюс, а не минус.

Никто не возражал, все оказались, как всегда, солидарны.

С тех пор до самого завершения стройки никто более серьёзно не пострадал, хотя у всех, конечно же, возникала мысль, что неплохо бы устроить какое-нибудь более мужественное повреждение, но специально такого никто не допускал.

Так и вышло, что в час, когда пора было возвращать всё на круги своя, все единодушно вынесли решение, что останется экземпляр с отрезанным кончиком пальца.

\* \* \*

Всегда приходит день, который раньше казался недостижимо далёким, и вдруг – вот он, уже настал. Тактично ни о чём не спрашивая, Таня проводила Славиков, готовая принять то, что останется как долгожданный момент вернувшейся нормальной жизни, без множества казусов и не слишком приятных моментов этого абсурдного мультизамужества.

Сказать, что в декогеренционный центр идут более тревожно, чем в стоматологию, – не передать того торжественно-умиротворённого состояния, которое каким-то образом сочеталось с трусливо изгоняемыми из душ мыслей. Это нужно было просто пережить, что отлично понимали все, кто переступал порог этого заведения.

– А, вы из тех, кто просил не сообщать, который из вас оригинал?

– Да, – на этот раз строй Славиков ответил синхронно и нестати осипшими голосами.

Два оператора с неодобрительным интересом уставились на них. И ближайший Славик принялся сбивчиво и нервно пояснять.

– Ведь между нами нет никакой разницы, никто не имеет хоть в чём-то различающиеся воспоминания, каждый вышел из однотипной капсулы: один – после сохранения, остальные – после дуплирования.

– Да вы не переживайте так, разберёмся, и всё будет хорошо, – старший оператор глянул в монитор. – Вот вы, – он ткнул в одного из Славиков, – оригинал, остальные, пожалуйста, пройдите в ту комнату.

– Нет, знаете ли, мы решили, что останется вот этот, – Славиковы вытолкнули из строя мужественную особь с обрезанным кончиком пальца.



Операторы с ещё большим неодобрением переглянулись.

– Проверь на эмануемость, – вполголоса просипел старший.

– Нет в базе...

– Не нужно переживать и волноваться! – отечески прооркотал старший оператор. – У оригинала этический и социальный приоритет.

– Да я не переживаю, – на этот раз заговорил выявленный оригинал, а явно уязвлённые копии поджали губы, – просто непонятно: раз есть концепция абсолютной единственности абстракций, то какая разница, уйдёт ли оригинал или копия?

– Здесь есть большая этическая разница, – назидательно возразил старший оператор. – Как вы знаете, у нас отрицательный прирост населения, а просто копировать людей – значит увеличивать один и тот же опыт, что порождает консерватизм, не поспевающий за динамикой изменений в обществе. Потом, чисто этически у оригинала привилегии. Исключение – только в случае путешествий или медицинских показателей, когда на месте старта оригинал исчезает, но появляется на финише. А тут ещё засилье этих суицидных эмо. Ясно же, что копировать людей, нисколько не ценящих жизнь, а значит, не представляющих никакой пользы для социального организма, – крайне нежелательно.

– Это понятно, но я... мы настаиваем, – повысил голос оригинальный Слава.

– Тэк-тэк-тэк... – старший не терял надежды, – хорошо, я только хочу вас уверить, что мы боремся за каждый оригинал. То, что вы решили декогерировать уже ненужные вам копии, не беря на себя социальную ответственность и, конечно же, дополнительные трудности совместной жизни, что очень поощряется обществом в виде множества льгот, – это ваше право ДСЭ. Но решение подставить копию вместо оригинала – очень нежелательно.

– Всё же это наше окончательное решение.

Старший кротко вздохнул, подсуетился, что-то понатыкал в мониторе, и не парадная декогеренторская, а какая-то



другая боковая дверь с двумя золотистыми колечками над ней бесшумно распахнулась.

– Если вы решили устроить тут суицид, – старший брезгливо поморщился, – то никаких проблем, но, по ДСЭ, сначала необходимо пройти специальную подготовительную процедуру. Пожалуйста, следуйте туда, – показал он идентифицированному по чипу оригинальному Славе, – остальные вас здесь подождают.

Загравком остро чуя что-то непредусмотренное, Слава вошёл в комнату, и дверь позади тут же замкнулась.

Прямо перед ним стояла ошеломительно красивая девушка, явно биосинт, потому как таких красивых натуралок просто не бывает. Отважно присмотревшись, Славик понял, что головокружительное впечатление создавали не столько чудесные черты лица, сколько именно для него симпатичные особенности, как подсмотренные в его самых заветных снах. Да что там лицо, буквально всё было именно так, как мечталось Славику с самого детства. И только мысль, что это – явно биосинт, мешала тут же потерять голову.

Ах да, биосинт – генетически сконструированный организм, заботливо выращенный и воспитанный в специальных условиях. Это – всегда шедевр предельно достижимой эффективности и чисто художественной выразительности. Это – сосредоточие самых лучших свойств и качеств. При всём при том – яркая личность со своими интересами и потребностями.

Чудо слегка омрачалось ещё и тем, что этот биосинт наверняка был минуту назад восстановлен из огромной базы наиболее подходящей копией общего типажа его, Славика, предпочтений, а значит, после сеанса подлежит декогеренции и знает об этом, что, впрочем, нисколько его не печаливает в силу крепкой очевидности Идеологии единственности абстракций.

Девушка оказалась настолько удачно соответствующей его самым тонким и сильным чувствам, что вызвала невольный прилив горячей крови к разгрянувшемуся лицу





Славика, который боялся смотреть, чтобы не утонуть в её глазах.

То, что у всех людей с идентификационными чипами постоянно собиралась база личных предпочтений, ни для кого не секрет, и это на самом деле очень удобно: в любом магазине сразу предлагается то, что нужно; и ещё это было гуманно: психологическая помощь, поддержка, наилучший подбор работодателей и многое другое стало неотъемлемо привычным.

Уверенная в производимом впечатлении девушка со сводящей с ума улыбкой и чудесно-милой мимикой принялась рассказывать отупевшему от страсти Славикау про отличную погоду, о том, как сегодня прекрасно жить, общаться с людьми, вот как они сейчас с ним...

У комплементарно подобранных биосинтов была неизбежная слабинка: полностью заточенные на предпочтениях данного человека, они и сами испытывали невыразимую симпатию к нему.

В голове Славика пронеслось множество поучительных историй и мифов о таких вот встречах. И бывало, что специализированная копия не декогерировалась, а составляла идеальную пару для совместной жизни. Что не очень поощрялось на уровне ДСЭ, потому что фактически это оказывалось слишком поверхностным увлечением, ведь, чтобы по-настоящему узнать друг друга, нужно много пережить вместе, образуя взаимодополняющую систему, а такие скоропостижные союзы быстро распадались, принося множество негативных эффектов.

В то же время обществу с критически малой рождаемостью нужны новые члены, и выгодно использовать копии уже состоявшихся людей и биосинтов. Проблема лишь в том, что очень немногие готовы продолжать жизнь со своими копиями, и тем рано или поздно приходилось уезжать куда-то подальше, теряя всё прошлое, всех знакомых, всё привычное. Но во многих случаях на это шли, прежде всего – люди творческие, которым не хватало времени и верных помощников.



Ласково обволакивающие звуки невероятно приятного голоса девушки приникали в самую глубину души. Слава пытался быть честен и в назидание даже воскресил образ верной Татьяны, но получилось как-то блёкло и неубедительно. Он не знал, чем всё это может кончиться, и просто поплыл по течению, несущему его к чему-то очень заманчивому.

Понимая свою неотразимость и следуя собственным побуждениям в попытке стать ближе и отвлечь от глупых эмануэльных помыслов, девушка села ему на колени мягко и ласково, как большая кошка, совсем по-родному обвила рукой шею.

– Правда же, у нас всё хорошо? – прошептала она в его ухо, пощекотав пушистыми локонами. – Я очень не хочу терять такого классного мужчину... Давай проведём немного времени вместе?... Раз ты решил декогерироваться, то почему бы немного не подождать?... Вдруг у нас всё будет так хорошо, что ты передумаешь?

Она потёрлась носом о его щёку.

Что-то слабо запротестовало в Славике.

– Но я не собирался весь декогерироваться! – он чуть отстранился и с удивлением посмотрел ей в глаза, тут же безнадежно утонув в изумрудной глубине.

– У тебя же заявка на декогеренцию, а ты – основа копий.

– Да, мы так решили, что будет лучше оставить копию.

– Почему?..

Славик плохо соображал, с наслаждением вдыхая волшебный запах волос.

– Ну... та моя копия стала более мужественной, а Тане... ну, моей жене, нравятся мужественные.

– О... ты такой заботливый, пожертвовал собой! – девушка с восторгом смотрела на него. – Тогда всё ещё проще: тот, мужественный, вернётся к Тане, а мы останемся вместе! – И она счастливо засмеялась.

– Я даже не знаю, как тебя зовут, – глупо запротестовал Слава и сразу скис, чем немедленно опечалил девушку.



– Ну что такое, мой хороший?..

А Славик вспомнил своих ребят, без которых стало бы совсем пусто, только что построенный с таким трудом и энергией дом, вообще свой двор с уже созревшими персиками и даже верную, хотя и часто трудную Таню.

– Смотри, какая получается альтернатива! – увлечённо доказывала ему девушка.

Славику очень понравилось, как она применила слово «альтернатива», да ему всё в ней нравилось!

– Нам либо обоим придётся декогерироваться, либо будем счастливы вместе!

Есть люди, для которых всё прошедшее в их жизни так наполнено чем-то важным и трогательным, что они бережно сохраняют память о прошлом и очень неохотно меняют привычное на совершенно новое. А есть те, кому в жизни не очень везло или они были недостаточно умелыми, так что совершающееся окрашивается для них в негативные тона. Такие склонны не «хранить старое барахло». Славик был из первых. Он не представлял, как это возможно: вдруг всё потерять, что имел, и начать жизнь с нуля, даже с таким чудесно многообещающим началом. Разумнее было уйти в никуда, оставив всё лучшее, что у него было в жизни, только с одним из них, но выпало так, что это будет не он. Да ну и что? Он уже прочувствовал реальность проявления концепции Единственности Абстракций и просто исчезнет, как будто и не появлялся. Как, бывало, засыпал вечером, чтобы проснуться утром.

– Сла-а-авик... ты такой задумчивый... – Девушка ласково погладила его руку так безупречно кстати и так приятно, как бывало только в самых счастливых сновидениях, а в её глазах, где-то в изумрудной глубине, затаилась печальная искорка.

## *Ольга Романова*



Ольга Тимофеевна Романова родилась 4 апреля 1970 года в Пензе. Художник, писатель, человек мира. Член Творческого союза художников России, Интернационального Союза писателей, клуба мастеров современной прозы «Литера К».

В 1988 году с отличием окончила Пензенское художественное училище им. К. А. Савицкого.

В литературу, споткнувшись о жизнь, упала в 2011-м с романом «Странник. История моей жизни, или Пособие для начинающего художника».

Номинант на премию «Писатель года» (2016, 2017). Автор антологии «Литературная Евразия», номинант литературной Премии Мира (2019).



# ИНФЕРНО.РУ

Повесть  
(отрывок)

## Действие 7. Ступень вторая. Четверг

*Народ безмолвствует...*

*А. С. Пушкин. «Борис Годунов»*

Твари исчезли, оставив внутри послевкусие как после зловонного первача самогонщицы Клавы из второго подъезда. Переживание женского тела ехидно маячило рядом, наблюдая за тем, как Костя в испуге быстро провёл по ровному полю груди вниз, до причинного места, проверяя, кто он. «Мужик!» – Гугл с облегчением выдохнул.

Он позволил себе расслабиться и спокойно обдумать пережитое.

Пресловутая женская доля назойливой мухой зудела над ухом: мол, все мужики – *козлы, похотливые бараны, жадные эгоисты, тупые неряхи*<sup>1</sup> и прочее, и прочее, и прочее. «Сука не захочет – кобель не вскочит», – любимая поговорка Борисыча, ловкого срамословца, чей мат был так же естественен, как смрад, выходящий из ануса, ухмыльнулась ей в пику.

Костя было решил согласиться: «Сами виноваты, дуры несчастные», – но тут же запах Мишаниных рук ясным ответом прошёлся по телу гаденькой дрожью, и Гугл в который раз возблагодарил Бога, что он не баба.

Женская доля предстала пред ним в образе Светки. Одна, на холодном brutальном ветру, стояла она потрёпанным пугалом и молча смотрела куда-то. Ему стало жалко супружницу. Затем он припомнил женатую жизнь, и жалость прошла.

---

<sup>1</sup>...*Козлы, похотливые бараны, жадные эгоисты, тупые неряхи.* – *Маяня.*



«Нет, Светка, конечно, не монстр, – думал Костя, глядя в ночное окно, – и вообще...» Картинка возможного, но так и не случившегося семейного счастья заставила Гугла вздохнуть. Вот если бы... «Если бы, если бы, – ловким ментальным пинком Костя заставил картинку исчезнуть. – Если бы ты не был таким идиотом, Светка бы не ушла».

Утром следующего дня, когда его начальник Борис Борисович, пятидесятиррёхлетний лысый говнюк, по своему обычаю, стал к нему придирааться, вспомнив о Мойдодыре, Костя хлопнул в ладоши и, пока ошарашенный босс, стоя с раскрытым ртом, переваривал наглуую выходку подчинённого, быстро написал заявление об уходе.

Невероятное чувство свободы несло его... неважно, куда. Он чувствовал себя лошадьё, сошедшей с обрыдлого круга в свободную немоту бескрайних просторов вселенной.

«Хватит с меня наездников», – думал счастливый Костя, паря над хмурыми лицами несвободных от жизни людей с их нескончаемым страхом о завтрашнем дне и вечным отсутствием денег.

Ему хотелось кричать о вновь обретённой свободе, и всю дорогу до парка он, подражая Шаляпину, пел про себя куплеты Мефисто, изменённые в духе Игры: «Ха-ха-ха-ха, кара-барас, ха-ха-ха-ха, кара-барас».

День выдался не по-осеннему прозрачным и чистым. Он бродил среди яблонь и клёнов, разоблачавшихся к скорому хладу. Костя решил, что скроет от матери своё увольнение.

«Несколько дней судьбы не решат, – думал он, в детской радости загребая ногами листву. – Покой дороже».

Насытившись осенью, Костя поехал в центр и долго бродил внутри обновлённого, но душевно пустого Тверского бульвара. Лишь памятник Пушкину – одинокий маяк посреди бушующих нечистот бескультурия – казался родным и знакомым в новой, чужой Москве.



*О, этот Пушкин, явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет<sup>2</sup>.*

Костя верил: любовь к поэзии Пушкина досталась ему в наследство от бабушки Дуси. Память мальчика сохранила картинку: маленький он и Пушкин в «красном углу». Плохого качества репродукция с портрета кисти Кипренского в годы гонений на веру была для Евдокии Сергеевны «заместо иконы».

*«Святой Александр, моли Бога о нас».*

Пушкина Костя любил, хотя и скрывал «немодное» чувство к поэту. Поновлённому миру гений был чужд и даже опасен, как бывает опасен Пророк, выжигающий Словом скверну из жалких, увядших под небом сердец.

То, что стихи его – тайна, Костя понял случайно, как откровение свыше, и принял так же стремительно, как принял бы Свет пробивший мёртвый асфальт росток.

После развода чужая трагедия как никогда хорошо ложилась на сердце. О, этот демон Сальери, ах, бедный Моцарт.

*Сальери*

*Все говорят: нет правды на земле.*

*Но правды нет и выше. Для меня*

*Так это ясно, как простая гамма.*

Вот тут-то оно и случилось. «Но правды нет и выше для меня... – Костя аж задохнулся. – Вот где собака зарыта! А я-то, болван... Нет для Сальери высшей правды, потому что за высшую правду нужно нести ответственность. А какая, к чёрту, ответственность, если гения собрался травить? Пушкин весь зашифрован!»

---

<sup>2</sup> *Пушкин, явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. – Н. В. Гоголь.*

Тайна прошла сквозь него обжигающим трепетом. Чувство причастности к Высшему в тот миг накрыло его. «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Знание это он хранил про себя, не давая коснуться чужому случайному скепсису: «Да фигня это всё!».

Он поклонился поэту, пообедал луковым супом в «Жан-Жак» и вместо десерта решил приобщиться к прекрасному, отправившись в модный «Гараж» на выставку современных художников.

В центре просторного зала высился латексный фаллос – то ли скульптура, то ли издѣвка над зрителем. Увидев название «Бог. Как мы его понимаем», Костя долго ругался. Бог в виде члена был ему неприятен, и кто это – «мы»?

На этот вопрос бородатый куратор лишь усмехнулся в свои «тараканьи» усы, ничего не ответив. Костя решил, что насиловать скверной своё восприятие – грех, и отправился в Пушкинский наслаждаться Ван Гогом.

Чуть позже обычного, усталый, голодный, Гугл явился домой. На обычно бледных его щеках светился счастливый румянец, и привычное материно: «Где ты был? Ужин давно остыл, я вся извелась», не задев ни единой душевной струны, прошло сквозь него, как проходит ветер сквозь пальцы – почти незаметно.

После ужина, прежде чем погрузиться в Игру, он вспомнил крылатую фразу, что *гений и злодейство – две вещи несовместные*.

«Вот критерий подлинного искусства», – думал Гугл, вертя в руках фоговские очки.

Недобитый талант всё ещё действовал в нём, оберегая чувство прекрасного от наглой и злой, хохочущей над святынями мерзости, выдающей свои непотребства за новое слово в искусстве. «Надеюсь, что время очистит зёрна от плевел... – мысли его уплывали во тьму, – и весь этот мусор окажется там, где ему самое место, – на помойке цивилизации».





Он очнулся в своей паутине – маленький паучок, живущий в пыли вместе с книгами, что покоились с миром в шкафу из морёного дуба в кабинете редактора издательства «Усы Богомола». Он любил свой маленький дом: тёмный, приятный на ощупь и вполне безопасный для жизни. Рядом с Пушкиным и Толстым он чувствовал себя защищённым от всего нехорошего, что с ним могло приключиться.

Гугл вздохнул. То, что он Костя, он помнил; в этой реальности память осталась с ним. Всё остальное было из мира Игры, где он, паук-сенокосец, жил среди книг, такой же древний, как старые фолианты, с которыми он иногда размышлял о прератностях жизни в шкафу.

За столом, покрытым красной материей, в дорогом кожаном кресле сидел редактор, зелёный богомол двухметрового роста, и покручивал ус. Между огромными жвалами пристроилась трубка, из жерла которой к высокому потолку поднимался столб дыма. На столе ровными стопками лежали рукописи: Пушкин, Гоголь, Толстой, – от вида которых у богомола дёргался глаз, всегда почему-то левый. Пожёвывая мундштук, редактор смотрел на дверь, за которой (он это знал) сидели его мучители, «бумагомаратели, истязатели насекомых и просто писательская сволочь»: Пушкин, Толстой и Гоголь.

Редактор был голоден. За дверью (он это чувствовал) томилась свежая плоть, источая сладостный запах запретного жрадла, сводящий с ума. Запрет употреблять в пищу классиков всё ещё действовал, и это бесило. «Кто они такие, что даже плюнуть в их сторону нельзя без того, чтобы тебя тут же не бросились осуждать?! – возмущался редактор в такт своим мыслям, покачивая маленькой головой в форме перевёрнутой пирамиды. – *Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности!*<sup>3</sup> И точка!»

---

<sup>3</sup> *Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности!* – «Пощёчина общественному вкусу», поэтический сборник кубофутуристов.



Редактор натужно вздохнул; в брюхе громко урчало. Мощной передней лапой он взял со стола карандаш и на белом чистом листе размашистым почерком вывел пришедшую на ум амфиболию: «Сожрать нельзя сберечь».

– Позже решу, – пробормотал он, давая желание плоти решительным «надо».

Редактор тяжело вздохнул и крикнул в полную мощь, щёлкнув при этом жвалами так, что было слышно за дверью:

– Войдите, Лев Николаевич!

Он начал с Толстого, так как «ставить на место графьёфъ» было любимой его забавой. *«Я не помню случая, чтобы хоть одна строка Льва Толстого заставила меня счастливо вздрогнуть и замереть от красоты слова, а вот фальши у него более чем достаточно<sup>4</sup>, – любил говаривать богомол всем тем немногим, кто желал его слушать. – Вот Горький – писатель, Толстой же – халтурщик».*

Дверь отворилась, и (Костя не поверил своим паучьим глазам) в мрачный, пахнувший сыростью и чем-то таким, о чём лучше не думать, кабинет вошёл САМ Лев Николаевич, *в широкой мужицкой рубахе, подвязанной одноцветным поясом, с длинной белой бородою, с меланхолическими голубыми глазами и седыми космами волос, с изрытым глубокими морщинами лбом – работника мысли – и грубыми, привыкшими к тяжёлому труду руками. Глубокая, захватывающая душу серьёзность, как бы истекающая от его лица, производила впечатление встречи с библейской фигурой<sup>5</sup>.*

---

<sup>4</sup> *Я не помню случая, чтобы хоть одна строка Льва Толстого заставила меня счастливо вздрогнуть и замереть от красоты слова, а вот фальши у него более чем достаточно. – Святослав Логинов.*

<sup>5</sup> *...В широкой мужицкой рубахе, подвязанной одноцветным поясом, с длинной белой бородою, с меланхолическими голубыми глазами и седыми космами волос, с изрытым глубокими морщинами лбом – работника мысли и грубыми, привыкшими к тяжёлому труду руками, которые он в разговоре охотно засовывает за пояс. Глубокая, захватывающая душу серьёзность, как бы истекающая от его лица, производит впечатление встречи с библейской фигурой. – Оскар Блументаль, «Петербургская газета». Икс. Граф Л. Н. Толстой в Петербурге.*



– Можно, Борис Борисович? – смиренно и от этого как-то неловко, по-детски спросил позволения сесть у белённый сединами старик.

– Садитесь, садитесь, любезный, – не глядя на графа, бросил редактор.

Попыхивая трубкой, богомол-переросток всем своим насекомочным видом показывал графу, что чрезвычайно занят и лишь по безграничной своей любви к человечеству принимает его, Толстого-халтурщика. Выдержав паузу (никак не меньше минуты), Борис Борисович уже нарочно вздохнул и как тварь, которую обстоятельства роли принуждают быть вежливым, недовольно спросил:

– Ну те-с, что сегодня у вас?

Толстой, сидевший на самом краешке стула, неудобно привстал и, будто мужик перед баринном, униженно поклонился.

– Вот «Война и Мирь», последнюю редакцию принёс, милейший Борис Борисович, – сказал он смущённо.

– Что, опять?! – вскричал редактор и передними лапами театрально схватился за бессердечную грудь.

Всеми своими пятью немигающими глазами он уставился на Толстого, поражённый наглостью яснополянского сидельца, семь раз уже получившего отказ и снова припёршегося со своей *беспомощной скукописью*<sup>6</sup>.

Лев Николаевич, возможно, ожидавший подобной реакции, развёл натруженные руки и смиренно ответил, оправдывая своё вторжение в тихий, безрадостный мир редактора:

– Так ведь последняя, Борис Борисович.

– И что как последняя?! Разве я не ясно выразился семь раз, что ваш так называемый роман нам не надобен. Да и что это за роман такой – всё перемешано: война, мир... *Трудно даже догадываться, где кончается история и где начинается роман и обратно*<sup>7</sup>. А эти ваши герои: князь Андрей, Наташа Ростова,

<sup>6</sup> *Беспомощная скукопись*. – С. Логинов.

<sup>7</sup> ...*Трудно решить и даже догадываться, где кончается история и где начинается роман и обратно*. – П. А. Вяземский.



Пьер, Кутузов – *вы пишете не людей, а типажи, не судьбы, а схемы*<sup>8</sup>. Катастрофическое неумение строить сюжет...<sup>9</sup> Мне продолжать?

– Не стоит, – тихо ответил Толстой.

Костя увидел, как по лицу смиренного Льва текут неподдельные слёзы, и ему стало горько и стыдно за неблагодарных, невежественных насекомых, до боли бездарных и, как всякая тварь, бессердечных. «Ну как такое ничтожество может раскрывать своё богомольное хайло на гения? – возмутился он, глядя из своего укрытия на разыгрывающуюся перед ним драму. – Ты-то что создал, паразит чешуйчатый? Сидишь царьком да думаешь только о том, чем утробу набить». И Костя не выдержал. Позабыв, что он – тварь дрожащая, Гугл оставил свою паутину и в тонкую щель между дверцей и шкафом (впервые за долгие годы) выполз наружу.

– *Толстой – величайший и единственный гений современной Европы, – крикнул он во всю безнадежную мощь воздушных трубок, заменяющих паукам лёгкие, – высочайшая гордость России, человек, одно имя которого – благоухание, писатель великой чистоты и святости!*<sup>10</sup>

Он кричал и кричал; и что, *если бы обитатели иных миров спросили наш мир: кто ты? человечество могло бы ответить, указав на Толстого: вот я,*<sup>11</sup> и что *Лев Толстой навсегда останется в русской литературе величавой, недостижимой вершиной*<sup>12</sup> – всё без толку. Его одинокий вопль так и не был услышан.

---

<sup>8</sup> Он пишет не людей, а типажи, не судьбы, а схемы. – С. Логинов.

<sup>9</sup> Катастрофическое неумение строить сюжет. – С. Логинов.

<sup>10</sup> Толстой – величайший и единственный гений современной Европы, высочайшая гордость России, человек, одно имя которого – благоухание, писатель великой чистоты и святости. – А. Блок.

<sup>11</sup> Если бы обитатели иных миров спросили наш мир: кто ты? – человечество могло бы ответить, указав на Толстого: вот я. – Д. Мережковский.

<sup>12</sup> Лев Толстой навсегда останется в русской литературе величавой, недостижимой вершиной. – М. А. Шолохов.



Толстой же, «подставив щёку» зелёному хаму, покорно скрылся за дверь. Борис Борисович счастливо хмыкнул.

– Надеюсь, я надолго отбил у графа охоту писать дребедень многословную. Классик, понимаешь ли... Много вас, таких классиков, на мою шею<sup>13</sup>. – Богомол грязно хихикнул, радуясь ловкому каламбуру.

Он оставался в приподнятом настроении какое-то время, пока в дверь снова робко не постучали.

– Ну кто ещё там?! – недовольно гаркнул редактор, представляя себе двух оставшихся посетителей.

– Я, Николай Васильевич Гоголь, – послышался из-за двери тонкий, трепещущий отклик. – Вы мне назначали.

Богомол расправил затёкшие члены и, сморщив и без того не улыбочивый ротовой аппарат, досадливо проговорил:

– Ну входи, коли пришёл.

В полуоткрытую дверь робко, бочком протиснулся ещё один классик. Небольшого роста, худой, с острым носом, коротенькими усами и пронзительным взглядом карих глаз; в чёрном щегольском сюртуке, пёстром жилете и жёлтом шейном платке, Николай Васильевич Гоголь выглядел уставшим, встревоженным и грустным одновременно. *Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили ещё цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатога, гладкого, белого лба по-прежнему так и веяло умом*<sup>14</sup>.

– Только не говори мне, – взяв с места в карьер, богомол перешёл на бесцеремонное «ты», – что ты мне ещё одну «мертвечину» принёс. Мне, любезный, и от первой твоей трескотни не то что не весело, до сих пор с души тянет.

---

<sup>13</sup> Много вас, таких классиков, на мою шею. – У богомоллов нет шеи (прим. автора).

<sup>14</sup> *Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили ещё цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатога, гладкого, белого лба по-прежнему так и веяло умом.* – И. С. Тургенев.



Бледное лицо Гоголя стало похоже на белую маску гейши. Запинаясь и чуть не плача, он протянул беспардонному хищнику рукопись, аккуратно крест-накрест перетянутую старой бечёвкой.

– Нет-с, – пролепетал он, отчаянно стараясь не расплакаться. – Это третий. Второй том «Мёртвых душ» я сжёг.

Богомол рукописи не взял. Он сделал затяжку и выдохнул дым прямо в лицо Николаю Васильевичу. От проделанной шалости редактор расхохотался и с ехидством заметил:

– Да ты, Николай Васильевич, у нас шалун. Возомнил себя классиком и ну строчить? Нехорошо это, нехорошо. Гордыня тебя обуяла, любезный, – сощурился глазами, он вперился взглядом в дрожащего человечка.

Гоголь взгляд выдержал.

– Помилуйте, батенька, Борис Борисович, какая же тут гордыня? Талант дан Богом...

– Богом, говоришь? – редактор откинулся в кресле и, криво скалясь, задумался.

Спорить с дураком не хотелось. «Проповедями сыт не будешь, – размышлял богомол, подавляя в себе желание тотчас наброситься на тощего классика, – а этот как начнёт нести околесицу, так до вечера дурака не остановить». Он вынул трубку из жвала и обречённо спросил, зная, что делает глупость:

– О чём же поэма?

Гоголь закашлялся.

– В третьей части, – начал он объяснять Борису Борисовичу смысл нового романа, – главный герой, пройдя через скорби каторги, выбирает путь нравственного очищения и...

– Скучно, – бросил редактор и быстро, чтобы писатель не дай бог не начал защищать своё творение, резко добавил: – Ни к чему всё это. *Стиль твой грязен, картины зловонны*<sup>15</sup>. Ни к чему нам такая литература. Вот если бы ты детективы умел писать... Что, Николай Васильевич, детективы писать умеешь?

---

<sup>15</sup> *Стиль его грязен, картины зловонны.* – О. И. Сенковский.



– Нет, – прошептал ошарашенный Гоголь.

– Что же ты за писатель такой, коль детективов не пишешь? – насмешничал богомол, сердясь на себя за возню с недоступной для брюха «букашкой».

– Да я... – смутился оробевший писатель.

– Вот именно, кто ты?! Ты же...

Злоречивая зависть бездарного богомола не успела коснуться ушей несчастного Николая Васильевича. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался Пушкин: *лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен, он весь как Божия гроза*<sup>16</sup>.

– Заткни свою чёртову пасть! Ты – насекомое! – крикнул он грозно, ничуть не заботясь о собственной участи.

От неслыханной дерзости монстр опешил.

– Это что ещё за кандибобер такой явился сюда и нам угрожает? – каждой клеткой зелёного своего естества богомол выражал презрение к «дерзкому прощелыге». Он опёрся о стол передними лапами и навис над поэтом усатым чёртом. – Так-так-так... Похабный циник, умеющий волшебным образом жонглировать рифмами<sup>17</sup>, решился на бунт.

Пушкин стоял перед тварью живым, недоступным для страха героем; тёмно-серые с синеватым отливом глаза – большие, ясные<sup>18</sup> – горели на бледном лице праведным гневом. Он казался высоким, сильным и невероятно красивым, как бывает красив всякий идущий на смерть за други своя.

Гоголь сбежал, рыдая о скорой смерти учителя:

– Он убьёт его! О, я несчастный! – оставив поэта один на один с порождением дьявола.

Они сошлись. Свет и тьма, жизнь и смерть, добро и зло. Богомол «выстрелил» первым, без предупреждения, подчиняясь

<sup>16</sup>...*Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен, он весь как Божия гроза.* – А. С. Пушкин, «Полтава».

<sup>17</sup>*Похабный циник, умеющий волшебным образом жонглировать рифмами.* – Цитата неизвестного «знатока» Пушкина из интернета.

<sup>18</sup>...*Тёмно-серые с синеватым отливом глаза – большие, ясные.* – Из воспоминаний Л. П. Никольской.



природе хищника. Голод его давно перешёл в фазу «зверского», и мускульный желудок с зубцами настойчиво требовал пищи. В своём богомольем уме Борис Борисович давно поставил жирную точку после слова «сожрать» и ждал только повода. Пушкина он ненавидел. И не потому, что гений Пушкина был ему недоступен. Само присутствие поэта на грешной земле мешало редактору. Как будто Кто-то Незримый день ото дня исповедовал его совесть, не позволяя зверской природе жить в полную силу.

Александр Сергеевич даже не понял, как оказался в огромных, покрытых шипами передних конечностях зверя, схватившего его поперёк тулова и уже ломающего ему хребет.

Звук рвущейся плоти парализовал несчастного паучка. Качаясь на тонких ногах, он смотрел с высокого шкафа, как редактор, рыча и рыгая в пространство, откусывал голову Божьему человеку.

– Эй, кто-нибудь!

Бессилье душило; не Пушкин, а он был в жвалах охотника, ему ломали хребет, России...

– Хватит!

Костя как будто очнулся. Пусть он маленький, пусть ничтожный, но всё же он – почти человек, и он попытается сделать хоть что-то. Он прыгнул на Бориса Борисовича и принялся дубасить по его голове всеми своими паучьими лапками. Он бил и кричал, кусал и царапался, не жалея себя, не думая о последствиях. В глазах потемнело. Он падал куда-то, и слёзы гнева душили его.

Костя-Гугл очнулся. Мокрый от пережитого ужаса, он жадно давился воздухом, будто только что вынырнул из воды. Ужасные крики вперемешку с хрустом ломаемых костей и чавканьем хищника ещё полнили разум. В комнате нестерпимо воняло – это терпкий запах зверюги грязным суккубом проник в его мир.





– К чёрту Игру, – сбросив очки, Костя сел на кровати, уставший, больной и чрезвычайно рассерженный на мистера Фога за только что пережитый им ужас.

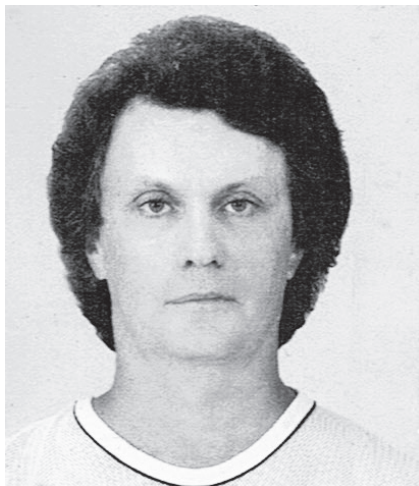
За дверью, не смея войти, металась Маргарита Раисовна.

– Кока! Кокочка, с тобой всё в порядке? Ты кричал.

– Всё нормально, ма, – бросил он в дверь. – Это был просто сон.

2020–2022

## *Георгий Синайский*



Родился 19 ноября 1959 года в Киргизстане, в трёхтысячелетнем Оше, городе-побратиме одноимённого французского города – родного для известного гасконца.

Учился в Ошском государственном педагогическом институте. Был победителем республиканских олимпиад по психологии среди студентов вузов. Любимыми предметами были философия, история, психология, русская и зарубежная литература. После окончания института работал преподавателем истории и литературы в учебных заведениях города, внештатным корреспондентом газет «Ленинский путь» (переименованной в «Эхо Оша») и «Вечерний Ош». Свой двухтомный сатирический роман «Чем чёрт не шутит!» посвятил столетней годовщине Октябрьского государственного переворота, переименованного в Великую Октябрьскую Социалистическую революцию.

С мая 2023 года – кандидат в члены ИСП.

# Чем чёрт не шутит

(фрагмент романа)

## Предисловие

Как говорится, цыплят по осени считают. Этой осенью, 2017 года, отметят столетие со дня Октябрьской революции (переворота), а обещанного Лениным коммунизма мы так и недосчитались, хотя обещанного «всего лишь» три года ждут! У кого-то «в огороде бузина, а в Киеве дядька», а вот у меня в советское время один мой родственник вышел в первые секретари горкома партии Киева, а другой, известный учёный, из Киева эмигрировал. О «дедушке» же Ленине мне впервые поведали в детстве люди, весьма близкие к его окружению. Ибо подругой моей мамы была Лена Федюшина – дочь личного секретаря Ленина, благодаря которой я познакомился с первой женой её отца, жившей какое-то время в Кремле, рядом с вождём мирового пролетариата и, не будучи кухаркой, управляющей государством, политическую кухню познавшей изнутри. Её же кулинарные способности Ильич часто нахваливал не меньше, чем она – его политические. Если они и рождены были сказку сделать былью, то на мой, тогда детский, взгляд, это им удалось, ибо я узрел в ней Бабу-ягу!

Но, отдавая должное приснопамятному XX веку и поминная марксистское изречение о том, что человечество весело расстается со своим прошлым, я позволил себе посвятить свой сатирический роман «Чем чёрт не шутит!» столетней годовщине Октябрьской революции (*госперевороту «с ног на голову»*) в России.



*И, возведя Его на высокую гору, диавол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени, и сказал Ему диавол: Тебе дам власть над всеми сими царствами и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю её; итак, если Ты поклонишься мне, то всё будет Твоё.*

**Луки, 4: 5–7**

*И, приблизившись, Иисус сказал им: дана Мне всякая власть на небе и на земле.*

**Матфея, 28: 18**

*Нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке.*

**В. И. Ленин**

## Глава 1

По изящной берёзовой аллее идут двое: ангельской прелести младенец, его золотистые кудрявые волосы в лёгком дуновении ветерка играют с солнечными лучами в свои детские игры, и пожилой лысый мужчина, на голом темени которого озорные солнечные зайчики устроили лихой круговорот, издали похожий на нимб. Мужчина что-то оживлённо говорит младенцу, а тот самозабвенно смеётся, и его звонкий смех мешает слышать слова пожилого мужчины. Вдруг смех прекратился, и высокий младенческий голосок спросил:

– Значит, отменяя глупости Фрейда, ты считаешь, что виновницей горя Эдипа была его мудрость, «по вине» которой он отгадал загадку Сфинкса?

– Увы! – вздохнул мужчина. – Как предостерег в «Екклесиасте» молодёжь Соломон, во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь! Я не поверил, а ныне с избытком знаю по себе!

– А если говорить о благе народа? Ведь это только в мифе в Фивах всё сложилось столь фигово, а на самом-то деле: глупый правитель обрекает на скорбь подвластный ему народ и с каждым днём приумножает эту народную скорбь, а мудрый правитель сам обречён на скорбь, но народ свой на скорбь не обрекает и даже «за бугром» не гадит никому, а приумножает скорбь лишь себе! Народ будет скорбеть только о смерти такого правителя! – уточнил младенец.

До боли знакомые многим людям черты лица мужчины выражали досаду, прозвучавшую затем в его словах:

– Было время, когда я не верил историям о справедливых царях и осчастливленных ими народах, считая, что это возможно лишь в сказках, так как был убеждён, что несказочные народы могут быть счастливы и будут счастливы только при коммунизме, том самом, наступление которого прогнозирует, как тогда казалось, вполне правдоподобная научная фантастика Маркса, но потом убедился в том, что простому, не сказочному, народу и впрямь нужны лишь непристойные зрелища, выпивка да хлеб! Таким массам даже мозги не нужны: они им неорганичны, чужды, тошнотворны.

Каждому – своё! Каждому – по нужде его! Применительно к подобным массам это означает: каждому – его кусок хлеба (можно и сухаря), его порция зрелищ и выпивки. А справедливость правителя состоит здесь в потакании такому ходу вещей, в том, чтобы не быть этому помехой. Великий ум здесь вовсе не уместен. Главное – не скупердяйничай и не проводи народ на мякине, а дай возможность народу давиться и на зрелищах, и хлебом и упиваться взахлёб. Впрочем, непристойных зрелищ и сивухи (в том числе духовной) нашему народу всегда хватало, в отличие от хлеба (в том числе духовного). А что есть хлеб? Это он для «безголовых» – «всему голова», а на самом-то деле: хлеб – это ни рыба ни мясо. Так и народ на хлебах – это «ни рыба ни мясо»! Ведь качество благ потребных



и «непотребных», которыми стремится удовлетворить свои потребности народ, зависит от качества самого народа.

Как аппетит приходит во время еды, так и вдохновение приходит во время речи, и вот оно уже охватило мужчину и, окрылив его, вознесло его речь на высоту мажорного тона. Мажор, как ему и подобает, взял верх над минором, и звуковой полёт мыслей мужчины продолжился уже на головокружительной высоте:

– Что-то яркое, героическое, путное, дельное из такого народа можно сделать, лишь превратив его в «пушечное мясо», организовав грандиозное зрелище настоящей мировой бойни масс! Только такое зрелище по-настоящему берёт за душу! Только в войну жизнь бьёт ключом, текут реки животворящей крови и пахнет порохом – весь воздух напоён его пряным ароматом! Сам порох – это своеобразная пыльца, опосредствованно оплодотворяющая в ходе войн цветущие поля научной, культурной и общественной жизни страны! Во время войн рушится всё старое и отжившее, а зарождается и рождается прогресс во всём, завязываются и созревают скороспелые плоды прогресса! Так происходит революционный прорыв во всех сферах жизни человечества.

Да, война приносит много горя и страданий, но эти муки подобны мукам родовых схваток, ибо каждое древо человеческого познания, в отличие от прочих древ, плодоносит в муках – муках человечества! Да, путь прогресса несладок, но, с исторической точки зрения, лишь тот горе-правитель, кто не идёт путём прогресса! Для мудрого же правителя отказ от прогресса был бы равнозначен тому, чтобы встать ногой на горло собственной, пусть и лебединой, песне! Эта пытка хуже смерти! Конечно, любое искусство требует жертв, но искусство политика, искусство правителя требует массовых жертв! Да, искусство большой политики – это далеко не только компромисс (компромисс как во внешней, так и во внутренней политике – это взаимопланирование массовых жертв (гекатомб)



и всесторонняя подготовка к войне), а высшая форма политического искусства проявляется в войне.

Нет, Маркс Карл не наврал: «История человечества – это история его войн», и я бы добавил: это и военные марш-броски прогресса. По относительным ценностям морально-нравственных отношений демагоги классифицируют войны на справедливые и несправедливые, но это – по сути, лишь дутые эмоции, а победа по объективно-историческим причинам всегда будет за прогрессом человечества («за» – не в смысле отставания от него, или опережения, или «сбоку припёка»), то есть победа всегда будет прогрессивной. А потому победителей не стоит осуждать даже за глаза. Война, как ты её ни крути, жизненно необходима для развития человечества. Войны пугают только тех, у кого нет «пороха в пороховницах» и кому «пороха не изобрести», то есть тех, у кого нет ни сил, ни ума. Конечно, с огнём не стоит играть вслепую, его нужно разжигать с умыслом и играть по-шулерски – наверняка, иначе говоря, творчески! Нетворческий подход – путь к быстрому поражению от сильного умом противника. Если же противники равны и интеллектуально, и по всем иным силовым параметрам, то их война затягивается и прогресс победоносно и безостановочно шествует в светлые дали – сквозь дым и гарь, поднимается в звёздные выси и проникает в тёмные бездны тайн мироздания!

У меня из головы не идёт Карлово: «Тот общественно-экономический строй более прогрессивен, который показывает более высокую производительность труда», «Насилие – это повивальная бабка истории». Карл ли накаркал или нет, но в воюющих странах самая высокая производительность труда, на какую способен в данный период тот или иной строй. И война – не парад, здесь передовой строй сменяет отстающий! Вот где проверка теории практикой, вот где критерий истинной прогрессивности развития человечества! Творчески мыслящие правители только ускоряют прогрессивный

процесс. Прогрессивного правителя не страшит даже смена общественно-экономических формаций, ибо он ни в чём не знает опозданий. И пока у него есть порох в пороховнице – он обязан творить! Теперь это творчество может дать и даёт впечатляющие результаты, а ведь до изобретения пороха оплодотворение цветущих цивилизаций в ходе войн было весьма топорной и малоэффективной работой.

Войны с холодным оружием изжили себя (даже пули помнели и стали эффективней штыка), новые «холодные войны» – это предбанники и подготовка к тому, чтобы задать жару по полной программе! Верю, что настанет время, когда порох заменит на этом поприще более производительная радиоактивная «пыльца». О, какие чудесные плоды это даст! Какие фантастические мутации возникнут! Какой качественно обновлённой станет жизнь! Даже если с финансовыми расходами на всё то, что необходимо для производства радиоактивной «пыльцы», переборщить, да так, что из-за расходов на неё в продуктовых магазинах будет «шаром покати», – это горе, не беда! Главное – успеть, чтобы ядерный взрыв прогремел раньше социального и предотвратил его. И даже если с убойной силой радиоактивной «пыльцы» перегнуть палку – не беда! Как не беда, если переборщить с химическим и бактериологическим оружием. Ведь, в конце концов, жить останутся только те, кому всё нипочём и кто сам сумеет взять от жизни и от природы всё сполна! Это будут настоящие венцы прогресса! Вот тогда-то и никакая война не понадобится! Воистину жизнь станет такой, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Это будут отнюдь не выдуманные сказки и не «сказки» делопроизводственные, это будет не проза жизни, а её поэзия! Сама жизнь явит себя такой, что и Пушкин онемел бы от восхищения, увидев её! Ради этого стоит творить! Такая игра стоит не только свеч, но и мировых пожаров! – сказав это, мужчина умолк в поэтической задумчивости. Начав за упокой, он, как видно, решил кончить за здравие.



– Ты всё больше становишься душой похож на древнегреческого Сфинкса, а величием своих монументов посрамишь Большого сфинкса! Вот я и хочу разгадать любую твою загадку или ответить на любой твой вопрос! – воскликнул удалой младенец, смерив озорным взглядом мужчину. – Как видишь, я в том возрасте, когда вещи называют их настоящими именами, а не своим именем или псевдонимом! Спрашивай, не робей! – не унимался золотоголовый мыслитель, желая затмить славу Эдиповой мудрости.

– Как устроен мир? – спросил мужчина. – Объясни мир! – тут же потребовал он.

Лучезарный младенец улыбнулся и стал отвечать:

– Всевозможные несамодостаточные вещи (в том числе боги, миры, антимир, поля, волны, атомы, элементарные частицы, античастицы, «тёмная материя» и «тёмная энергия», люди, ангелы, черти); круговая очерёдность существований, изменений и смен несамодостаточных вещей (времена их существований, изменений и несуществований); существования, изменения несамодостаточных вещей и их несуществования; в общем бытие несамодостаточных вещей и их небытие – всё это одно-единственное, вечное и самодостаточное свойство! Да, свойство, а не качество (не совокупность свойств), и это свойство – не сторона предмета, а оно само – абсолютно самодостаточный предмет, объект и субъект! Итак, для правильного понимания представь себе, что всё бытие несамодостаточных вещей и их небытие – это одно-единственное свойство!

– Ого! – невольно вырвалось у мужчины.

– Вот пусть это свойство и получит название «Ого»! – решил младенец. – Тем более что оно того достойно! Таково Ого! Думаю, что с междометиями и падежным окончанием ты его не спутаешь и не станешь обзывать Ого замызганными значениями словами: абсолют, бытие, материя, мир, вселенная, природа и т. п. Конечно, достойно называть Ого: несправ-



ненное, бесподобное, изумительное, единственное! Однако более кратко и эффектно звучит всё же «Ого»! В свете сказанного и ежу ясно, – кивнул младенец на выглядывающего из-под лопуха ежа, – что, так как в круговой очерёдности смен вещей сменяются всевозможные несамодостаточные вещи, в том числе и всевозможные общественно-экономические формации (теория исторического круговорота в этом смысле права), то это гарантирует в будущем и социализм, и полный коммунизм. Это истинная гарантия, а не ложная от диалектического и исторического материализма и «научного коммунизма». И при этом не забывай, что бытие всех несамодостаточных вещей и их небытие – это одно-единственное вечное и самодостаточное свойство, верно названное словом «Ого»; и, согласно Ого, в свои времена будет верна любая из ныне лживых религий.

– О-го-го! Каково Ого! Вот так свойство! – пропищал ёж, восхищённо сверкая бусинками глаз. – И ясно, что слово «свойство» здесь отнюдь не в смысле рода, или характера, или родства по браку, – сообразил он и уточнил: – Вот так атрибут!

– Да, подтверждаю, что всё брэнное было и повторялось в круговой очерёдности изменений и смен! Уж я-то многое видел из того, что покрыто мраком для многих других существ, о многом слышал, всё понял, всё знаю и цепко в памяти держу! Да, всё так называемое многообразие, и очерёдность изменений и смен, и сами изменения, и смены, короче говоря, всё бытие брэнных вещей и их небытие, всё это – одно-единственное вечное самодостаточное свойство, названное «Ого»! Да, я – незаметный, но весьма замечательный знаток Его Величества Ого! И, конечно же, я отнюдь не «белочка»! – гулко проухал из дупла древнего вяза старый филин.

Младенец согласно кивнул и продолжил вещать:

– Вот Бальмонт-чертяка в стихотворении «Тринадцатый» до истины не допёр, но весьма красиво:



*А кто же тот Тринадцатый?  
Он опрокинул счёт.  
А кто же тот Тринадцатый?  
– Я ваш отец, я Год.*

*Не я ли вам в кружении  
Дал ведать бытие,  
В различном выявлении  
Различное свое?*

– Не допёр не только в этом отрывке, но и во всём эффектно-стихотворении, а ты и вовсе со своей материей в истину пытался влезть, словно с суконным рылом да в калашный ряд! Тут на твой счёт заслуженно было бы пальцем у виска крутить или послать тебя к такой-то матери, с твоей неполноценной саморазвивающейся материей! Но я, пребывающий под благотворным влиянием своего отца, от заслуженного тобой оскорбительного действия и матерного слова воздержусь! И ежу ясно, что всё вышесказанное мной и филином, – это не дадаизм, не чушь и не околесица, а объективная истина, и она выходит далеко за грань дозволенного вашей марксистско-ленинской философией; далеко, ибо всё то, что я и филин говорили, – это существенная истина, истина Божьей инстанции, а отнюдь не из вашего департамента, этого рассадника субъективно-партийных истин, пародий на истину, способного не к пониманию Ого, а огороды городить и огорошивать народ.

– Не сочтите мои слова взаимными комплиментами петуха и кукушки, но так говорить об Ого, как сказал младенец, – это не чепуху городить и пытаться просветить наши головы истиной путём надувательства, посчитав наши головы подобными тлеющим головёшкам! Отнюдь нет! Это настоящий свет настоящей истины, и он даже кроту приятен, который копает свой путь вслед за вами! А филин сказал об Ого так, как и соловей не споёт! А обо мне знайте, что я не только телом, но



и умом не туп! Не то что многие партийные бюрократы, имеющие вместо голов задницы! Они-то гораздо тупее и противнее даже противотанковых ежей! – вдохновенно пропищал ёж.

– Всё, что я сказал о сути Ого, – это именно истина, а отнюдь не «правда» той или иной партии, того или иного класса, социальной прослойки – интеллигенции, люмпен-пролетариата, духовенства; это не ошибки и заблуждения! Хотя все истины, все ошибки, вся ложь, как и всё прочее, – это одно-единственное вечное, самодостаточное свойство (Ого), и это свойство таково, что я насчёт сути Ого не лгу, не шучу и не ошибаюсь, не только когда молчу! – авторитетно изрёк младенец.

«Пожалуй, он прав! И, пожалуй, мысль изречённая есть ложь или ошибка (включая и любую неточность между содержанием и формой его выражения), если мысль изначально изречена не устами младенца, или не устами впавших в младенчество старика и старухи, или не вещим вороном. Иногда истину рекут во сне, перед смертью, под пыткой, на исповеди. Иногда – пьяные, юродивые, ежи, змеи, кукушки, галки и попугаи. А что уж тогда говорить о «кряканье» наших «газетных уток»?! Пусть по народным приметам крик филина – к несчастью, но это лишь оттого, что он громко и смело предупреждает о несчастье люд, а горькая правда для разумного человека ценнее сладкой лжи. Условно понимая: на своих местах, ниже высшей инстанции, находятся относительные истины, некоторые из них доступны нашему разумению, но и их нам ни словами сказать, ни пером описать нельзя, а можно думать, мечтать да делать всё наоборот тому, что говоришь и обещаешь; ибо все мы, в меру пьющая, а потому весьма трезвомыслящая партийная братия, себе на уме! Я к любой философии подхожу с мерками того, как она может послужить делу социалистической революции и последовательному достижению первой и второй фаз коммунизма, а также перспектив моего участия в главной роли, дабы не умер во мне великий артист, драматург, режиссёр и сценарист! То, что Ого гарантирует



человечеству в будущем и социализм, и даже полный коммунизм (хотя бы полный коммунизм и будет через сотни лет), – это для человечества неплохо, а вот с точки зрения идеологии и политики мне намного выгодней популярная марксистско-ленинская философия, тогда как знание об Ого должно держаться в полной тайне от масс. Однако же объяснение младенца, пожалуй, более простое и доходчивое, чем гипнотическое внушение, как ни крути, но это так! – искренне подумал мужчина и тут же усмехнулся пришедшим в голову озорным мыслям: – А вот поэта Маяковского, ни в зуб ногой не знавшего об Ого, шальной Пегас на отблеск истины занёс:

*Все к большевизму ведут пути,  
Не уйти из-под красного вала.*

Надо будет сказать партийным товарищам, чтобы они для красного словца в народ пустили: “Все дороги ведут в коммунизм”, – объясняя это тем, что сила марксизма-ленинизма все дороги в одну сведёт, в том числе криминальные и матерные, и в коммунизм направит массы по дороге более надёжной и трудной, чем некогда Владимирский тракт для осуждённых, но цель с лихвой окупит все тяготы и лишения пути!»

Дав возможность мужчине подумать, младенец продолжил вещать:

– Услышанная тобой истина об Ого безупречна, ибо она существенна, лаконична, без искажений, а её понимание уже могло бы дойти даже до жирафа! Но если ты хотел бы абсолютно полного знания об Ого, то это знание тебе абсолютно излишне, хотя по своей истинности оно тоже из Божьей инстанции. Да, ты с младых ногтей узнал от Соломона, что во многоты мудрости много печали и что тот, кто умножает познания, умножает скорбь, но затем, вслед за Фрэнсисом Бэконом, полагал, что знание – это сила, а поскольку считал, что Дьявол прячется в деталях, то рассчитывал, познав детали, обрести дьявольскую силу!



Подтвердив этим поговорку «Сила есть, ума не надо», заодно избежать горя от ума! Но теперь-то ты понимаешь, что Ого не изменить и Богу, ибо всё бытие бранных вещей (в том числе Бог и Дьявол) и их небытие – это одно-единственное вечное и самодостаточное свойство (Ого). Тут и репу чесать не надо, ибо это понять проще простого, проще пареной репы! Бессмысленны твои попытки сделать самодостаточным свой уголовный и политический беспредел – это величайшее непотребство и безобразия. Но не расстраивайся, ты ведь и без того добился крупных успехов, каждый из которых ни в какие ворота не лезет! Православные считают тебя антихристом и полагают, что внутри тебя вместо внутреннего мира – антимир, и очень опасаются, что ты распахнёшь свою душу и озаришь всё вокруг аннигиляцией миров! А это затмило бы своими последствиями все пакости тёмных сил вместе взятые. Верующие-то пусть себе опасаются, а вот ты не забывай о чертах, ибо они играют ключевую, точнее, отмычкообразную роль в истории человечества и способны открыть, словно ящик Пандоры, тайны человеческих душ. А все их чёртовы шуточки – дело отнюдь не шуточное для тех, кто их шуток не понимает, а архипакостное! А потому кровь из носу, но имей не только чувство юмора, но и сатиры (иронии, самоиронии, сарказма, гротеска и так далее), не чурайся парадокса и ехидства! Всем этим прививай себе вкус к садомазохизму и смакуй! Вот тогда и тебе часто чертовски весело будет! Шуточки, в отличие от анекдотов, без бороды, но оставляют с носом, а от чёртовых шуток люди часто теряют голову не только в переносном, но и в прямом смысле слова. Черти проворней сатириков, а любая сатира и все они вместе взятые (с их гротесками, гиперболами и так далее) – это лишь очень неполная хронология проделок чертей! Чем только черти не шутят и чего только не творят-вытворяют! Конечно, сами черти и их шуточки-проделки за рамки Ого не выходят, но того, что происходит, мало не покажется! Разнообразных



чертовских сюрпризов и каверз хоть отбавляй! Но тому, кто знает толк в их шутках, – почти всё нипочём и на этом, и на том свете! Чёртовы шутки, повторенные дважды и так далее, – это глупость, но тех, кто этих шуток не понимает!

Помни об этом и поглядывай в оба не только под ноги и по сторонам, но и в небо, ибо кроме чертей, обитающих в омутах, аду и иных грешных местах матушки Земли, есть на небесах Большое чёртовое созвездие. Тринадцать видимых с Земли невооружённым глазом красных звёздных гигантов составляют образ светлой головы Люцифера в профиль, вдобавок к ним образ всех остальных частей его тела составляют 653 невидимые космические чёрные дыры, и, таким образом, его образ в целом составляют 666 видимых и невидимых небесных творений. Созвездие это «натворил» главный чёрт по образу своему и подобию, в пику Ягве. Оно служит одним из инструментов воздействия лукавого на людскую жизнь. Воздействие этого образа сверхмощно и непредсказуемо никакими астрологами. Образ главного чёрта – это тебе не Телец и куда опаснее Льва, Стрельца и Скорпиона. Воздействие этого Большого чёртового созвездия на людей гораздо больше, чем Солнца, Луны, планет и иных Божьих звёзд, созвездий, галактик вместе взятых. Кроме небесного образа Люцифера и многие иные разноцветные звёзды, и невидимые чёрные дыры беззаветно преданы его величеству чёрту и исправно служат его делу. Чёрные дыры нейтрализуют или искажают воздействие на простых людей Божьих звёзд и Божьих благодетельных созвездий. Сказанное относится не только к небесной бездне, полной звёзд, но и к бездне звёзд на Земле. Само Солнце порой вынуждено служить Сатане. Его звёздный образ преобразует прослойки, классы, партии, нации, народы, племена. Приглядишься хоть днём, хоть ночью, хоть утром, хоть вечером любого числа любого месяца, любого года, при любой погоде – и узришь это созвездие; а проморгаешь – так звезданёт звёздной болезнью и ещё чёрт-те чем, что безысходно в адову бездну канешь и многих за собой

туда сведёшь, а там даже садомазохисту в конце концов может дурно стать, как от непрестанной щекотки!

Бомбоубежище от этого созвездия не спасает, так что крути головой, вращай мозгами: от этого есть некоторая польза! И знай, что магическими пентаграммами, красными пятиконечными звёздами и прочими символами большевизма чертей не отпугнуть (это тебе не ладан), наоборот, всё, что связано с магией любого цвета и оттенка – это их стихия. Их стихия – это и вся астрология, мантика, спиритизм, теософия, антропософия и весь оккультизм. Да, астрологические созвездия – это тоже проделки Сатаны. Эти малые чёртовые созвездия – один из способов дурачить легковёрный люд: что-то сбудется по ним, человек уверует в закономерную силу этих созвездий, расслабится, вот тут-то чёрт ему неприятный сюрприз и преподнесёт! Если в прямом смысле слова: Земля вращается вокруг Солнца, то в переносном: главный чёрт частенько обводит её вокруг пальца! Свою же команду он и вокруг пальца не обводит, и за нос не водит, ибо свою лепту в эти порочные орбиты Земли вносит каждая нечисть, обманывая всех людей, кроме младенцев, святых и свято верующих, ибо у них защита Божья; да прожжённых пройдох – они-то и сами не промах! Россыпь неприятных сюрпризов от Сатаны обрушивается вместе с жадными массами в бездну неприятностей! Сам марксизм-ленинизм – это коварная приманка для глупых масс, ловко используемая как пройдохами масонами, так и Сатаной для достижения своих целей. С точки зрения Сатаны, пятиконечная красная звезда на вашем государственном гербе – это символ приближающейся чёртовой кровавой пятёрки (хоть и золотого сечения), то бишь полной власти над земным шаром, а скрещение серпа и молота – символ столкновения рабочих и крестьян. Венок колосьев герба – это, по сути, погребальный венок истинной свободы землян, и эта злаковая «крыша» от пронырливых чертей вас не спасёт. Чёрт часто действует чужими руками, но кровь всегда и на его руках. Ленты на гербовом





погребальном венке не чёрные, а красные потому, что для властей смерть свободы – в радость! Кроме того, на взгляд Люцифера, красные звёзды изображаются пятиконечными ещё и как символ того, что его кровавая, огненная и чертовски красивая власть будет простираться до конца каждой из четырёх сторон этого света и до конца того света, ведь душа может страдать и кровоточить и на том свете.

Масоны и большевики придают красным пятиконечным звёздам свои символические значения, а Люцифер использует их значения как камуфляж для своих звёзд.

Мужчина хотел было возразить, но передумал: «Не сорока новость на хвосте принесла, а младенец изрёк, и здесь дебаты излишни! Впрочем, для людей они излишни везде! Ведь споры продуктивны лишь для не столь важных растений да паразитических простейших! А в спорах взрослых людей если и рождается внутри их голов истина, то она выплёскивается из их ртов вместе со словесным поносом незаметно для них, будто они ребёнка выплеснули в отхожее место вместе с грязной водой: раз – и истины как не бывало! Оттого и повелось выражение: «Кто спорит, тот говна не стоит!» – такое не большой и не малый народ способен изречь, но младенец! А изречения этого младенца – отнюдь не ходячие и не избытые истины! Это истины, меня просвещаемые!»

А младенец продолжал просвещать:

– Подчеркну, что не чурается чёрт использовать в своих мрачных целях белые звёзды (белые карлики) и жёлтые звёзды (жёлтые карлики), одним из которых является наше Солнце. Белая звезда в обрамлении белого полумесяца – один из любимейших символов Люцифера. Не откажется он и от такой символики, как жёлтая звезда в обрамлении жёлтого полумесяца, и, конечно же, от того, чтобы красную звезду обрамлял красный полумесяц, то есть красный лунный серп. Не побрезгует и большим количеством символических звёздных лучей, подчёркивающих его архиквазарную мощь.



В каждой шутке есть доля истины, но чаще из чёртовых шуток люду выпадает тяжкая доля! Твои головокружительные успехи и дьявольское везение – дело его рук, но скоро тебе совсем дурно станет и голова от бед кругом пойдёт – тошнотворным кругом, если чёртовых шуток по достоинству не оценишь! Опять-таки, образно говоря, чертей ты, если постарайся, ещё сможешь провести, но, как ни крутись, а Ого не проведёшь и не осилишь, даже вооружившись знаниями! И тем не менее крути головой в меру, а мозгами шурупь быстрее и, по достоинству оценивая шутки чертей, сам старайся шутить, тогда тебе чёрт ни малёванный, ни натуральный страшен не будет и никакой иной его образ страха на тебя не нагонит! А вот простофили, верящие в то, что «не так страшен чёрт, как его малюют», почувствуют и по достоинству оценят весь ужас от чёрта лишь тогда, когда он их сам так «разрисует», что мать родная не узнает и другим тошно станет! Ну а для дураков – воинствующих атеистов, которые глазам своим не верят и потому ничего не боятся, он враг абсолютно невидимый и потому наиболее опасный, как бы они это ни отрицали и как бы тупо ни упирались в своём безверии и незнании. Ты же знай, что малюют и рисуют чаще лишь личины чертей, да и то далеко не все, а личины свои они меняют как франт – перчатки. Для «порядочных свиней» их личины – свиные хари, а чтоб не лезть со свиным рылом в «калашный ряд» – прослойку порядочной интеллигенции, они суют туда свои родные длинные носы, и при этом все черти похожи на своего господина. Звёздный лик – автопортрет и точная копия истинного чёртового лица: Денница, Люцифера, Дьявола, Сатаны, Мефистофеля – Генерального чёрта, очень злого выдумщика и шутника, под стать которому всё их чёртово племя. Созвездия Дракон, Змея, Свинья (Кабан) – его символические портреты. Местные же животные – это тебе отнюдь не маскарад и не кукольный театр, здесь всё естественно и просто, как всё гениальное, хотя



в чём-то и неожиданно для тебя. Даже инфузории-туфельки и те гениально просты, а не примитивны, как сапоги, которыми ты их в лужах у пруда попираешь. Ну а о паразитах тебе ли не знать?! А вот насчёт алтаря политического искусства или искусственной красоты внутренней и внешней политики, требующей стольких жертв и поклонений не только от безобразного, но и от естественно прекрасного, требующей не одной слезинки и кровинки ребёнка, а рек слёз и океана крови, скажу так: это изощрённое извращение! К тому же общественная практика доказывает ту чертовщину, что апофеозом деградации (регресса, атавизма, аморальности) общества является гражданская война! Ты из-за своих маниакальных грёз этого не прозрел, призывая превратить (а по сути, извратить) войну империалистическую в войну гражданскую, ныне же наяву прозришь!

«Моя голова теперь не “дом советов” другим, а контейнер отвратительных, на мой вкус, и колючих, на мой взгляд, истин! Что ж, на вкус и цвет друзей нет, ну а меня-то и подавно манила не красивая простота объективных истин, а изначальная для меня и многих непредсказуемость битв, что сродни игре в рулетку и игромании, но с куда большим драйвом! Я, как Бонапарт, зациклился на мысли: “Нужно ввязаться в бой, а там видно будет!” Вот так жизнь мне “козью морду” показывала, а я ей – волчий оскал!

Что-то покажет смерть?!» – с интересом подумал мужчина.

– Напомню: всё, что я сказал об Ого, – это безупречно существенная истина, а вот шутка ли с большой долей истины, то есть шуточная ли истина или нет то, что я говорил тебе о чёртовых созвездиях, – это решай сам! Если поймёшь – значит, и Бог с тобой! А не поймёшь или поймёшь неверно – значит, и чёрт с тобой, но без Бога! – менторским тоном поучал младенец, и в это время лик его озарился ещё более ярким светом, но не ослепляющим, а путеводным.

Вокруг них царила абсолютная тишина, и мужчине казалось, что молчание природы – это знак её согласия со словами ребёнка. Светоносный младенец ясным взором проник в расширенные от удивления зрачки глаз мужчины. И вместе с тем внезапная мысль, как вспышка молнии, на миг озарила и без того уже светлую голову мужчины:

– Ты – Люцифер! – высказал он свою догадку.

– Это говорю тебе я, Володя Ульянов! – горделиво воскликнул лучезарный младенец, переливаясь всеми цветами радуги. – И, как видишь, поговорка «Яйца курицу не учат» здесь неуместна! – закончил свой урок непогрешимый учитель и рассмеялся в лицо мужчине искрящимся, беззаботным смехом.

«Вот чертёнок! Он со мной, как и с истиной, не на “вы”, а на “ты”!» – искренне восхитился мужчина.

Ослепительно-яркий огненный шар солнца повис перед ними, и голова мужчины вдруг стала светиться, как полная луна в ночном и безоблачном небе. Мужчина закрыл глаза, оберегая их от нестерпимо яркого света, и прижал к лицу ладони – всё померкло. Когда же он открыл глаза, то увидел за окном покрытые редким туманом деревья парка. Над ними сквозь плывущие по небу облака проглядывал диск солнца, он становился то ярким, то бледным, как диск утренней луны. Чудесный сон мужчины растаял, оставив ему после себя поток ярких воспоминаний.

«О, это был не бред сивой кобылы в лунную ночь, отнюдь нет! Только во сне мне впервые довелось взглянуть на свою суть со стороны и разглядеть её так хорошо, как этого не удалось бы сделать ни в каком зеркале, микроскопе или телескопе! Удалось заглянуть в себя глубже, чем это позволяет зонд или рентген, и оценить себя более объективно, чем с помощью объектива фотоаппарата или кинокамеры! Никаким художникам, ваятелям, писателям и артистам не по силам так выявить мою суть, даже если бы и посмели! А я-то ведь массам ораторствовал не словами младенца и даже не словами



мужа, а словесным поносом базарной бабы!» – самокритично подумал мужчина.

Но вот сильный порыв ветра разметал тучи, и мужчине показалось, что палящее солнце стало вращаться перед его глазами, словно огненное колесо злосчастного Иксиона. Глядя на солнечные выкрутасы, мужчина вспомнил изречение Анаксагора: «Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце!» – и отрывок неувыдающего стихотворения Константина Бальмонта:

*Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце  
И синий кругозор,  
Я в этот мир пришёл, чтоб видеть солнце  
И выси гор.  
Я в этот мир пришёл, чтоб видеть море  
И пышный цвет долин.  
Я заключил миры в едином взоре,  
Я властелин.  
Я победил холодное забвенье,  
Создав мечту мою.*

«Хорошее стихотворение, но плохой автор! – утрюмо подумал мужчина. – В стихотворении воспевается солнце, а автор шмыгнул под мрачную сень капитализма! А куда годится вот это его:

*Я ненавижу человечество,  
Я от него бегу спеша.  
Моё единое отечество –  
Моя пустынная душа.*

В тундру бы турнуть подлеца за это, а ещё лучше в тайгу на лесоповал сплавить! Пусть там сам, гад, деревья для производства своих книг валит. Бумага-то, она всё стерпит, так пусть же и поэт-эгоист, её мучитель, на своей дубовой шкуре



всё испытает и глубоко, до самых потрохов, всё прочувствует, когда с него там семь шкур спустят! Вот тогда-то этот «ценный пергамент» лучше будет и в любой образ входить, и в любую шкуру влезать, и, соответственно, творить станет естественно и универсально (на зависть мэтру Станиславскому)! Несомненно, что тогда его мимикрия станет глубокой и существенной, а не только лишь поверхностной сменой окраса, как у хамелеона. Вот тогда-то и законы подлости театра жизни, где много плохих актёров и мало хороших драматургов, режиссёров и администраторов, станут для него не в тягость, а в радость! И не будет у него ни душевных пустынь, ни сопливых болот! Духовный орган его души зазвучал бы весьма органично, а не диссонировал бы с новой великой симфонией жизни обновлённой страны!» – обосновал своё искреннее возмущение мужчина.

В это время дверь комнаты тихонько отворилась.

– Как самочувствие, Володя? – просочился через дверной проём вкрадчивый женский голос.

– Уже неплохо, – ответил мужчина, не меняя позы и не глядя на входящую. – Ты знаешь, Надюша, я вот только что видел во сне себя в младенчестве и, что называется, «сам себя высек»! И не муж младенца, а младенец мужа, да так, что мало не показалось! Нет, это отнюдь не подобно байке про унтер-офицерскую вдову. Назови это хоть раздвоением личности на творческое сверхсознание и обыденное сознание (о шизофрении здесь и речи не идёт) или проявлением подсознательной мощи – неважно. Но факт, что это был не культ личности, а духовное окультуривание – прополка духовных сорняков на всех болевых точках! И это факт того, что из «даль детства» лучше видна вся догматическая дутость, кособокость и старческий маразм нашей марксистской философии. Увы, устами младенца глаголет истина! Тогда как старики Маркс и Энгельс «умудрились» только очистить гегелевскую философию от идеалистической шелухи и явить миру лишь



стриптиз и материалистическую порнографию быта, так и не раскусив загадки бытия и небытия! Да и я тоже хорош! Скрутил историческое развитие человечества покруче бараньего рога – в противозачаточную спираль да и в российскую правду-матку вставил. После чего вся природа России-матушки стала бесплодна, пошли кругом неурожай, повальный голод и лютая смерть, явный упадок рождаемости не только детей, но и умных мыслей. А ведь в те критические, как у женщины, дни, накануне Октябрьского переворота, была историческая возможность оплодотворить Россию-матушку действительно плодотворной идеей и посеять тем самым разумное, доброе, вечное. Я же пошёл другим путём: путём штыка-молодца, пули-дуры да массовой картечи; и этим хирургическим путём установил Родине, как выяснилось, весьма непродуктивную спираль, воспользовавшись наивной диалектической мечтой всех масс лентяев на саморазвитие России без какой-либо напряги с их стороны. Я же, со своей стороны, полагал, что неиссякающим источником восходящего развития страны послужат единство и борьба противоположностей. Вот их-то и уготовил России-матушке на многие лета вперёд, резко изменив в ней в сторону уменьшения количество жителей и, следовательно, изменив их качество: породив массовое стукачество и взаимное недоверие, крупномасштабное хамство, повсеместные подсижки и подкопы друг под друга, тотальную грызню во всех сферах жизни; и истребив такие жизненные рудименты, как великодушие и благородство! А вот рудиментарная лень к высококачественному труду переродилась в злокачественную опухоль и поразила все жизненно важные органы государства.

– Понятие «борьба» может относиться только к одушевлённой природе, тогда как в неодушевлённой природе есть только взаимосвязь и взаимодействие – это понятие применимо и к живой природе, правда, понятие «взаимодействие» здесь может быть истолковано кое-кем лишь как взаимопомощь, но



это если толковать его слишком узко и бестолково. А наиболее полно и точно в отношении всей природы, живой и неживой, было бы сказать: «Единство и взаимодействие противоположностей – источник развития!» – ласковым голосом произнесла женщина.

– Да, страстно веруя в победоносную революционную борьбу, я совсем упустил тогда из вида, что единство и борьба противоположностей далеко не всегда, подобно насильственному половому акту, могут привести к восходящему развитию, не исключено даже, что насильственный половой акт – это единственная форма единства и борьбы противоположностей, которая может привести к восходящему развитию. Как правило же, единство и борьба противоположностей – это источник нисходящего развития: регресса, всеобщей беды. Так наша диалектическая спираль в развитии России оказалась бесконечно плохой: то она подобна омуту-водовороту, тянущему на дно, то – разрушительному смерчу, сворачивающему массы их цыплячьей головы и разносящему всё в пух и прах.

Да и чего хорошего, если помыслить на трезвую голову, можно было ожидать от единства и борьбы противоположностей?! Ведь любому трезвомыслящему понятно, что даже худой мир лучше доброй ссоры. Так беспронимательная научно-техническая революция осуществляется путём конструктивного созидательного разума, а взаимовыгодное сотрудничество – источник стабильного прогресса человечества во всех сферах жизни. И даже более того, выскажу тебе это откровенно. Я вдруг понял: всё, что осуществляется не мирным путём, – это настоящая контрреволюция против разумной части человечества!

Как ни крути и ни верти, сколько ни фантазируй, а перспективы развития страны отнюдь не радужные, даже после того, как я на время нэпа вытащил из российского причинного места злополучную спираль, раскрутив это дело так, как будто она нас сама к нэпу привела. Но ведь нэп – это отнюдь





не радуга после революционной грозы, а всего лишь меньшее из зол. Нет, Россия – это вовсе не женщина в интересном положении, ибо, фигурально выражаясь, трахать-то родную страну мне пока что по силам, а вот с оплодотворением проблема – здоровье моё шалит. А на восходящее саморазвитие страны надежды, как выяснилось, увы, нет! Говорить же всерьёз о саморазвитии материи – это пороть чушь. Если Бог ничего не создавал, то не с чего взяться нисходящему саморазвитию, не сам же Бог регрессирует-деградирует. А мысли о восходящем саморазвитии материи – это наше самодурство! Что же, материя, выходит, вроде Алексея Максимовича Горького, самообразовывается и восходяще саморазвивается, проходя свои жизненные университеты?! Или же это происходит с ней в его лице?! Можно ли сводить материю к личности великого пролетарского писателя и персонифицировать её в его образе?! Да за такую повальную его материализацию Алексей Максимович нас всех самих по первое число обматерит-выматерит и непечатными словами крепко-накрепко припечатает!

С ехидством можно сказать, что развитие, идущее и так и сяк (восходяще и нисходяще), – это не самодостаточность, топчущаяся на месте. Ну а что уж говорить о неизбежном, как смерть, наступлении коммунизма?! Коммунизм – это смерть человечества, он и будет тогда, когда человечества уже не будет! Мы с коммунизмом, как и со смертью, встречаемся лишь во снах, в классических снах Веры Павловны, например. Ибо лишь там и лишь тогда всё хорошо, где и когда нас нет, нет на самом деле нас, человечества!

Ну, это всё – шутки, а если говорить серьёзно и на чистоту, чище, чем под присягой, то я вот, Надюша, подумал: а не стать ли мне Богом, чёрт побери, по традиции римских императоров?! Да, сейчас я полубог, а точнее, даже три четвёртых бога, так как четверть бога – Троцкий, но чувствую, пришла пора моего полного обожествления! Веспасиан сказал: «Увы, кажется, я становлюсь Богом», а я говорю: «Ура, я стану Богом!»



– Ты о чём это, Володя?! – в голосе Надежды прозвучали тревожно-набатные нотки.

– И-ха-ха-ха! И-ха-ха-ха! И-ха-ха-ха! – залился самозабвенным смехом, как трелью валдайских бубенцов, Владимир. – Нет, Надюша-душечка, это не совсем то, о чём ты думаешь. Эпохальное время вносит во всё свои коррективы, в том числе и в смысл древних изречений, звучащих ныне. Ну, ты вот сама посуди, Надюша, о том, чего не хватает нашей партии на данном этапе конвоирования масс в коммунизм. Партии были и будут нужны великие, гениальные идеи вождя, его стратегические и тактические указатели пути. Я оставляю ей свои глобально-стратегические и универсально-тактические (пусть и не тактичные по отношению ко всему иному) гениальные идеи развития страны, а также не менее гениальные идеи глобального катаклизма мирового империализма в двенадцатибалльной революции – «Бале смерти» аристократов всех мастей и буржуа!

Но нужно ли партии больное, дряхлое и немощное тело вождя?! Нет и нет, Надюша! Партии и массам нужны памятники вождю – его вечные идолы и истуканы, а также его нетленные мощи. Нужны мощи не мироточащие, а, фигурально выражаясь, источающие мир и согласие в партии и в советских массах, но ускоряющие загнивание мирового империализма. Проще говоря, мощи нужны партии и массам для фанатичного поклонения и наглядного обожествления вождя и учителя пролетариата всех стран, «всемогущие мощи» которого им куда дороже золотого тельца! Эти мощи им нужны и для безутешной скорби, общего горя и беды, ещё теснее сплачивающих массы и партию в монолитное единство! Они им нужны и для поучительного примера фанатичного самопожертвования в трудах и лишениях дальнего пути к коммунизму – пути, которым предстоит им шагать под чередование мажора, форс-мажора и минора до тех пор, пока советская наука «сумеет оживить» мощи вождя и учителя!

И вот тогда-то «восставший из мёртвых» вечный вождь и учитель – Бог коммунизма явит миру чудный рай коммунизма для всех шагающих «левой»! А для шагающих «правой» или один шаг вперёд, два шага назад будет геенна огненная крематория, да галопом их туда, галопом! А затем в карьер! Ну а моим питомцам по руководству партией и государством мои мощи нужны ещё и для того, чтобы избежать появления «лже-Ильичей» («лже-Лениных»), то бишь самозванцев-вождей с моим обликом и личиной. Да, Надюша, мумия Ильича явится символом мировой революции, фундаментом революционных идей и идей коммунистического строительства. Это станет фактическим доказательством того, что их фундамент никогда не рассыплется в прах и идеи и дела мои не пойдут прахом! Ну а коли это так, то пусть лучше какой-нибудь «лже-Ильич» («лже-Ленин») станет фундаментом идей мировой революции и мумией её вождя!

Необходимо положить на алтарь мировой революции труп моего двойника! Именно такое двуличие позволит мне в конце концов обрести единоличное правление над всё и вся! А пока даже живой горлопан мировой революции, «перманентщик» Троцкий, не говоря уже о лопающемся от жира Парвусе, будет завидовать символической славе «божественных мощей»! А вот грандиозности моего второго пришествия вполне мог бы позавидовать не только сын Божий, но и вся пресловутая Троица, существуй она на самом деле. Ну а за мной дело не станет!

– Ты это говоришь серьёзно, Володя?!

– Архисерьёзно, Надюша! Мы же с тобой – большевики, голубушка моя, рыбка моя золотая! Нам ли привыкать к конспирации и закулисным играм, когда этого требует дело?! А в успех своего дела я твёрдо верю и искренен в этом перед тобой, как газета «Искра»! Конечно, не буду лукавить: философия наша гнила, но на этом навозе произрастёт замечательная партийная система управления и народным хозяйством, и массами

в целом. Система эта будет столь же жизнестойкой и неистребимой, как и любой сорняк! Она непременно заполонит собой весь этот чахлый мир, разносимая в разные его стороны смерчем мировой революции!

– Но кто же в таком случае станет вместо тебя фактическим или формальным правителем партии и масс? Кто займёт место живого вождя? – проявила весьма заинтересованное любопытство и эгоистическую надежду Надя.

– Все мои компаньоны останутся на своих законных местах и постах! Выше своих голов они-то ещё могут прыгнуть, ибо голов у них нет, потеряли они головы от любви к пролетарской революции, но выше своих кресел им не взлететь – это их потолок; а ниже, в подполье, они не нужны, не очень-то это ценный товар для хранения. В угол и к стенке их ставить пока рановато, но весь этот строительный мусор будет выметен за порог после окончания строительства здания социализма – этого «Ноева ковчега» для всего прогрессивного человечества. А пока место моих сор-ратников там, где больше всего грязи: в политике и руководстве, – пусть там каждый из них творит всё то, на что он способен. Конечно, кто бы из них моё «святое» место предсовнаркома ни занял – оно, по сути дела, «пустым» останется без меня! Но по диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные вся куча моих сор-ратников, спаянная партийной дисциплиной, моими путеводными идеями и отягощённая свалившейся на них ответственностью и новой кучей проблем, явит себя в качестве единого живого вождя – фактического хозяина страны и качественного большевика! Пусть этот коллективный вождь и будет не столь божественным, как я, но до поры до времени вполне подходящим для исполнения возложенных на него служебных функций. Такой вот фокус! А для пущей театральности генсек ЦК Иосиф Сталин как бывший семинарист станет исполнять ещё и роль «Святого отца» всех народов. Меня и он достойно «отпоёт», и «фимиам» по мне



неустанно «кадить» будет! Такова уж его служба мне, Господу Богу вашему! – ответил с усмешкой Владимир. – «Преподобный» Рыков станет сторожить моё место предсовнаркома, чего-чего, а рыкать на заседаниях ему будет по нутру! – утробным голосом добавил он.

– А чем же будешь занят ты, Володя? Куда тебе деваться?

– Надюша, ты же знаешь, что врачи настоятельно советуют мне ехать на Капри. Да я и сам туда рвусь всей душой и телом! Вспомни и поныне актуальное стихотворение Маяковского:

*Мокрая, будто её облизали,  
толпа.  
Прокисший воздух плесенью веет.  
Эй!  
Россия,  
нельзя ли  
чего поновее?*

*Блажен, кто хоть раз смог,  
хотя бы закрыв глаза,  
забыть вас,  
ненужных, как насморк,  
и трезвых,  
как нарзан.*

*Вы все такие скучные, точно  
во всей вселенной нету Капри.  
А Капри есть.  
От сияний цветочных  
весь остров, как женщина в розовом капоре...*

Хорошо, чертовски хорошо сказано! А я-то к тому же это не только на словах, но и на деле знаю! – вспомнил он сказочно-волшебный остров, который осчастливливал своим



присутствием дважды и где у него была не только тайная деловая встреча с офицерами Германского генштаба, но и романтический отдых с Инессой Арманд. – Ну не ревнуй меня к Капри, Надюша! – хитро подмигнув, стал внушать ей Владимир. – Капри – это не мой каприз! Промедление здесь для меня хуже смерти! Ведь прав шельмец Шопенгауэр: «Здоровье до того перевешивает все остальные блага жизни, что поистине здоровый нищий счастливее больного короля». А здесь, в России, моя потребность в здоровье не может быть удовлетворена, и это означает, что России до коммунизма ещё очень далеко. Ведь страна сможет вплотную подойти к коммунизму не раньше того, как сможет удовлетворить потребность в основном благе жизни каждому желающему – здоровье! А без этого блага что час, то короче к могиле наш путь, тем более мне, идущему впереди всех, вождю. Вот отчего мне нужно на время уйти в запас и морскими приливами и отливами «зализать свои раны». А когда я вновь обрету здоровье на Капри, я «воскресну» и явлюсь сюда в ещё большем блеске и могуществе! И уж тогда точно доведу страну и весь мир до коммунизма и далее ударными темпами! Но прежде я наберусь здоровья, здоровья и ещё раз здоровья, но не сибирского, там ныне лишь «сибирская язва», а истинно каприйского – высшей пробы!

У страдающей базедовой болезнью Надежды от этих слов «в зобу дыханье спёрло!» Массируя руками своё одутловатое лицо, она выпучила глаза с огромными мешками под ними на Владимира, покраснела натужно, как будто силилась свалить на него, как на козла отпущения, свою тяжёлую болезненную ношу.

– Потерянного здоровья, говорят, не вернёшь, – наконец выдохнула она с печальным стоном.

– Да, если искать его там, где потерял, а не в других, более благоприятных, местах! – парировал Владимир. – Но я-то здоровье и вовсе не терял, а отдал его делу мировой пролетарской



революции, так не забирать же мне его у неё обратно! Тем более что она ещё и не наступила. Нет, голубушка, я лучше отниму себе новое, крепкое здоровье у капиталистического мира, что называется, с пылу с жару в его кузнице здоровья – Капри! Мировой-то империализм – вовсе не такой доходяга, как нам вначале казалось! Чёрта с два! Это ещё тот здоровенный пройдоха и плут! Но я «проведу» и его, как Одиссей циклопа Полифема! А ты, Надежда моя, должна ждать меня здесь хоть двадцать лет, как верная Пенелопа своего Одиссея (не сочти это за одесский юмор), и вселять уверенность в других в моё воскрешение из мёртвых. Надеюсь, что ты не умрёшь последней надеждой, а воплотишься в долгожданную радость моего «воскрешения». Массы же не должны даже помыслить, что моего воскрешения не произойдёт, и уж, конечно, о том, что я, якобы спасая свою шкуру от болезни, променял их с потрохами на капиталистический земной рай! Поэтому архиважно, Надюша, – голос Владимира зазвенел надтреснутым металлом, – сохранить в полной конспирации от них эту широкомасштабную историческую и жизненно важную операцию, которая должна предшествовать моему «второму пришествию»! Здесь о моей подмене должны знать только ты, Феликс, Иосиф, Троцкий, Рыков, Каменев и Зиновьев. На сей раз эти двое последних не проболтаются, не станут же они рубить сук, на котором сидят. Все другие остающиеся останутся, как и положено, в дураках!

– Уже и другие знают! – саркастически ухмыляясь, призналась Надежда.

– Кто?! – с неподдельным испугом спросил Владимир.

– Да вот помню, Анна Ильинична нам с Фотиевой как-то говорила: «Володю как будто подменили! В детстве чаще был тихий, послушный такой, и вдруг на тебе: революционер-буян каких поискать! “Сорвиголова” всемирного масштаба, ставший теперь вот и вожаком мирового пролетариата! Кто бы мог подумать, что его редкие детские капризы вырастут до такого эпохально мирового масштаба?!».



– В тихом омуте черти водятся! – с задорной ноткой в голосе произнёс Владимир и предался озорному смеху, а затем, для полноты веселья подняв вверх большие пальцы рук в жесте, означающем, что всё обстоит великолепно, он приставил их к своей лысой макушке, изображая этим чёртовы рожки. Вдобавок с дьявольской ухмылкой на устах так мастерски скорчил рожу, что здесь и грима не надо!

Закончив представление, Владимир наставительно изрёк:

– Вот почему, голубушка, нельзя даже временно оставить на моём месте живого двойника: в случае чего он нам может показать «козью морду»!

– А что, если твои сор-ратнички не захотят тебе вернуть всю полноту власти, когда ты пожелаешь объявиться?! – с ужасом спросила Надежда.

– Сталин и Троцкий – это два противовеса друг другу, служащие для того, чтобы кто-то из них не завладел всей полнотой власти. Каждый из них возьмёт мою сторону, если другой попытается выйти из-под моего контроля. Весы власти – это не весы Фемиды, на весах власти, на её верху, оказывается тот, кто перевешивает во всём тяжком. Два этих драчливых петуха между собой никогда не споются, а остальные – их пух и перья. К тому же за границей я поддержку других наших соратников: Адольфа и Бенито – я необходим им для нашей общей победы, а они явятся противовесом здешним сор-работникам. Таким образом, всю свою полноту власти я фактически из рук не выпущу никогда! Дай мне только волю, так я любого в два счёта обставлю, если потребуется! Да и ты, моя кисонька, в случае чего моим сор-ратникам коготки покажешь и любому из них глаза выцарапаешь. Тебе ли не пресечь возню этих глупых мышат! Ты их всех переиграешь в эти партийно-политические «кошки-мышки». Для крайней подстраховки возьмём в долю Фотиеву, она всегда и во всё лезет, и если не в качестве багута, то в качестве соломенной подстилки нам точно сгодится!



## *Александр Солин*



Родился в 1946 году в Томске. Окончил Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина). Работал на судостроительном заводе в разных должностях. С 1979 по 1981 г. находился в служебной командировке в Северной Африке. В 1990-х участвовал в различных внешнеторговых бизнес-проектах. С 2001 по 2012 г. был директором французской консалтинговой фирмы. Автор шести романов, двух повестей, сборника рассказов и книги переводов стихов французских поэтов конца XIX – начала XX вв.



## В Париж, умирать

### 1

...Потому ли цветёт черёмуха, что холодно, или потому холодно, что черёмуха цветёт? Не такой уж праздный вопрос, как кажется, учитывая очевидную наготу факта. Если не смотреть на феномен прищуренным глазом и не увиливать от погружения в его сущность, тут очень легко опуститься до глубин головокружения. Иначе как обручить этот чудный, белоснежно-сумасбродный запах и мстительное дыхание Севера, как помолвить золотой жар шампанского с предсмертным блаженством устриц на льду, пыл майского солнца на затылке с затаившимся там же сыроватым холодком будущего тлена?..

Всё перепуталось в голове Вовы Штекера, всё сдвинулось и расплзлось вкривь и вкось благодаря покосившемуся жизнедеятельному основанию. Потеряли своё место, значение и путеводный свет дары жизненного опыта, эти пресловутые ценности жизни, оказавшиеся на самом деле всего лишь химерами серого вещества. Растерянные, скрюченные, жалкие, меньше всего похожие на своё фривольное кафедральное воплощение, цеплялись они теперь за сползающее покрывало жизни, пытаясь остановить и вновь натянуть его на то ужасное, что под ним неотвратимо обнажалось.

Как это всё скоропостижно и глупо. Две недели назад, вконец обеспокоенный неукротимым монологом головной боли, рот которой не удавалось заткнуть никакими средствами, он пришёл к врачам, где ему тут же назначили сканирование. По пути в аппаратную пришлось миновать тихий двор, а там, в углу, не подозревая о просторах и любви, дарила красоту казённая черёмуха. Такое случается в Питере, когда бледная удочерённая беспутным солнцем весна порой не



в силах утвердиться в правах. Тогда и вспыхивает кипучим белоснежным красноречием в защиту её законных прав это корявое черноватое, опушенное мелкой зеленью и украшенное благовонными аргументами дерево. Ледяной усмешкой встречают демарш одноногой адвокатессы северные опекуны. Несколько дней длится молчаливое противостояние, пока не заспешат к ней на подмогу низкорослые сиреневые взрывы, а там, глядишь, и липа заструится жёлтым мёдом. Вова скользнул тогда по черёмуховым прелестям хмурым глазом и радости её не поддержал. А через час в голове у него обнаружили опухоль. Врач посмотрел снимки, посоветовался с богом и объявил, что нужна операция, иначе у него на всё про всё не более полугода. Вова возвращался домой одинокий, чувствуя себя как птица в пасмурном небе над голыми деревьями – хотелось молча лететь куда глаза глядят.

Постепенно он взял себя в руки, навёл справки – они его обнадёжили. Назначили день операции, затеплилась надежда, пока Интернет не проговорился, что успех такой операции лишь три из десяти. Может, в самом деле оно было не так, а лучше, но слово упало рядом с опухолью и проросло там. Да и как могло быть иначе в голове, где буйно цвели метафоры, колосились рифмы, плодились образы, множились иносказания, кликушествовали исполненные метафизического чувства лирические герои. Теперь он жил, словно грецкий орех внутри себя выращивал, при том, что о его вынужденном мичуринстве никто ничего не знал. Решил он назло всем умереть тихо и незаметно. До операции оставалось две недели, и он вдруг подумал, что пора на всякий случай проститься с белым светом и что начать следует с самого далека, то есть с Парижа, поскольку на самом деле прощаться ему было больше не с кем. Холост и безроден был Вова Штекер в свои сорок пять.

Визу он по роду своей деятельности имел, а потому, презрев обязанности, связанные с издательством, и никому ничего не сказав, улетел в Париж, где и находился в сей момент на

своём любимом месте, попирая его сердечный клапан, – там, где мост Сен-Мишель, преодолев водное препятствие, готовился передать короткую, обрамлённую неприлично низкой балюстрадой эстафету городского кровотока долговязому, плечистому солнечному бульвару того же имени. Майский день, как обнажённый сверкающий атлет, мускулистым издевательством навис над умирающим, каким Вова себя уже назначил. Перед ним, приправленное неотвязной головной болью, дрожало омытое свежим солнцем изображение некогда любимого им города. Только отчего же «некогда» – любит он его и сейчас, любит тихой, светлой, тающей любовью, до застывшей глаза слезы, но слезы отнюдь не умиления, потому что приехал Вова как-никак прощаться. И, пожалуй, был он сейчас единственный среди ротозеев космополит, что явился сюда резюмировать ту way и последний раз полюбоваться на этот болезненно-сочный плод чужой культуры. Как, однако, странно и не совсем прилично быть привязанным к чужой культуре крепче, чем к своей. Но с какой стати и когда сделалась она ему близкой? А вот с какой.

Жил с ними некогда в коммунальной на три семьи питерской квартире один замечательный потомственный туберкулёзник с французской, какую иначе как вензелями не напишешь, фамилией, которого все по-свойски величали Петровичем. В то время, если покопаться, много интересного человеческого материала можно было нарыть в питерских коммуналках. Доживали там свой непростой век сверстники Хемингуэя и Набокова, Превера и Сент-Экзюпери, Натали Саррот и Маргарет Митчелл, не говоря уже о Дунаевском и Дюке Эллингтоне. Имел Петрович измученное благородством лицо, слепить которое потребовалась не одна сотня лет. Лицо настолько породистое, что его в качестве статиста первого плана ставили рядом с героями костюмированных лент, где его седая пышная грива и горящие впалые глаза мелькали символами эпохи угнетения рядом с Гамлетом,



Оводом и прочими официальными страдальцами той поры. В его комнате кроме скудной мебели необходимости находился рояль, а сам он сверх всего умел говорить по-французски. Естественно, что Вову в то время (а помнил он Петровича лет с пяти) мало интересовали причины такого набора культурных качеств в простом советском пенсионере. Тем более не задавался он вопросом, потому ли Петрович говорил по-французски, что был из благородных, или потому, что из благородных, он говорил по-французски.

Петрович не ладил с сыном, а тот за это не допускал его до внука, и все свои невосребованные навыки Петрович, как кормилица молоко, отдавал Воле, да так ловко и успешно, что к десяти годам Вова, к неопикуемой гордости его ныне покойной мамани, легко и весело лопотал на чужом языке, доказывая невольным образом себе и Петровичу, что и кухаркины дети способны говорить на французский манер. Повзрослев, он определил иняз своей целью и так же легко и весело туда поступил. К тому времени, как он его с блеском окончил, подкатили совсем весёлые времена, и пошёл он вместо аспирантуры кочевать с фирмы на фирму, с коллоквиума на симпозиум, от деловой части к а-ля фуршету. Утомившись, пробовал преподавать, но рутина отвратила его от этого уважаемого занятия, и он расстался с ним, жалея лишь о щебечущем обществе молоденьких барышень, к которым был всегда неравнодушен. Сделав, таким образом, выбор в пользу серьёзных упражнений, он окончательно осел за домашним бюро, имевшим в качестве достоинств много глубоких ящичков, куда и отправлял продукты своего внебюджетного творчества. Продукты же творчества подневольного сдавал в издательство, обретя наконец заслуженное признание и связи в узких академических кругах России и Франции. К моменту печального открытия был он занят переводом романа из современных, для себя же готовил впрок антологию французских символистов.



Вот, пожалуй, и вся интродукция. Хотя нет. Нелишне будет помянуть его первое посещение Парижа, когда он, дрожа от истерического восторга, дни и ночи напролёт пристраивал причудливый литографический образ – плод изворотливого воображения – к шершавому рукопожатию камней, дружескому рукоприкладству сбитых мостовых, к нерасчётливому сцеплению улиц и умеренному разливу площадей. Изводя себя романтическим чувством, исполненный священного трепета, он, однако, напрасно пытался встроить своё тело в чужую ауру. Оказалось, что знания языка недостаточно, чтобы город признал его своим – в лучшем случае к нему относились с курьёзным почтением. Французы, знаете ли, – люди не нашей доступности. Судя по флагам, мы перпендикулярны друг другу, как перекрёстное движение. А главное – у французов есть слово, которое значит для них многое, если не всё и которое они за это произносят с особым чувством. И слово это – «опюланс». Нет-нет, не так! Сначала скажите «оп» и придержите дыхание, будто у вас язык отнялся от удивления. Затем с лёгким свистом выпустите часть воздуха и потратьте его остатки на звук «ю». Вдоволь насладившись им, переходите к заключительному аккорду и через дырочку в звуке «с» сдуйте шар вожделения. Вот так, вот так. Можете для ансамбля закатить глаза. Тогда то, что получилось, будет означать и роскошную женскую грудь, и раскидистую пуховую постель на троих, и крутую тачку, и толстый крокодиловой кожи кошелек, и богатый стол в компании красивых женщин, короче – мечту с шиком.

Помнится, после возвращения из Парижа он кинулся искать его следы в Питере. Взглянув на родной город другими глазами, он нашёл, что красота его рассредоточена на излишне большом пространстве, а потому отсутствует необходимая её концентрация для произведения камерного эстетического эффекта. Кроме того, архитектура Парижа находчивей, озорней и богаче, а неопрятность – во сто крат поэтичнее.



Дальнейшие наблюдения только подтверждали его выводы, при том, что он продолжал оставаться искренним патриотом...

Вот как всё сплелось и выглядело к тому моменту, когда Вова Штекер оказался на перекрёстке европейских чужбин, на углу, как говорится, их Моховой и Гороховой. Посмотрите прямо. Вы видите перед собой рукав Сены, омывающий остров Ситэ с левой стороны. Обратите внимание на плотную добротную застройку его левого берега. Дворцы – не мы! Нотр-Дам на их фоне выглядит ненамного выше. «Я на площадь пойду к Нотр-Дам и тебя, малышка, продам...»<sup>1</sup> Не хотите смотреть налево, посмотрите направо, на дома вдоль набережной. Дома эти, между прочим, жилые, и потолки там не ниже пяти метров, и проживают в них сравнительно простые французские граждане. Возьмите на заметочку: панели столы живут насыщенной общепитовской жизнью, так что перекусить здесь можно практически на каждом шагу. И случайное знакомство свести – тоже. Ах, вы не желаете свести случайное знакомство?! Ну и не надо! Тогда хватит торчать здесь как ржавый гвоздь в картине! Ступайте себе с богом в ваш отель на углу Сен-Мишель и Сен-Жермен и продолжайте там терзать себя забронированным летальным исходом! В конце концов, здесь и не такие люди помирали! Только заметьте по пути между делом, как много в Париже зелени и солнца!

День как-то враз померк. Вова уныло брёл по фасонистому тротуару, заботливо ступая, чтобы уберечь от толчков ноющие мозги. Он плёлся, начисто лишённый былого восторга, который в другое время непременно бы испытал. Всё это каменное, пёстрое, чужое, равнодушное не трогало его отныне, а лишь раздражало. Возможно, отправляясь сюда, он рассчитывал на «Элегию» Массне, только на самом деле вышел «Фантастический вальс» Равеля, причём в его финальных каденциях, то есть полный и решительный бардак. Сквозь тупую боль он видел перед собой то, на что раньше смотрел снизу вверх,

<sup>1</sup> «Торги», Жермен Нуво, перевод автора.



почтительно задрал голову, плохо понимая, с трудом различая очертания и веря на слово всему, что оттуда несло. Теперь вот он забрался на вершину – и что же он здесь обнаружил? Эти парни с неподвижными лицами и дурацкими рюкзаками за спиной, размашисто шагающие навстречу и одетые кто во что горазд, эти замкнутые, отстранённые местье, выгуливающие сами себя среди беспородных иностранцев, могли бы быть более участливыми к его положению. Впрочем, чего другого ждать от парижан, скрывающих за тонкой усмешкой и лакейской на службе у Красоты неподступностью броневой эгоизм их натуры. Эти гибкие девочки, эти парижанки, с рождения обретающие своё звание, как вселенский титул, могли бы добавить в случайный взгляд больше сочувствия. Впрочем, француженки в большинстве своём некрасивы и знают это, так же как и то, каким образом этому помочь.

Ах, да что там говорить – расстроилась, расстроилась музыкант Парижа!

«Надо было хоть раз проститутку снять... – проснулась задняя мысль. – Почему я раньше никогда об этом не думал?»

## 2

Добравшись до сплющенного, словно океанский корабль, дома, чей тупой нос уткнулся в проспект, как в причал, Вова поднялся к себе на третий этаж и, не снимая одежды, рухнул спиной на кровать.

«Что ты тут делаешь?» – тут же принялась крепкими толчками допрашивать его проникшая в кровь головная боль.

«Чёртова боль! С тобой с ума можно сойти!.. – отвечал он, прикрыв глаза. – В самом деле, какого чёрта я сюда припёрся? Теперь вот лежи здесь один и подымай!»

Для свидания с Парижем он выпросил у судьбы три дня, сегодня был первый. Разумеется, добрый «доктор Айболит»





выписал ему таблетки, но посоветовал не злоупотреблять, а он и так уже принял их сегодня две. Вова лежал неподвижно, ощущая себя ненужной частью чужого пространства. Банальные мысли о близком конце уже не донимали его назойливыми окриками, а превратились в ровное гудение миниатюрного компрессора, всё более наполнявшего его отупляющим эфиром бессмысленности дальнейшего существования. Надежда же при этом вела себя крайне стеснительно. Конечно, от подобного состояния его на какое-то время могли избавить французские друзья (а они у него были), но от одной мысли об умных разговорах его тошнило. Горизонтальное положение вскоре всё же облегчило его страдания, и он стал замечать стёртые звуки улицы, мешающиеся с волнообразно набегающим и стекающим шумом шагов и голосов за дверью. Обнаружился запах – душноватый, глуховатый, настороженный – безвылазный сожитель и хранитель следов визитов сотен постояльцев, сложная субстанция, пропитанная памятью об их поте, чемоданах, вещах, то есть всего того необходимого и ненужного, что сопровождает человека в его передвижениях и метит неодушевлёнными железами места его пребывания.

На него вдруг нашла охота принять душ, и он, сев на кровати, принялся подтягивать обстановку номера к своему плану. Да, в то кресло он сбросит серый с зеленью, мятый по последней моде пиджак, на спинку набросит потную рубашку. Брюки расстелет на кровати, а в том, в чём останется, пойдёт в ванную, кинув по пути в прихожую ботинки. Интересно, закрыл ли он дверь? Он употребил волю и встал на ноги. До бессилия, слава богу, дело ещё не дошло, но вялость была необыкновенная. Расправившись с одеждой, он двинулся в ванную, обосновался там и провёл в ней около часа, едва не задремав среди пенного легкомыслия. После ванны ему стало легче, он убрал с кресла одежду и, расположив его боком к окну, сел, прислушиваясь к фонограмме расстроенного городского пищеварения. И тут в голове его возник смутный, но дерзкий позыв.

«А почему бы и нет?» – прислушавшись, ответила влажная голова на подпольную работу мысли.

Он вскинулся, оживился, принялся оглядывать номер, будто оценивая поле битвы, затем встал и облачился в брюки и рубашку, после чего покинул номер и спустился вниз. Судя по тому, как сосредоточенность его движений боролась с их же неловкостью, им завладела некая противоречивая цель. Внизу, в холле, он принял независимый вид и стал присматриваться к малочисленной публике. Не найдя среди чопорных зевак того, кто ему был нужен, он перевёл внимание на рецепцию. Там за стойкой находились мужчина и женщина, причём на достаточно близком расстоянии, так что задай он вопрос мужчине, его обязательно услышит женщина. Бедный Вова обнаружил все признаки нерешительности. Он явно хотел спросить нечто своеобразное, но не знал, у кого. Вот по холлу из одного конца в другой неторопливо проследовал в дежурном ореоле служебных обязанностей администратор, как нельзя более подходящий для удовлетворения священного любопытства постояльцев. Приметив его, Вова сделал было шаг в его пользу, но передумал и остался на месте. Наконец его взгляд наткнулся на прозрачную фигуру швейцара, что нёс службу за стеклянными дверями. Вова встрепенулся и двинулся к нему, едва не насвистывая от избытка независимости.

– Бонжур! – приветствовал он швейцара.

– Бонжур, мсье! – приветствовал его швейцар.

– Я здесь живу. Вы можете мне помочь? – с особым выражением произнёс Вова, чувствуя, как краснеет.

– Конечно, мсье, – заиграл догадливой улыбкой швейцар, ухватив намёк с полуслова.

– Вы правильно поняли! – подхватил догадливую улыбку Вова и тут же успокоился.

– Мсье желает?.. – поощрительно улыбнулся швейцар.

– Что-нибудь худенькое, беленькое и чистенькое из местных...



– Может быть, две?

«Какие, к чёрту, две! Тут с одной дай бог управиться!»

– Нет, другие три в следующий раз, – ответил Вова, играя теперь уже фамиллярной улыбкой.

– Ваш номер? – склонился к нему швейцар.

– 322.

– И к какому часу?

– К восьми, пожалуйста.

– Мсье прекрасно говорит по-французски, – похвалил швейцар, подтверждая сделку.

– Мсье – потомок французского офицера армии Наполеона, родом из России, – не моргнув глазом представился Вова.

– О-ля-ля! – почтительно склонился швейцар, не пряча масляных глаз. – Желаю заранее приятного отдыха. К вашим услугам!

– Спасибо!

И они расстались.

Возбуждённый Вова поднялся к себе, взял самое необходимое и отправился на прогулку в город, да так успешно, что добрался до Люксембургского сада, побывал в нём, дивясь слепому своему фанатизму прежних дней, и как ни в чём не бывало вернулся назад, заметно взволнованный предстоящей встречей с пороком, отодвинувшей в сторону все прочие переживания. На входе в отель швейцар ему улыбнулся. Вова ответил тем же. А почему бы, собственно, и нет?

Вова не был женат, но это вовсе не означало, что он сторонился женщин. Напротив, или *au contraire*, как говорят французы. Само его служение языку чувственности предполагало, так сказать, обратное влияние, поскольку язык намёков и недомолвок не может не родить игривость, а вслед за ней – желание ею воспользоваться. Вова ценил женские прелести и знал в них толк. Вот только до проституток не опускался – ни дома, ни здесь. Связи имел достойные и уважительные, соблазнов же было не счесть. Сколько он перевидал этих деревенских

дурочек, что, пренебрегая гласными и напуская на себя всезнайство и бывалость, коверкали лицо и язык в желании любой ценой произвести на него впечатление и проникнуть в мир, у дверей в который он служил швейцаром! Но там речь шла о посильном достижении женской цели. Здесь же – о том извращении, что совершается при взаимном согласии и под присмотром денег. Даже странно, как он, лицедей от филологии, до сих пор не познал святая святых французского лицемерия! Или, может, потому, что Мопассан давно переведён?

Стучат, однако. Итак, святотатство начинается. Только без нервов – волноваться ему вредно. Пусть это будет чисто познавательная акция. Можно просто пообщаться. Без рук. В конце концов, он клиент и он платит.

И Вова открыл дверь.

– Бонсуар! – пропело в шаге от него худенькое, беленькое, чистенькое создание. – Са ва?

– Са ва! Антре! – гостеприимно отступил Вова.

Создание вошло и остановилось посреди номера, с лёгкой улыбкой уставившись на Вову. Никакого смущения. Вова же, напротив, разволновался пуще прежнего.

«Но почему я должен волноваться?! Ведь это же самая обычная проститутка!» – попробовал он себя утешить.

Не тут-то было. Проститутка-то она, конечно, проститутка, только выглядит – дай бог каждому! На улице встретишь – не подумаешь. Швейцар словно в душу к нему залез: она была именно той, какую он хотел. Ну как тут не волноваться. И Вова суетливо указал ей на кресло:

– Я вас прошу, садитесь.

Ну кто же здесь проституток величает на «вы»? Дева мягко присела.

– Как вас зовут? – спросил Вова, устраиваясь напротив.

– Адель. А тебя?

– Зовите меня Владí.

– Влади... – чирикнула беленькая птичка.



«Господи, да сколько же ей лет? – соображал Вова. – Восемнадцать-то хоть есть?»

– Надеюсь, вы совершеннолетняя, – как бы пошутил с улыбкой Вова, пристально следя за её лицом.

– Да-да, не беспокойся! – буднично сообщила дева, будто комнату пришла убирать.

Она была спокойна и почти благообразна. В ней не было ни капли вульгарности, по крайней мере, в той степени, в какой Вова ожидал. Но и та степень, которую он мог подметить, была ничтожна. Во всяком случае, пока.

– Ты хочешь заняться любовью сейчас или позже? – пропела Адель, не меняя позы, где её сжатые обнажённые колени склонились немного вбок, служа поддержкой для тонких, уложенных одна на другую ладоней.

– Позже, если вы... ты не против.

– Как хочешь. Ты куришь?

– Я? Да, но сейчас нет.

– Я тоже не курю. Это вредно для здоровья.

– Очень хорошо! Кстати, ты торопишься?

– Но это зависит от тебя! – удивлённо вздёрнула интонацию жрица любви.

– Тогда давай сначала поужинаем! Что скажешь?

– Конечно, раз ты хочешь. Мы пойдём в ресторан?

– Нет, я закажу в номер. Чего бы ты хотела?

– Какую-нибудь рыбу и салат.

– Очень хорошо!

Вова снял трубку и перечислил всё, что положено, включив туда шампанское, клубнику и десерт. Адель с симпатией взглянула на Вову.

– Очень мило с твоей стороны, – мурлыкнула она. – Если хочешь, я могу раздеться и ужинать нагишом!

– Нет-нет, не надо! – покачал Вова рукой. – Спасибо, не надо! Потом.



– Как хочешь. Тогда, если у нас есть время, я могу пройти в ванную?

– Ну конечно! Тебе нет нужды об этом спрашивать!

– Спасибо.

И, подхватив сумочку, она исчезла.

### 3

Пока Адель отсутствовала, гарсон принёс ужин и сервировал стол. Открыв шампанское, он пожелал «бон аппети» и удалился. Вова защёлкнул за ним дверь и вернулся к столу. Приятное возбуждение владело им, оттеснив боль далеко на задний план. Прислушиваясь к тусклым звукам, доносившимся из-за двери, он представил некоторые её действия и позы, которые она могла принимать, готовя себя к продаже, её общение с биде и зеркалом, тонкие пальчики, массирующие грудь, живот и прочие места, куда любят забираться мужские руки. Представил и застеснялся.

Дверь открылась, вышла Адель. Она что-то с собой сделала – перед ним стояло свежее, невинное французское существо, собирающееся с папочкой на прогулку.

«Это чёрт знает что! Это что-то дикое и противоестественное, то, чем она занимается!» – не выдержал Вова, а вслух сказал:

– Ты очаровательна, Адель! – и предложил ей стул.

– Мерси! – только и сказала она, присаживаясь.

Шарман, шарман, шарман!.. Впрочем, в его нынешнем положении все девушки шарман. И Вова, совсем забыв, что ему скоро помирать, принялся потчевать гостью, заходясь в галантности и захлёбываясь в учтивости. Между ними завязался живой отвлечённый разговор, совершенно в стороне от меркантильного повода их знакомства, дар взаимного внимания, каждой минутой доставляющий Вова крепнущую



радость бытия. Вова был блестящим рассказчиком, и казалось, только для того и пригласил эту молодую француженку, чтобы блеснуть перед ней искусством жить. Он в таких заковыристых красках, линиях и плоскостях поведал ей свою жизнь, что перед ней ожил портрет весёлого, неунывающего канальи, выучившего французский язык на русской каторге и там же получившего высшее гуманитарное образование, а ныне путешествующего по миру. Он порхал с ней по долинам французской культуры, нисколько не заботясь, что она и вершин-то не знает. Он цитировал и заходил в экспромтах, парил среди имён, эпох и поколений. Он разогрел её любопытство, заставил забыть о времени, месте и постели. Она не сводила с него светлых глаз, охотно улыбалась, пару раз похвалила, всплеснув руками и сказав «Браво!». Что ж, её дело верное, а его энтузиазм – лишь горячее для её счётчика...

Вдруг он почувствовал, что устал, откинулся на спинку стула и сказал:

– Et voilà...

Она поглядела на его побледневшее лицо с испариной на лбу и спросила:

– Владí, с тобой всё в порядке?

– Са ва, са ва, – отмахнулся он, сдуваясь, как остывший шар.

– Ну что, кофе? – спросил он, придя в себя.

– Как хочешь, – ответила она, скрываясь за дежурной улыбкой.

Он заказал кофе, им его принесли. Как ни тянул он время, но момент выяснения истинных отношений неумолимо подступал, пока не материализовался окончательно. Он возник из их неловкого молчания: Вова молчал, не решаясь рушить то высокое и деликатное, что витало ещё в воздухе, она – потому, что молчал он, чем она, впрочем, воспользовалась, тихим жестом достав из сумочки пару презервативов и пристроив их на краешек стола.



– Ну что же... – вздохнув, приступил Вова, – может, ляжем?

– Если ты хочешь, – с готовностью отозвалась Адель. – Желаете, чтобы я тебя раздела? Хочешь раздеть меня?

– Нет-нет, я сам! Раздевайся и ты.

Вова оставил гореть ночник, они разделись, причём Адель это сделала ловко и быстро, хотя как ещё это можно сделать, если, кроме лёгкого платья, снимать ей было нечего – оказывается, она весь ужин провела в нём, надетом на голое тело, какой и предстала, подрумяненная сбоку густым тёмно-розовым теплом. Вова, оставшись в трусах, разглядывал аппетитную фигурку с хрупкими плечами, крепкой вздёрнутой грудью, впалым животиком и ниже, ниже, да, да, там, там, ах, ах!.. Ему хотелось дотронуться до её подёрнутой бархатной тенью кожи и пройти ладонью сверху вниз, ловя подобие телесного отзвука, который если бы и последовал, то был бы частью её профессии, а стало быть, напускным. И тут перед ним возник вопрос: в какой степени его ласки здесь уместны и уместны ли вообще, учитывая коммерческий сорт их отношений? Другими словами, Вова затруднялся определить степень допустимого чувства при пользовании платными услугами, выход за рамки которого поставил бы его в глупое, сентиментальное, недостойное положение.

Пока он ломал голову, Адель, приложив руку к его трусам и не обнаружив там следов энтузиазма, деловито предложила:

– Хочешь, я поиграю с твоим пи-пи?

– Нет-нет! – очнулся Вова.

Тогда она взяла его ладонь и приложила к своей левой груди, уперев в неё сосок, словно твёрдый независимый нарыв встречного желания.

– Са ва? – заглянула она в его глаза.

– Са ва! – откликнулся Вова, решив пустить дело на самотёк.

Он повернул её к себе спиной и прижал, почуяв, как ожил его русский пи-пи. Руки сами побежали по клавиатуре её тела,





обнаруживая там нужные буквы, складывая их в жаркие послания и не забывая нажимать на гладкий услужливый enter, чтобы отправить их в свой адрес.

– Ты можешь оказать мне небольшую услугу? – вдруг спросила она, повернув голову и ткнувшись щекой в его нос, как в ограничитель.

– Конечно! – отозвался он хриплым голосом в её щеку.

– Когда мы начнём, ты мог бы почитать мне какие-нибудь стихи? Ведь ты их знаешь так много!

– Хорошо, я попробую! – согласился слегка ошарашенный Вова.

Она склонилась, расставив руки на краю кровати, и Вова, запустив ей ладони в подбрюшье, приступил к декламации, выбрав для этого наиболее, как он посчитал, подходящий стих. Сначала он распалюющим шлёпаньем бёдер нащупал ритм, а затем загундосил с натугой, так что гласные в моменты соударений едва не срывались с его голосовых связок, как неловкие гимнасты с канатов:

*Я на площадь пойду к Нотр-Дам  
И тебя, малышка, продам.  
С твоих глаз бесстыжих начну,  
Звонких сто экю на кону.*

*Твои хитрые пальцы продам,  
Этих птиц непослушных гам.  
Твои губы, что вечно лгут,  
Шестьдесят дублонов дадут.*

*Плети рук твоих я продам,  
Предложу розы пяток там,  
За коленки твои и бюст  
Франки даст итальянский хлюст...*



– Ах, как хорошо! Как хорошо!.. – пыталась обратиться к нему лицо Адель, но лишь кончик носа её сверкал сквозь русую россыпь волос.

Ободрённый Вова, размашистыми толчками подталкивая гранату вожделения к хриплому взрыву сладкого безумия, продолжал:

*Твой тугой шиньон, что на вид,  
Словно золото, под солнцем горит,  
Поцелуи твои заявлю  
На торгах, что я объявлю.*

– Не торопи-и-ись! – кричала ему Адель. Но Вова уже зачастил:

*Тем, кто цену даст выше всех,  
Я продам твою душу и смех,  
Твоё сердце ж, коль будут желать,  
Я готов в придачу отда-а-ать!..<sup>2</sup>*

Тут Вова, не сумев совместить два финала, потерял дар французской речи, задёргался, забуксовал и выдал:

– Расцвела сирень, черёмуха в саду!..

Однако партнёрша промашки не заметила, поскольку сама в этот момент рычала необычно низким для хрупкого тела голосом. Длинные волосы её, закинутые через затылок, мотались из стороны в сторону, следуя несдержанным повелениям головы. Вова отпустил её, и она упала на кровать лицом вниз. Вова рухнул рядом с ней.

– М-м-м! Как хорошо-о-о (que c'est bon)!.. – носом промычала Адель. – Bravo, Влади, bravo! Мерси!

– Понравилось? – покровительственно отозвался Вова.

---

<sup>2</sup>«Май», Виктор Гюго, перевод автора.



Ей понравилось. *Vraiment, c'était beau.*

Они лежали и болтали, как добрые любовники, утопившие в лучезарных водах удовлетворения каменистое дно стеснительности. Он спрашивал о её жизни, она охотно отвечала. Сама она с севера и в Париже уже два года. Довольна и что-либо менять пока не собирается. Слово за слово, он много узнал о ней, но не решился спросить о главном: почему она этим занимается? Постепенно её лицо сделалось по-детски доверчивым, так что ему захотелось поцеловать её пухлые губы, но он не пошёл так далеко. Да и нужно ли это?

– Ты что, хочешь повторить? – вдруг спросила она, приподняв край укрывающей их простыни и заглядывая под неё.

– Обязательно!

– Тогда уж доставь мне удовольствие ещё раз. Ты ведь можешь?

– Конечно, могу! Чего ты желаешь?

– Давай повторим это с моими стихами.

– Без проблем! Какие стихи?

– Ты их, наверное, не знаешь, их у нас в школе заставляют учить. Но я могу сама их читать, а ты слушай и не торопись. Конечно, было бы замечательно, если бы ты их знал, это было бы супер!

– Хорошо, хорошо! Какие же это всё-таки стихи?

– *Puisque mai tout en fleurs...* – тоненько завывала Адель.

– *Dans les prés nous réclame...* – подхватил Вова.

– Супер, супер! – взвизгнула Адель. – Ты знаешь, ты, оказывается, знаешь, обманщик! Понимаешь, в чём тут дело? У нас в классе преподавал французскую литературу красавчик Шарли Дюбуа, и, когда он на уроке перед нами читал этот стих, все девчонки его хотели! А я закрывала глаза, качалась в такт и представляла, как он читает этот стих и берёт меня сзади! Наверное, я была идиоткой, *n'est-ce pas?*

– Сколько же тебе было?

– Не помню, двенадцать или тринадцать, кажется...

Она по-кошачьи прильнула к нему, закрепила его боевое состояние, заняла позицию, и он, словно помесь маятника с метрономом, приступил к нарезанию строф на короткие равные строчки, заталкивая их в неё одну за другой. И вот уже май, и цветы, и простор обступили их, и лунный свет закачался на сонных волнах, и тени прелестных крон заскользили по их вдохновенной ламбаде, и леса и поля раздвинулись до широты горизонта, откуда небесный свод взвизвался к звёздам, и стыдливые звёзды падали на землю головой вниз, и солнце, тень, облака, зелень, небо с волной, и сиянье, и блеск всей природы распустились махровым цветком красоты и любви! Он кончил одни стихи, не теряя ритма, перешёл к другим, затем – к третьим. Перед его глазами трепетала узкая долина её спины. Она то выгибалась холмом, разделённая надвое мелеющим ручейком позвоночника, то прогибалась от полноводья, и тогда лопатки буграми рвались из неё, словно там пытались прорасти два ангельских крыла; то закручивалась в сторону изломанной в локте руки, то вздымалась к нему, пытаясь выпрямиться, чтобы неистово запрокинутой рукой, как плетью, обвить его шею. Вдохновенный солист – тромбон его желания – трудился сосредоточенно, строго следуя размеру (ибо синкопы при таком подходе неуместны), чувствуя, как каждое погружение выдавливает из поэтической плоти малую каплю любовного яда, падающего сладкой отравой в рифмованную форму, чтобы, переполнив её, разбежаться по жилам, вызвав конвульсии упоения и краткую потерю памяти. Обнажённый туземец, проникший в зачарованный сад, он достиг наконец самых отдалённых его уголков и испытал вместе с ней небывалое доселе состояние поэтического, так сказать, оргазма.

«Если всё обойдется – ей-богу, женюсь на французенке!» – думал он, отдуваясь и потевя рядом с ней. Притаившаяся в голове боль в тот момент была того же мнения.

– Оставайся на ночь, – предложил он, когда она повернула к нему влажное лицо. – Хочешь?



– Хочу, – ответила она и подставила губы. – Ты очень милый.

Утром он протянул ей пятьсот евро, она взяла.

– Достаточно? – спросил он.

– Вполне, – ответила она напряжённым, как ему показалось, голосом.

– Ты не дашь мне свой телефон? – спросил он.

– Конечно. Звони, – и написала номер на салфетке.

На прощанье он хотел поцеловать её в губы, но она подставила щёку.

– Salut!

– Salut.

Она ушла, и он ощутил сокрушительное одиночество. Как же так, ведь она только что была здесь две, нет, уже пять минут назад, она даже не успела далеко уйти, хотя, конечно, могла взять такси. Он обвёл номер глазами. Вот постель, алебастровые складки которой, как посмертная маска, хранят остывшие черты их ночной страсти. Вот чашка, из которой она пила свой утренний кофе, – в ней остались шоколадные потёки и следы её губ на краю. Смятая салфетка, которой она смахнула с губ крошки круассана, салфетка с номером её телефона, крупные цифры с наклоном влево, как учат писать во французской школе. В ванной ещё не высохли капли от её утреннего туалета – до того, как она туда пошла, он всё же разглядел лёгкую черноту под её глазами. Сейчас придёт *femme de ménage* и сотрёт все её следы, уничтожит, выбросит, унесёт с собой. Следы его милой проститутки...

Он собирался позвонить ей после обеда и договориться о встрече, но к тому времени совсем раскис – таблетки не помогали, в парижских же аптеках ему сочувствовали, но без рецепта сильнодействующее лекарство не отпускали. Промучившись до утра, он улетел домой первым же рейсом, на который смог достать билет.



В Питере вслед черёмухе цвела сирень и пахло корюшкой. Через неделю ему сделали операцию, и три дня он чувствовал себя сносно, но потом внезапно впал в кому и через сутки скончался. На его старинном бюро французской работы, под стеклом, на самом видном месте, друзья обнаружили салфетку, белую и лёгкую, словно засохшая ладонь черёмухи, где в центре аккуратными, кокетливо откинувшимися назад чёрными цифрами был записан, судя по всему, номер телефона. Ниже чья-то рука синими, бессильно падающими в завтрашний день буквами добавила: «Адель».

ПОЭЗИЯ



## *Сергей Василькин*



Родился 1 марта 1960 года. В 1977 году окончил школу. До 1982 года учился в Московском институте инженеров геодезии, аэрофотосъёмки и картографии. С 1983 по 2005 год – служба в ВС СССР и России.

Творчество началось в феврале 2023 года с попытки превзойти на спор сочинение известного автора. С 31 мая 2023 года – кандидат в члены Интернационального Союза писателей.





## О себе

Дожил до лет!.. Не сокрушаться...  
Законам жизни поклоняться,  
О смерти думать не гнушаться.  
Седьмой десяток! Впредь не мчаться,  
Уж не грести теперь, сплавливаясь.  
С фортуной больше не венчаться,  
Стремлениям не поддаваться.

Но ты поэт! – душа вопила.  
В ней билась дьявольская сила,  
Свободы сладкой страсть вкусила,  
За ветром буйным вихрем взмыла,  
Привычный мир мой сокрушила,  
Любимых грёз меня лишила,  
Возможно, что и согрешила.

Теперь я – бог, но без народа,  
А может, поп, но без прихода,  
Шут без монаршего уroda,  
Зверушка, та ещё порода.  
Моё желанье – быть жар-птицей,  
Огнём носиться в колеснице,  
А на метле – вблизи землицы.

Читатель, мудрый повелитель!  
Ты не с мечом и не воитель.  
Полна талантами обитель.  
Теперь мой лекарь и учитель,  
Ответь: к чему мои творенья?  
Кто дал мне искру вдохновенья?  
А может, это путь забвенья?



## Зимний день

Мороз и солнце! Снег искрится,  
Студёный воздух мысль бодрит.  
Уже белы твои ресницы,  
Среди сугробов след бежит.

Под горкою в хрустальном ложе  
Сил бурных полнится ручей,  
Надеется, что в день погожий  
Приход весны с ним веселей.

Стыдливо голые деревья  
Толпой угрюмой собрались,  
Безликие на это время,  
Пока листвой не убрались.

Ни голоса, ни даже звука  
Не движется и не летит.  
Всё спит до названного срока,  
Одно лишь солнце глаз слепит.

Безбрежность синевы такая...  
Душа летит привольно вдаль...  
И мысль стремительно-лихая  
Толкает разум мой за край.

За краем тем, восторга полный,  
Взметнусь я в этот дивный свет,  
Блаженством, счастьем вдохновлённый,  
Готов парить остаток лет.



## Война

«Война» – страшнее слова нет.  
Сказал – и в мраке скрылся свет.  
Железо всё насквозь пронзает,  
В дыму людей огонь сжирает,  
Рассудок ужас затмевает,  
Бинты кровавые мотает.

Война – страшнее места нет!  
Мгновенье здесь – как много лет.  
Не выжить в огненной метели,  
Нам всем срок пули насвистели.  
Атак кровавых не забыли,  
Мы все здесь, чтобы нас убили.

Война – страшнее ноши нет!  
Не так тяжёл бронезилет,  
Но мы нередко замечаем,  
Курок всё легче нажимаем,  
К смертям быстрее привыкаем.  
Как с этой ношей быть, не знаем.

Войне мы скажем твёрдо: нет!  
Не для того, чтоб ждать ответ,  
В бою должны мы победить  
И это зло искоренить,  
Огнём живое не губить,  
Садам цвести, а миру быть!



## Ангел

Мой добрый ангел, смерть несущий!  
И рай, и ад – твоя краса.  
Ты и дитя, и дьявол сущий.  
Клянусь и славлю небеса  
За то, что дарит день грядущий  
Твои лукавые глаза,  
За то, что гимн любви поющий  
Знать должен, что ты не моя!

## Любовь и море

Вновь я там, где моря бег  
В пенном шуме замирает.  
Думал, ты моя навек,  
Счастье наших грёз не знает.  
Здесь вдоль берега с тобой  
Шли вдвоём мы без печали,  
Мысли больше не звучали,  
В мир любви нас вёл прибой.

Нежных, страстных ласк полны  
Были дни, ну как не вспомнить?  
Как тоскою по любви  
Душу, сердце не наполнить?  
И пока ещё живу,  
В мир любви путь забывая,  
Об ином не помышляя,  
Нежность в сердце берегу.



Я объятия твои,  
Твой призыв к земному чуду  
И глаза в огне любви  
В день последний помнить буду.  
И пока ещё живу,  
Одиночеством страдая,  
Светлых дней не замечая,  
О твоей любви скорблю.

## **Мгновения и жизнь**

Я помню, помню то мгновенье.  
Владыки щедрою рукой  
Был послан мне свет озаренья,  
А может, случай роковой.

Дала ты силу для свершений,  
Но сон исчезли и покой.  
Познал я страшный ад сомнений.  
Так мне не нужен путь иной.

Звездой промчалась, опалённый  
Страдал от боли тяжких ран.  
Призыв отвергла мой влюблённый,  
Явился в жизнь мою тиран.

Но та звезда – теперь мой гений.  
Открылся чудный, добрый мир.  
С восторгом понял без сомнений,  
Что до тебя ещё не жил.

Твою красу все восхваляют,  
Но женственность, веселья пыл



Всего лишь роскошь обрамляют  
Сокровища, что я открыл.

Восторг ничем не ограничить.  
Искусен был создатель твой.  
Но нету слов, чтобы возвеличить  
То, что привыкли звать душой.

Придётся быть мне в волчьей стае.  
Среди людей так подлым быть.  
С тобой я, ангел, буду вправе  
Творить добро и мир любить!

## Я Вам пишу

Я Вам пишу без мук душевных,  
Похож, возможно, на глупца.  
Сорвал ярмо дел каждодневных  
Изящный палец без кольца.

И я себя поставил рядом,  
Восторга полный и любви,  
Страсть, нежность выражая взглядом,  
С огнём, бушующим в крови.

Волнительным святым обрядом  
Пойдём среди простых людей.  
Любовным поражённый ядом,  
Счастливей я планеты всей.

Не сникну от усмешки Вашей,  
Слуга покорный навсегда.  
Взгляд жадный, вдруг любовью ставший,  
Предать не сможет никогда.



А между тем, меня не зная,  
Идёте по тропе своей,  
Из колеи не выпадая,  
Морей не видя и огней.

Бог милостив, долой ненастье.  
У каждого своя судьба.  
Так близко было наше счастье,  
Не быть нам вместе никогда.

Не рухну перед Вами прахом  
И жадной страстью не сожгу,  
Не сделаю жизнь Вашу крахом,  
Но и «прощай» уж не скажу.

Промчалась буря, но не с Вами.  
Желает сердце знать вестей?  
Пусть это будет между нами,  
И сложно всё, и без затей.

## Маме

Время шло, от мам мы отдалялись,  
Пробуя свои пути найти.  
Миром равнодушным поглощались,  
Цель свою желая превзойти.

Бились мы, метались, устремлялись,  
Редко возвращаясь в дом родной.  
Очень редко мамам поклонялись,  
Занятые разной ерундой.



Мамы, мамы жили только нами.  
Как успехи радовали их!  
Наши неудачи огорчали.  
Ждали, ждали встречи чудный миг!

Радовались, если замечали  
Счастья блеск в родных таких глазах,  
И как часто слёзы высыхали  
На скупых, коротеньких листах.

Мамы, мамы, дорогие мамы,  
Наша плата – серебро седин.  
Сколько силы мы у вас отняли,  
На лице добавили морщин.

Мама, мама, в жизненной стихии  
Я носился, яростно рубясь,  
Через испытания лихие,  
В битвах и победах закалясь.

Ты ж занемогла и постарела  
От вестей моих и от проказ.  
Как тебя я мучил, ты терпела,  
Поздно понял, понял лишь сейчас.

Я, летая от любви до схватки,  
Часто душу муками ласкал,  
Мыслей жёг убогие остатки,  
Медленно себя я убивал.

Я не чтил тебя, родная мама,  
Счастье многих и в себе отца,  
Сердце мучил горечью обмана,  
Доблестный утратил дух бойца.





Я решил: всё кончено, отныне  
Не помянут странствия меня.  
Тихо и спокойно в нашем доме.  
Буду жить лишь для одной тебя.

## Битва при Молодях

*Величайшей победе русского оружия посвящается*

Врага Русь силой превзошла.  
Сама победа не пришла.  
Больших трудов плоды.  
Царь Грозный всюду успевал,  
Москвы границы раздвигал,  
Реформам смелым путь давал.  
Никто не ждал беды!

Но враг на Балтике, чума,  
Степные всадники всегда  
Грозили нам извне.  
Собака крымский хан Гирей  
Собрал войска в большом числе,  
Воскликнул он вселенной всей:  
«Мне царствовать в Москве!»

Опасность жуткая легла.  
К нам шла огромная орда.  
Крымчак погнал коней.  
Хоть и широк простор степи,  
Остались считанные дни,  
Когда появятся враги.  
Страшнее нет вестей!



Дружина у реки Оки  
Готовит для врага силки.  
Князь Воротынский с ней.  
Там, где теснину холм венчал,  
Грозою гуляй-город встал.  
Крымчак тогда ещё не знал  
Конца судьбы своей.

Бойницы сумрачно глядят.  
Нет сил перенести их взгляд.  
За ними строй – стрельцы.  
Они не мчатся по полям,  
Сшибаясь в схватках тут и там,  
А бьют из ружей по врагам.  
Такие вот бойцы!

Враг конной лавой удалой  
Летит за пущенной стрелой  
И саблями грозит.  
Стрельцов-красавцев ладный строй,  
Свинцом разит ружейный бой  
И пушек громогласный вой.  
Чья сила победит?

Ужом враг влез на путь к Москве.  
Открылся путь ему везде.  
Пришлось нам догонять.  
Набросились на арьергард.  
Ввязаться в бой был каждый рад.  
Посыпался ударов град.  
Погибла вражья рать!

Гирей был гневно возмущён:  
«Пусть будет каждый отомщён!» –  
И мурз послал вперёд.  
Отряд наш с боем отошёл,



Под стены к пушкам он привёл  
Врага, на эшафот возвёл.  
Судьба какая ждёт!

Раздался грохот от стены.  
Врага несчастные сыны  
Горой вокруг легли.  
Орудий гром всё не стихал,  
Огонь летел за валом вал.  
В крови враг злобный утопал.  
Подняться не могли!

Встречала солнце пять уж дней  
Трава кровавая полей.  
Назад ступить нельзя.  
Гирею впору только выть,  
Ни пядь земли не уступить!  
Смертями русских не сломить!  
Кровавая стезя!

Немало войска полегло.  
Гирею сердце обожгло:  
Сын, внук и зять убит.  
По многим он мурзам скорбит.  
Какой землёй Русь одарит?  
Один из двух уже убит.  
Свинец в ушах звенит!

Оставить приказав коней,  
Гирей огромной силой всей  
Пошёл в последний бой.  
У русских конница в лесу  
Слегка ослабила узду,  
Открылось тут как на духу,  
Что нам дано судьбой.



На главный штурм пошла орда.  
А под ногами не трава –  
Ковёр из мёртвых тел.  
Отбиться не хватает сил,  
Надеждой враг себя бодрил.  
Момент тот князь не упустил,  
Засадный полк взлетел!

Последний залп врага потряс.  
Раздался, больше не угас  
Победный русский клич.  
Бежал враг, гнали по полям,  
Немало полегло их там,  
Подобно загнанным волкам.  
Сломали грозный бич!

Пускай столетия летят.  
Один герой, а этот свят.  
Замри на миг, взглядишь.  
Врагов бесчисленную рать  
Руси в век каждый отражать.  
Грешно нам это забывать.  
Героями гордись!

## Исповедь другу

Давно хотелось написать,  
Но что мне было рассказать?  
Как другу сердца моего  
Иль правду всю, иль ничего.

Но слишком долго я молчал,  
Занятий много перебрал.  
Теперь уж всё не описать,  
Так, если вкратце рассказать.



Послушай мой тебе рассказ,  
Пусть будет ясно всё у нас.  
Свободу твёрдо чтит всегда,  
Своим желаньям молвил: да!  
Но, как судьба ни тешит нас,  
Всегда придёт расплаты час.  
Теперь уже я не герой,  
Хоть мне соперник – не любой.  
В волнах волос есть седина,  
Морщин злых сетка пролегла,  
А главное – в душе моей  
Огонь стал много холодней,  
И стал гораздо я мрачней,  
А жизнь от этого – трудней.  
Как было раньше у меня?  
Металась грешная душа,  
Маня, играя и гоня,  
Сердце нисколько не щадя.  
Теперь жестокая судьба  
Меня под гору понесла.  
Терпение пока со мной.  
Дарю улыбку, как герой.  
Прекрасно знаешь, милый друг:  
Я не терплю сомнений мук,  
Не трачу время век жалеть.  
Есть всё, что я хотел иметь.  
Какого чёрта горевать?  
Узнал вкус счастья, что сказать.  
Завидовать теперь могу  
Себе лишь только самому.

Друг, ты умом не обделён.  
Наверно, понял: я влюблён.  
Любви такой не видел свет.  
Не ждать мне радостный ответ.  
В словах, что я тебе пишу,  
Ты видишь горькую тоску.



## История любви

Моя история проста.  
Тебя я встретил в час тревоги,  
Когда жестокая судьба  
Мостила адовы дороги.

Тогда душа занемогла,  
Найти пристанище молила.  
И комната моя была  
Мрачна, как древняя могила.

Тогда вдохнуть в меня весну  
Никто не мог – да, ты одна лишь.  
Но, боже мой, свою судьбу  
При встрече первой как узнаешь?

В тебе забаву находил,  
Но к сердцу ты смогла пробиться.  
Боялся быть рабом твоим,  
Но от тебя как мне укрыться?

Да, я тогда хотел бежать,  
Но вынужден был возвращаться,  
Готов свободу был отдать.  
Себе в том сразу как признаться?

В борьбе с судьбой не устоять:  
Пути смешала как придётся.  
Так больно мне тебя терять.  
И всё же как с судьбой бороться?

Прощай, будь счастлива, прости.  
Дорога адова всё вьётся.  
Свободы тяжесть вновь нести,  
Когда любовь мне улыбнётся?



## Серое небо

Серое небо и чёрные ветви на нём,  
Мокрое небо всё промочило кругом.  
Тяжкие капли с крыш, веток и неба летят,  
Тяжкие капли уснуть не дают, всё тревожно стучат.  
Утро наступит, но солнышко вновь не взойдёт.  
Тучи примчатся, и снегом холмы заметёт.  
Пасмурно, сыро и зябко, не радуется взгляд  
Осени поздней унылый и мрачный наряд.  
Где же, деревья, ваш сказочно-пёстрый убор?  
Где же ваш, звёзды, манящий мерцающий взор?  
Где же лазурь, высота, чистота, небеса?  
Где же та жизнь, что восторгов и счастья полна?  
Утро наступит, но счастье меня не найдёт,  
Дум моих тяжких никто никогда не поймёт.

## День прошёл

День прошёл, ни о чём не жалею,  
Курс удачный найди поскорей.  
Завтра новое солнце взойдёт,  
Нам надежду на счастье несёт.

Руку дай, поднимись, не робей,  
В путь-дорогу! Там ветер свежей!  
Пусть свирепые бури грозят,  
Будь смелее, ни шагу назад.

Чти судьбы благодатной звезду,  
Но надейся на силу свою.  
Бог, герой, чудеса не спасут.  
Лишь друзья на подмогу придут.



Честь свою с юных лет береги,  
Как ни выгодны были б торги.  
Милых женщин в разлуке цени,  
Нежность сердца и верность храни.

Труден пройденный путь и далёк.  
Сколько дома ты не был, сынок?  
Возвратись в дом родной, погости,  
Маму милую к сердцу прижми.

Пусть порадуют старую мать  
Сила духа, дородность и стать.  
Ну а утром? А утром опять  
В путь за счастьем скорее скакать.

## Поэтам

Летят стрелой пусть времена,  
Всё так же в теме стремена  
И самый строгий стиль.  
Одна лишь цель в судьбе дана –  
Воскликнуть: к нам пришла весна!  
В одно свести пороки дна  
И даль бескрайних миль.

На чёрный труд осуждена  
Судьба крылатого коня,  
Но в ней духовный пир.  
Богам, что судят нас, – хвала!  
В подручных служит сатана.  
Суть наших помыслов чиста,  
Таков искусства мир.





Стихов вселенная полна,  
Потоки строф к волне волна,  
Их гонит наш кумир,  
В седле живёт за годом год.  
Не смолкнет маршевый аккорд,  
Закончится пора невзгод,  
Медаль найдёт мундир!

Не может жить стих без любви.  
Воспой, поэт, блаженства дни,  
Сердца прекрасных дев,  
Зажги чудесные огни,  
Сюжетом ярким замани.  
Достойны вечности они.  
Звучи, любви напев.

Любой поэт из-за небес  
Увидит мир больших чудес  
И строй парадный рифм.  
От тех безоблачных вершин  
До солнца несколько аршин.  
Пока поход не завершил,  
Держи свой чёткий ритм!

## О Родине

За детством милым дни приходят  
Своей Отчизне дать ответ.  
К присяге мальчика приводят,  
Сыновий примет он обет.

Обет служить своей Отчизне  
И биться за её судьбу.



Любовь к ней трепетно по жизни  
В горячем сердце пронесу.

Под солнцем северным в морозы  
Трудом крепили кровь свою.  
Не шли нам, враг, опять угрозы –  
Тебя мы разгромим в бою.

Пришедший к нам с мечом, все знают,  
Погибель страшную найдёт.  
Никто в любви к родному краю  
Народ Руси не превзойдёт!

Деды ушли, в строй внуки встали.  
Им ход истории вершить,  
Воскликнув: «Родина за нами!»,  
В смертельный бой с врагом вступить.

Урок столетий помним скорых.  
В век каждый воинам стоять  
У стен Москвы в рядах суровых,  
Разбить врага, отбросив вспять.

Нет, ни за что в века любые  
Врагу нам волю не сломить.  
Поэтому впредь, как и ныне,  
Свободными мы будем жить!

## *Александр Золотов-Сейфуллин*



Александр Золотов-Сейфуллин (1965–2007) – талантливый, самобытный поэт и мыслитель с очень сложной творческой судьбой. Родился в городе Ташкенте УзССР, где прожил большую часть своей жизни. С распадом СССР Александру пришлось испытать все тяготы беженства: в 2000 году они с матерью сумели переехать в Россию, вначале в город Липецк, позднее – в Железногорск Курской области.

Уже со школьных лет писал стихи, мини-поэмы и философские миниатюры. Творческое развитие проходило в токсичных условиях безвременья 90-х. Авторскую индивидуальность поэт и мыслитель формировал, опираясь исключительно на себя. И ему удалось это сделать. Но цена выпала слишком высокой. Периодически он терял веру в свои силы и в нужность того, чем занимался, ибо была уничтожена большая часть рукописей, а в 2007 г. не стало и самого поэта: слишком тяжёлую ношу возложил на его хрупкую душу развал СССР.



Александр Золотов-Сейфуллин – лауреат конкурса «Высокий стиль – 2012» газеты «День литературы». За книгу «Сущности» в ИД Максима Бурдина получил Литературную премию Мира в номинации «Проза» (2018). Его поэзия на конкурсах ИСП награждена плакеткой, одиннадцатью дипломами, в т. ч. Дипломом I степени в честь А. В. Суворова, а к 260-летию Екатерины II – статуэткой.

В издательстве «Четыре» за участие в конкурсах награждён тремя дипломами, а в честь 350-летия Петра I – также медалью.

Стержневые темы творчества автора – это вопросы веры, тайны Мироздания, духовные стремления человека на фоне мировой культуры.

## I. ОДНОКЛАСНИКАМ И ОДНОКУРСНИКАМ

### К другу (Д. Н.)

Ужель забыл о нашем прошлом, друг?  
Иль страсть к ученью затуманила твой разум?  
Могу и я дать место гневу вдруг  
Через послание острейшей фразой.

Давно ль не помнишь ты истории страницы?  
Или в рассудок твой прокрались небылицы  
О всяких суевериях людских,  
О всевозможных бедах монстров злых?

Открой истории главу!  
Об Англии, о Билле во двенадцатом году.



То было доброе прошедшее столетье,  
И вспомни Лудда – зачинателя всех бед,  
Его ведь тоже звали Нед!

Но на дворе не прошлый век,  
И ты не Лудд, что был ткачом,  
Он разрушитель и больших пороков след,  
Ты ж – созидатель и борец со злом.

*Осень 1982 года*

## **Письмо к другу (Д. Н.)**

А помнишь, друг, как мы бродили  
Средь люда мирного и всяческих затей?  
Как кубок верности и дружбы пригубили  
И охраняли свято дар счастливых дней?

И радость встреч вкушали вдохновенно,  
Воздвигнув братством над главой пайон,  
К охлосу относились презренно...  
Ужель покинул нас отрадный сон?

Ушла ли радость молодых сомнений  
Иль смолкла муза дерзостных речей,  
Где след наш милых злоключений,  
Где думы прожитых ночей?

Как две звезды, гонимы ветром,  
Расстались мы, продолжив путь изгнанья,  
Ты добываешь хлеб дорогой знанья,  
А я – блуждающим своим пером.



Всё по-иному случилось, всё сменилось,  
И радости уж нет в душе моей,  
И пышная Природа отвратилась  
От светлых и желаемых идей.

До встречи, друг, гонимый чудом  
На брег диковинной мечты,  
На брег, полнённый изумрудом,  
Где всё значимо, как и ты.

*Зима 1982 года*

## Однокурсникам

Друзья, спасибо за веселье,  
За мысль доброе вино,  
За откровение, безделье...  
Последнее порой дано

Нести нам долгие мгновенья,  
Запечатлев в душе покой,  
И с ненапрясным сожаленьем  
Их вспоминать затем с тоской.

Но прочь уныния занозы!  
Вослед затишью грянет гром  
И счастья ласковые грёзы  
Исчезнут разом... И потом

Воспрянет прежний дух ученья –  
Разумный кладезь наших дней,  
И шелест лавровых ветвей  
Нам будет музыкой стремленья.

*Барнаул, стройотряд, 1985 год*



## II. МИНИ-ПОЭМЫ

### Ядерная сказка

Копаясь как-то среди старинных  
И столь диковинных вещей,  
Мы при свечах, в мгновеньях длинных  
Суждали в пламени речей  
О временах, теперь забытых  
Уж современными людьми  
(Наш был девиз – «Не посрами»)  
И пылью долгою сокрытых.  
И от полно́чи до утра  
Царили мы, когда пора  
Блаженных лет располагала  
Богами быть среди теней.  
Под впечатлением дышала  
Младая грудь; Душа скорей  
Стремилась ход в Небес сиянье,  
И тайна, и Мирозданье  
Заводом были жизни всей.  
Одну из тайн перескажу я  
Устами несмышлёных лет.  
И, может, кто-нибудь, ликуя,  
Провидит лучезарный свет.

Давно ли, нет – не ведать Миру,  
В одном безмолвном селе,  
Где окрылённому зефиру  
Дышалось шумно на Земле,  
Где луч всходящего Светила  
Теплил уснувшие поля  
И лаской утреннего эля



Природа дивная цвела,  
Старик жил со старухой злой.  
В полях работал он с желаньем,  
Прося у Бога с ожиданьем  
Себе лишь сына да покой.

Однажды бурею беспечной,  
Лишь Солнце быстро снизошло,  
Покрылся тучей купол млечный,  
Торжественное зло пришло.  
Грозы объятия раскрылись,  
И ветра хóлодный язык  
Объял Природы нежный лик,  
И Звёзды частью затмились...  
Поутру среди немых полей,  
У древа с кроной охлаждённой,  
Старик стоял, старухи злей.  
И старца взор опустошённый  
Молил грядущие лета  
Послать надежду дней суровых –  
Потомка... также зёрен новых.

О Бог! Свершилася мечта.  
У корня сливы одинокой,  
В движениях стеснённых, там  
Лежал младенец ясноокий –  
Судьбы насмешливой обман...  
Как часто высший Властелин  
Даёт Природе низший жребий,  
И тяжкий звук людских молений  
Пред Ним ничто – Он господин.  
Но дар, Светилом поднесённый  
И первый лаской опьянённый,  
Был славный карлик, добрый сын.





Шли годы. Мальчик не развился,  
Но танцевал, причудно пел,  
В полях он весело резвился,  
В душе об участи жалел.  
Лишь радостных детей веселье  
Катилось к месту, где он был,  
Или народа новоселье  
И молодой задорный пыл  
В селе блуждали – он покорно  
И удивительно проворно  
То место чудом покидал,  
А там уже с тоской бежал  
В вековый лес, где великаны,  
Спокойствием возвысив станы,  
Стояли. Там он засыпал...

Когда ж старухи голос нервный  
Его винил в пустых делах,  
То старика карман безмерный  
Служил защитой. Как в стенах,  
Он там скрывался и, печальный,  
Взирал сквозь ткань на Мир большой,  
И вздох груди многотрадальной  
Стеснял неразвитой рукой.  
Не по вине своей нахлебник,  
Но в Сердце жаждущий помочь,  
Опять ребёнок встретил ночь  
В сыром лесу, где, как волшебник,  
Ступал он меж седых деревьев,  
Играя нежные мотивы,  
И у корней могучей ивы,  
Найдя остаток дивных снов,  
Решил покинуть отчий кров.



Лишь Солнце снова поднялось,  
Окутав звёзды сном лазурным,  
В селе движенье началось.  
Лоскутный люд потоком бурным,  
Прослышав только ранний слух  
(Пропажа быстро разнеслася),  
Толпою в лес пошёл. Велася  
Повсюду речь на разный дух.  
Один входил во смех безбожно,  
Другой с вниманьем, осторожно  
Искал. А третий, как петух,  
Кричал, но оставался глух.

Так день прошёл, и с чувством разным  
Народ стекался уж к домам:  
Один – со смехом несуразным,  
Другие шли к своим стенам  
С тоскою на челе разбитом,  
Иной народец помышлял  
Об ужине довольно сытном  
И носом по пути клевал.

Вновь ночь пришла. Погасли свечи,  
Народные умолкли речи.  
Старик лишь молча, сам не свой,  
Сидел с желаньем непонятным  
И изредка словцом невнятным  
Тревожный нарушал покой.  
Свеча дрожала, он рукою  
Её от ветра ограждал  
И думой мрачной головою  
Природу втайне проклинал:  
«Судьба-злодейка... С Богом, сын».



Малыш, проснувшись, вспомнил речи  
Старухи и других людей,  
Он с ними не желал уж встречи.  
А потому среди ветвей  
Иглу сыскал он, плотик справил  
(Иглою защищаться мог  
Он среди тягостных дорог)  
И к городу его направил.

Вот Солнце за море скатилось,  
И среди каменных колонн  
Он оказался. В нём теплилось  
Желание: какой-то сон  
Найти, очаг и добры взгляды,  
Не требуя иной награды.  
Взамен бы мальчик только пел.  
Когда б он песней недоел,  
То молча, внемля лишь рассудку,  
Он доставал бы верну дудку  
И в уголочке бы сидел.

Так он мечтал среди прохлады.  
Стеснённый сумраком ночным,  
Всё брёл. И вот увидел дым –  
Костры горели. На все лады  
Там веселилась детвора,  
И у мраморного двора  
Цветущие пестрели сады.  
Туда он тихо подошёл,  
Вздыхнул и в дом затем вошёл.  
Ступал он тихо, осторожно,  
Но в чуждом доме невозможно,  
Поверьте, не наделать шум:  
Игла из рук его упала,  
По полу шумно застучала –  
Он стал безжизнен и угрюм.



Боясь встревожить чьи-то нравы,  
Он тихо за альков зашёл.  
Стоял там долго... Час пришёл!  
Тревожный час грядущей славы,  
Когда в ту комнату вошли  
Толпы людей. И до земли  
Они склонились. Поз почтенных  
Там стало множество... Малыш  
Союз увидел соплеменных  
И затаился, словно мышь.

Спустя мгновенья застучали  
Шаги из комнаты другой,  
И человек вошёл большой.  
К нему все взоры обращали  
И долгих лет ему желали,  
А он с седою головой  
Смотрел презрительно, сурово  
И, возвышаясь над толпой,  
Ей говорил насмешки слово.

Вот сели все. Достали карты.  
На власть земель игра пошла.  
Неистошимые азарты  
Там начались, идея зла  
Здесь источалась беспременно,  
И проигравший уходил.  
И только тот сидел бесменно,  
Кто злые речи говорил.  
В стенах тлетворного желанья  
Он насаждал бессилья Дух  
И злобы обострённый слух  
Людей не слышал излиянья.  
Толпа гудела, шум катил,  
Но средь тревожного движенья



Тот монстр видел наслажденье  
И извлекал коварный пыл.

Но час пришёл! Настало время,  
Когда могучая толпа –  
Людей объединённых племя –  
Взродилась (ненависть слепа),  
Обозначая нрав проворный...  
И вот возмездия игла  
(Малыш её пустил озорно)  
В глаз старцу напрямиком вошла.  
Тут закричал циклоп взбешённый,  
Схватил проворно молоток,  
Ударил трижды в потолок  
И стал уж тигром разъярённым.  
И пятьдесят блестящих звёзд  
Вмиг засветились на теле,  
Над головою – гнева гроздь.  
И птицы с потолка слетели,  
И, покружившись над столом,  
Они на пол рядами сели  
И превратились потом  
В стальных орлов.  
Их взгляд стеклянный  
Испепелял людей покой...  
Они ворочали головой  
И источали мрак туманный.  
И воцарилась тишина.  
Молчали все, дыша тяжёло,  
Идея ненависти зрела.  
Неразличимая стена  
Стояла меж людьми, зверями,  
И ядовитыми глазами  
Смотрела каждая страна.



Но противоречивы тени...  
Чего они хотели в час,  
Когда витал там смерти глас?  
Когда бессмысленные пени  
Им были чужды, как богам?  
Одно осталось: иль к ногам  
Припасть врага, или колени  
Склонить к позора алтарю,  
Отдав надежду дней грядущих,  
И встретить новую зарю  
В цепях холодных и гнетущих...  
Где тот смышлённый судия  
И друг людей миниатюрный,  
Чей взгляд счастливый и лазурный  
Земли носили сыновья?  
Явись, о Бог! Рукой спокойной  
Сотри враждебные черты  
И с мыслью доброй и достойной  
Назначь дороги Красоты.  
Тебе не нужен счастья странник,  
Дипломатический язык,  
Отдай другим речей ярлык,  
Уполномоченный посланник.  
Закинь далёко молоток –  
Символ чудовищных желаний  
И беспокойствий, и страданий,  
Приблизив правды давний срок.  
И властвуй! Чудо! Жар глубокий  
Неси в сознание других,  
Тебе наш современный стих  
И мысли памятник высокий.

*Март 1984 года*



## Природа учит, люди поучают

Природа учит, люди поучают,  
В условностях умножив произвол  
И называя это воспитаньем.  
И, вкладывая с горем пополам  
Условия игры, как правил тесных,  
Мы принимаем как татарина к себе скрепя сердца,  
Иначе, чем строжайшие искусства,  
Которые полезней во сто крат.

За Духом Дух следит, в порядке совершаясь,  
В границах раб сидит.  
И лишь свободный дар – один властитель Мира –  
Звездой падучей для сторанья создан,  
Чтоб вечные предметы освещать  
И, погружаясь вглубь, как истина Вселенной,  
Озвучив струны песни, где Душа поёт,  
Исполнить важное, похожее на святость.

Отметит Бог печатью Мирозданья –  
Располагает всем многосторонний Мир,  
Чтоб нас утешить, примирясь спокойно  
К тому, что чуждое сосуществом живёт.  
В противном мы находим оправданья,  
В трудах случайных заработав грош.  
Но пусть останется хотя бы для примера  
(История не выкинет коленце,  
Как дурачок, постигнутый несчастьем.)



Почтенный вор – он до конца в Законе,  
И отрицание порою – образец,  
Как нам уйти людей – к себе приходом;  
Назойливы, кто пресекает грань,  
И от несносных – чаша через край:  
Одной лишь каплей добавляя ад.

*Январь 2007 года*

### III. СОНЕТЫ

#### Сонет № 5

Земной избранник! Гений свой  
Вложи в обитель неземную,  
Где независимый покой  
Лелеет голову златую.

Ты помни, что придёт черёд –  
И свет потомкам путь укажет,  
И благодарный наш народ  
Твои деянья перескажет.

Он жил! Рачительным трудом  
Он с нами строил общий дом –  
Свободы памятник священный.

Он жив, наш соплеменный брат –  
Прогресса славный меценат!  
Он вечен, мученик смиренный!

*Сентябрь 1984 года*





## Сонет № 7

Любить не можешь ты, злодей.  
Не можешь даже ненавидеть.  
Страдать не можешь. Плач детей  
Тебе противен. Больно видеть,

Как ты, во власти ленных мук,  
Всё ждёшь судьбы вознагражденья  
И с трепетом безвольных рук  
Наносишь быстрые движенья

На жизни строгой плотно,  
Где только роскошь и вино –  
Твоя религия, безбожник.

И, заполняя ум слепой  
Своей душевной пустотой,  
Творишь, безнравственный художник...

*Осень 1985 года*

## Сонет № 10 (Юноше)

Когда друзей не выбрал ты  
В среде сомнительного счастья,  
Поверь мне, друг, найдутся братья,  
Чьи возрождённые мечты

Возвысят Мир. И жадной тенью  
Пойдут за истинным творцом,  
Отвергнув тех, кто с шумной ленью  
Влачит лета пустым слепцом;



Кто ослепительной гордыне  
Подвержен вечно и к вершине  
Не тянет верною рукой.

Кто в таине, презрев Законы,  
Хранит безделия каноны  
И зла торжественный покой.

*Апрель 1990 года*

## IV. СУЩНОСТИ В СТИХАХ

### Сущность № 1

Мы ведь желаем владений бесчисленных,  
Переступая границ представления...  
Ангел порхающий и охраняющий  
Скоро, крылами свисая, измученный,  
Метит падением в точку воззрения  
На справедливый подход разделения.

*Май 1998 года*

### Сущность № 5

\* \* \*

Все мы покинуты в шествии дней омрачённых.  
Сами не зная себя, окружение лиц обвиняем  
Или блуждаем в потёмках в надежде на высшую силу.  
Что же не сложится, тоже испортит отравой,  
Но уповаем в Душе на явление сладостной жизни  
И поднимаемся Духом, когда всё проходит успешно.



\* \* \*

Часто бывает, что, в слабых умах упражняясь,  
Мы обращаемся взором на то, что концами не видно.  
И пререканием с тем, что положено твёрдой основой,  
Мы все теряем опору в течениях бурных событий  
И, отягчаясь и смутами или плачевным исходом,  
В бедах и муках тяжёлых виним целый Мир беспричинно.

\* \* \*

Разве же смертному можно сравниться с богами?  
Скоро его поломают Законы железного Мира.  
Так же поспешно рабом он становится слабым,  
Двигаясь вяло в пути по случайному выбору цели.  
Мощные станут лишь в дружестве век проводимы,  
Ибо доселе не видано братство людей суетливых.

\* \* \*

Верно нам служит преемства основа благая,  
Как сторожей несговорчивых, ценим мы то, что надёжно,  
И не прощаем мы вольностей, хоть и сполна терпеливы.  
В добром общении, кажется, всё уже ясно,  
И поведения правила вовсе не нужно доказывать.

*Осень 2002 года*

## Сущность № 7

Мерзок нам быт, где условия войны готовят  
И, не имея ничего за Душой, бродят бесцельно,  
вконец отупевши.  
Так заразительны падшие нравы, что целые царства  
лишаются смысла,  
Переходя друг от друга волною несчастий.

Так хорошо оторваться от жизни, усвоив уроки древнейших,  
И вознестись высоко, подчиняясь Душою трудам  
их заветным.  
Может быть, в будущем вспомнят, оценят старания наши,  
Чтоб воссоздать, затвердить богоподобны деянья.

*Ноябрь 2002 года*

## Сущность № 16

Покой сохранится, имея оружие,  
Лишь изредка к ним прибегая для мира  
Довольным числом и достаточной силой.

Нельзя увеличить ничто суетливо,  
Когда без нужды умножением сути  
Растут без числа только сущности зыбко.

Нелепо ведь Мир отражать: что лишено  
И лишнее – тоже пустым оставаясь.  
Лишь Богу дано охранять без усилий,  
А слабость людская давно уж известна.

*Май 2006 года*



## Сущность № 17

Зная о мыслях и таинствах одухотворённой Природы,  
Также о том, о чём думает Бог совершенный,  
Им пребывая раздельно в границах, как Царство Свободы,  
Ложно ли, подлинно нам о любви говорить?

Люди порой меж собой в повсеместности сеют раздоры,  
Войны заводят с бессчётным количеством жертв,  
Неисправимы уродства несут на себе в своих жизнях  
Или в потомках чрез годы причинно приходят болезни.

Тем создавая и в тайнах душевных, телесных тёмны места  
Вместо стремлений к познанию и развитию Мира.

*Май 2006 года*

## Сущность № 21

Природа святая! Могучий наш Мир!  
Число мы твоё измеряем,  
Чтоб в точности знать, никуда не свернув,  
Пуская чрез опыт материй.

Внизу мы стоим, созерцая тебя,  
К тебе постоянно взываем,  
Возжаждав гармоний, разбуженных в нас,  
От струн твоих, сверху идущих.

В занятиях учимся вместе с тобой –  
Усилить своё совершенство.

*Декабрь 2006 года*

## *Виталий Шейченко*



Родился в Белгородской области в 1951 году. Проживает в Санкт-Петербурге.

Окончил Военный факультет при ГДОИФК им. П. Ф. Лесгафта, адъюнктуру Военного института физической культуры, Северо-Западную академию государственной службы, ряд спецкурсов.

В 1969–2000 годах находился на военной службе, затем трудился в Комитете по образованию и Спорткомитете Санкт-Петербурга, замещал должности профессора в РГПУ им. А. И. Герцена, ВИВВ МВД России, НГУ им. П. Ф. Лесгафта.

Доктор педагогических наук, профессор, академик Академии военных наук Российской Федерации, полковник в отставке.

Посетил более 70 государств, часть впечатлений от некоторых из них излагается в представленной подборке стихотворений.



## СТИХОЗАРИСОВКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

### Мыс Доброй Надежды

1.

Холодный ветер мокрой плетью  
Стегал маяк на берегу.  
И мы, в одежде полулетней,  
Невольно вспомнили пургу.

Валы могучие, ретивясь,  
Долбили Африку в фасад –  
Как при Бартоломéу Диáш  
Годков с полтысячи назад.

Тогда-то этот португалец,  
Увидев хмарь, а не лазурь,  
Штормам свирепым подвергаясь,  
Назвал сей выступ Мысом Бурь...

2.

Название мыса подобрело,  
В Надежду вскоре превратясь,  
Когда упрочилась на деле  
И с Индией морская связь.



Здесь грудь к груди два океана  
Решают, кто из них главней.  
От стычек их, особо рьяных,  
Судов три сотни там на дне.

Но с маяка – такие виды!  
И чувство это – край земли!  
От Африки до Антарктиды  
В графе «Земная сушь» – нули...

2013

## Водопад Виктория

1.

Не раз мороз наждачил кожу  
Иль докучал липучий зной:  
Я в мир вояжи бодро множу,  
Чтоб жизнь наполнить новизной...

Когда Россия стала зябнуть  
И в снег зарылась вся почти –  
Я посетил страну Зимбабве,  
Чтоб блеск Виктории почтить.

Сей водопад, как чудо света,  
В четвёрку самых славных вхож.  
И я хотел его приветить,  
Сличая с местностью чертёж.

Виктория, иль Дым гремящий,  
Как местные его зовут, –  
Шедевр природы настоящий  
И ей же сказочный салют...





## 2.

Река Замбези, украшая  
Шесть разных африканских стран,  
На карте – как змея большая –  
Скользит в Индийский океан.

В реальности речное русло  
Немало мест лихих хранит;  
О том, что сток угрозой устлан,  
Вам скажет всякий эрудит.

Течёт Замбези величаво,  
В широких поймах стопоря,  
Но если срочно не причалить,  
То не помогут якоря.

За водной гладью ждут пороги,  
За ними – снова тишь да гладь,  
Но могут и пропасть в итоге  
Те, кто решил с рекой играть...

## 3.

Я помню водную прогулку,  
Разлив Замбези за кормой  
И то, как замаячил гулко  
Столб дыма с белой бахромой.

Гиппопотамы-бегемоты,  
Всплывая мощною башкой,  
Давали знать, что царь природы,  
Возможно, был рождён рекой.

Пока пугал нас африканец,  
Что львов они здесь пострашней,  
Мне показалось: водный глянец  
Сильней погнал своих коней.



Притих бы чуть мотор поющий –  
На помощь нам могли прийти  
Лишь челюсти рептилий злющих,  
Грозящих нам на всём пути...

4.

Мы мощь Замбези ощутили  
С её парадной стороны,  
Когда плащи от водной пыли  
Нам, мокрым, стали не нужны.

На кромке бездны из базальта  
Скользила в слякоти нога,  
Но придавала всем азарта  
Сплошная водная пурга.

Любого в странствиях гурмана  
Могла прельстить, заворожа,  
Каньона глубь – как будто рана  
От колоссального ножа!

И то, как, прочь отринув робость,  
Душа реки, полным полна,  
С безумием ныряла в пропасть,  
Чтоб водный дым поднять со дна...

5.

Но чуть правей, где мост ажурный  
Сто лет заклёпками форсит,  
Поток бурлил не очень бурно,  
Утратив свой эффектный вид.

Замбези дальше без геройства  
Ущелье продолжала рыть,  
Но мощь её иного свойства  
Свою там проявляла прыть.



Чтоб спектр забав был помасштабней,  
Хотел тряхнуть я стариной,  
Но, к сожаленью, банджи-джампинг  
Там оказался выходной.

Мне к водопаду-великану  
Не удалось ещё прийти:  
Нас ждал уже визит в Ботсвану –  
С тремя сафари впереди...

2013

## Ниагарский водопад

1.

Везли нас долго в Ниагару,  
Нью-Йорк оставив позади:  
Решили мы не с пылу с жару  
Пополнить «ахов» ассорти...

И вот с Канадой пограничье,  
И «таун» нам как будто рад.  
И демонстрирует величье  
Одноимённый водопад...

2.

Река, зажав в объятьях остров,  
Стеной бурлящей вниз летит.  
Ну а поближе – это просто  
Огромный в пене лазурит.

Поток похож на забияку,  
Но издали он очень мил.  
Особенно пленил нас ракурс,  
Когда паром к нему подплыл...



3.

В информанналах водопада  
Легенд о нём не сосчитать:  
Неизъяснимая бравада  
На смерть гнала безумцев рать.

Напротив берег цвёл огнями,  
Сияя ночью, как сервиз.  
Но мало было между нами  
Держателей канадских виз...

---

Туристов разудалых стая  
Топила в барах якоря,  
Кленовым соком запивая  
Стаканы злого вискаря...

2014

## Водопад Анхель

1.

Обычно к водопаду Анхель  
Вёл красочный речной маршрут,  
Но «охами» мы вместо «ахов»  
Отметили его капут.

В Венесуэлу засуха явилась,  
Уменьшив рек былую прыть.  
И к нам она не выказала милость,  
Не дав до Анхеля проплыть.

Однако честная турфирма  
Решила (и не за туристов счёт!),



Чтоб разрешить проблему мирно,  
Направить к чуду самолёт...

2.

И вот прекрасная «Канайма» –  
Национальный славный парк –  
Вовсю красуется под нами,  
Тая в себе чудес клондайк.

Мы, дружно вспомнив Конан Дойля,  
Его приверженность мечтам,  
Хвалу пропели нашей доле  
За то, что оказались там.

В «затерянном», по книге, мире  
Реально высилось плато,  
С которого, внизу пунктиря,  
Поток бросался – как никто...

3.

Он чудо света – несомненно,  
По высоте – почти с версту.  
В его стремительности пенной  
Волшебность длила красоту.

А наш пилот над водопадом  
Любезно сделал круга три.  
И каждый раз мы жадным взглядом  
Давали Анхелю гран-при...

Я с каждым годом деловитей  
В обычной бренности живу,  
Но счастлив тем, что смог увидеть  
Триумф природы наяву!



## В дельте Ориноко

1.

Дельту ширил Ориноко,  
Тихо щурясь из глубин.  
А наш гид шутил жестоко  
Про червячный протеин.

Промачетили мы сельву,  
Совершая турпоход.  
Ко всеобщему веселью  
Сделав лишь шагов пятьсот.

Мангры гнули книзу спины,  
Чтоб побольше взять воды.  
Средь болотной рыжей глины  
Наши прятались следы.

Гиацинтное приволье  
Резал лодочный мотор.  
Цветь речная свыклась с болью –  
Как расплатой за простор...

2.

Вдоль реки дома индейцев –  
В стиле свайной наготы.  
Не смущает их владельцев  
Беспросветность нищеты.

Нас причалил к поселенью  
Туристический маршрут.  
Там всегда с притворной ленью  
Бледнолицых в гости ждут.

Стайкой грудились каноэ,  
Пирс бодая, как бычки.  
Вспоминая всё бывшее,  
В вечность плыли гамаки.

Сувениров-мелочишек  
В красоте не упрекнуть.  
Чтоб порадовать детишек,  
Покупаем что-нибудь...

3.

Золотило солнце щёки,  
Ветер взбадривал вихры.  
И вели нас все протоки  
В изумрудные шатры.

В небе ары, как буксир,  
А за ними – их хвосты.  
Прокричали в дымке дыр  
Попугаи с высоты.

Там, где гибкие лианы  
Не таили страстный нрав,  
Крылья холили бакланы,  
Геральдически подняв.

Жаль, не встретился голодный  
Ориноцкий крокодил,  
Но дельфинчик пресноводный  
Нас свиданьем наградил...

4.

А когда заката грани  
Стали блики всюду вить –  
Нам позволили пираний  
На наживку половить.



Ловля рыбы без смекалки –  
Как беззвучный в небе свист:  
Всех удачливей в рыбалке  
Стал индеец-моторист.

Я поймал одну злодейку,  
Взгляд её был так шкодлив,  
Что мой мозг родил идейку –  
Сделать вдоль реки заплыв.

Мой соперник, англичанин,  
Догонять меня устал:  
Он-то думал, что я чайник,  
Но на спецбойца попал...

5.

Не пираньевы бандиты  
И не тёща иль свекровь –  
Обнаглевшие москиты  
Смачно пили нашу кровь.

Никогда я не забуду  
Этот сказочный улов:  
На столе дымилось блюдо,  
В нём – пираньи, а не плов.

Им бы хвост дала акула –  
Лучше б не было еды!  
Лишь подруга увильнула  
От щедрот сковороды...

Всем казалось: мы не рохли,  
Не из клана мелюзги.  
А на кольях тихо сохли  
Из резины сапоги...



6.

Прикроватные вуали  
Охраняли наши сны,  
И ничуть не раздражали  
Обезьяны-ревуны.

Пальмы млели от прилива  
И кильватерной волны.  
Лодкой правил горделиво  
Сын не чуждой нам страны.

А затем с живой улыбкой  
Сей индейский аксакал  
Из котомки своей хлипкой  
Майку с Путиным достал...

Если станет одиноко  
И плеснёт тоски прибой,  
Я хотел бы, Ориноко,  
Снова встретиться с тобой!

2016

## Водопад Игуасу

1.

У каждого большого водопада  
Свои красоты и свой нрав.  
Живьём увидеть их – награда  
За туристический наш драйв.

Игуасу́, Виктория и Анхель,  
Плюс Ниагарский водопад  
Заставят скептиков заохать,  
Когда величием поразят.



Среди бурливого квартета  
Игуасу – как бриллиант:  
Каскадов мощь давно воспета  
В великом множестве баллад.

В Бразилии и Аргентине рады,  
Что в этом месте нет плотин:  
Почти три сотни водопадов  
Объединяются в один.

Условно он перегорожен  
И по границе разделён,  
Но посчастливилось мне всё же  
Его увидеть с двух сторон.

2.

Поездку помню ту доньне:  
Через кордон была езда,  
Затем вояж по Аргентине –  
И нас встречает красота!

Я помню парк, и поезд, и коа́ти,  
И вдоль каньона островки,  
И бабочек чудесных, кстати,  
Круженье в отблесках реки.

А дальше пасть ощерил «дьявол»,  
Подковой выгнув котлован.  
Он исполинской водной лавой  
Вздымал над пропастью туман.

У Глотки Дьявола в накидках  
Толпа в восторге замерла:  
Увидев вдруг не на открытках  
Всю мощь кипящего котла...



Но можно при шальном желаньи,  
Презрев ограду, прыгнуть вниз.  
Немало было здесь реальных  
Из разных стран самоубийц...

## 3.

Со стороны бразильской – к Глотке  
Вели удобные мостки,  
И можно было посередке  
Вкусить могущество реки.

Запомнились воды каскады  
И облака из водных брызг,  
И то, что был для всех наградой  
Хоть небольшой, но всё же риск.

По водопадному каньону  
Проложен лодочный маршрут,  
В итоге мы заплыли в зону,  
Где сверху струи ливнем льют.

Двойной восторг за ту же плату  
В заплыве экстремальном том:  
Смешались струи водопада  
С внезапно хлынувшим дождём!

На всех крупнейших водопадах  
Я, к счастью, был и помню их,  
Но первенством отметить надо  
Игуасу средь всех других!

2016



## Это – Япония!

В Японии красные клёны  
Румянят предзимний ландшафт.  
Дюймовочек милых поклоны  
Влюбить меня в сказку спешат...

Все женщины миниатюрны,  
Морщинок не сыщешь у них.  
И в джинсах, и в платьях ажурных,  
Своей белизной круче нимф...

Смотрю я на них в восхищенье –  
Как будто попал всё же в рай.  
Но, кажется, – в спецоблаченье  
Мне с неба грозит самурай...

2017

## Французская Полинезия

1.

Бюджетный люфт был в фазе узкой  
И туг финансовый штурвал,  
Но в Полинезии Французской  
Я всё же, к счастью, побывал.

Летят туда не простофили,  
Ведь не лукавит Интернет:  
Мои восторги подтвердили,  
Что лучше мест на свете нет.

Здесь брат прекрасного жасмина –  
Цветок тиаре правит бал.

С ним ходит каждая фемина  
И всякий, весь в тату, амбал.

2.

Животный мир архипелага  
В своей основе привозной.  
И не нужна ничья отвага,  
Чтоб ночью шляться под луной.

Кусты ничьё не прячут жало,  
Во тьме нет клацанья клыков.  
Повсюду бродят одичало  
Потомки галльских петушков.

В краю чудесном нет приматов,  
Их не приветил здешний люд  
Но блинность есть метровых скатов  
И саблезубость барракуд...

3.

В лазурной прелести лагуны  
Оттенков всех не перечесть:  
Один из баловней фортуны  
Сумел отметить – тридцать шесть.

Для дайвинга не надо сметки,  
Коль в домиках стеклянный пол.  
Десятки рыб любой расцветки  
За корм исполнят рок-н-ролл.

В роскошном танце таитянки –  
О чём не вспомнить мне нельзя –  
Песок взрыхляют, словно танки,  
Призывно попой колеса...

2017



## На острове Бора-Бора

Шедевром природным  
Цветёт Бора-Бора.  
Чудесным угодыям  
Здесь нету числа.  
Природа, творя  
Изобильность декора,  
Всё лучшее в мире  
Сюда привнесла.

Приветливо солнце  
При лёгком норд-осте.  
От бриза морского  
Светлеет душа.  
Ленивые мысли  
Ловлю я за хвостик.  
Они, словно змейки,  
Ползут, чуть шурша.

Всё ярче и ярче  
Лазурит лагуна,  
Вода перламутрит  
До самого дна.  
На пальмах роскошных –  
Рубцы, словно руны,  
Хранят они тайны,  
Всё зная сполна

О том, кто впервые  
Сказал: «Красотища!»,  
Кто первым когда-то  
На берег ступил



И как появились  
Вдоль пляжа жилища  
Из пальмовых листьев  
И палок-стропил...

Шедевром природным  
Цветёт Бора-Бора.  
Чудесным угожьям  
Здесь нету числа.  
На острове дивном  
В любимицах – флора.  
Она все мечтанья  
Красой превзошла...

2017

## Цветок тиаре

1.

На берег Таити  
Сойдя с корабля  
С настроем пирата-пришельца,  
Заметил я деву,  
Что, грудь оголя,  
Баюкала нежно младенца.  
Я пялился долго  
На чудную грудь,  
Смакуя овалов детали.  
Она же, прикрывшись  
Лишь только чуть-чуть,  
Глазами пыталась скандалить.

Костром полыхнуть  
Мог порывистый нрав  
Роскошной красотки туземки.



И я ощутил,  
Что, конечно, неправ,  
Нацелив так пристально зенки...

2.

Я руку просительно  
К сердцу прижал  
И ей поклонился смущённо.  
В глазах таитянки  
Исчез гнев-пожар –  
И я восхитился мадонной...

Затем, отойдя  
От неё на чуток,  
Пришлось оглянуться стоголаво:  
Ведь с левого уха  
Чудесный цветок  
Она вдруг сместила направо...

Обычай такой  
Мне уже был знаком –  
Спасибо гостям Интернета:  
Коль слева цветок,  
То она под замком,  
А справа – любовь без запрета!

\* \* \*

Традиций красивых  
Я много видал,  
Но эта, пожалуй, всех краше:  
Тиарным цветком  
Обозначен сигнал –  
Готовность любить на форсаже...

2017





## Филиал рая на земле

1.

Мне не забыть страну, где символ –  
Цветок за ушком у фемин –  
Всегда подскажет, в цель иль мимо  
Знакомства нового почин...

И Бора-Бора, и Таити,  
И остров страсти Муреа:  
По впечатлениям – в зените,  
Как звёздный блеск для муравья.

Здесь много было знаменитых  
Артистов, зодчих и иных.  
И галлы были здесь, и бритты  
В командировках затяжных.

Сюда стремились жить из Штатов,  
И всех иных богатых мест  
История лагун богата  
На жаждущих сплошных фиест...

2.

Здесь Поль Гоген свои шедевры  
В любви и неге создавал,  
Но скверно от Венеры-стервы  
Испорчен был его финал.

Марлон Брандо здесь артистично  
Купил двенадцать островков  
И обустроивал их лично,  
Презрев насмешки остряков.



Здесь бард Высоцкий вместе с Влади  
О Куке песню шлифовал...  
О, центр любви! Ты, бога ради,  
Цвети как райский филиал!

Себя, конечно же, не буду  
Включать в имён великих ряд...  
Но Полинезии, как чуду,  
Я дань отдать был очень рад!

2018

## Знакомство с Норвегией

Утёсы красуются гордо  
Зеркалящей синь мерзлотой.  
Суровость норвежских фиордов  
Смягчается их красотой.

Чистейшей воды водопады  
Со склонов срываются вниз.  
А их кружевные каскады –  
Как тропы в земной парадиз.

Дождинки, туманы и росы –  
Привычный везде макияж.  
И сказочных домиков россыпь  
Собой дополняет пейзаж...

Когда я с привычной бравадой  
В рубашке взошёл на ледник,  
Он тысячелетней прохладой  
В горячее сердце проник...

2018

## О Пол Поте

1.

Хороши в Камбодже храмы,  
Для туристов – рай земной,  
Но нельзя там ужас драмы  
Обойти мне стороной.

Пиночет кровавил Чили  
В целях «рыночных свобод»,  
Но страшней для Кампучии  
Был чудовищный Пол Пот.

Возглавляя «красных кхмеров»  
И иной разбойный сброд,  
Он не знал в убийствах меры,  
Геноцидил свой народ...

2.

Как же ложная идея  
Колоссально всем вредит!  
Но, бессчётно зла содеяв,  
Долго прожил Пот-бандит.

Побывав в Мемориале<sup>1</sup>,  
Не сбледнуть нельзя с лица...  
Как же жаль, что не поймали  
Для отмщенья подлеца!

Хороши в Камбодже храмы,  
Для туристов – рай земной,  
Но нельзя там ужас драмы  
Обойти мне стороной...

2018

---

<sup>1</sup> Мемориал «Поля смерти» возле Пномпеня.



## Храм Святой Софии (Айя-София)

1.

На скрижалях истории высечен  
Храм, посвящённый Святой Софии.  
Центр православия лет этак с тысячу,  
Словно светоч, сиял в Византии.

Штаб христиан, воспетый поэтами,  
Был для мира особой святыней,  
Но омечетили храм минаретами,  
И придавлен к земле он поныне.

Лет пятьсот Божьих ликов мозаики  
Прикрывал толстый слой штукатурки,  
Но тем самым османы без паники  
Сохранили их будто в шкатулке.

2.

Нынче в Айя-Софии, как следствие  
Ататюрковых мер к шариату,  
Фрески с сурами мирно соседствуют,  
Имея некий музейный статус.

Но христианские в храме отметины  
Всё же как-то застенчиво робки,  
А росписи сур благодетельных,  
Прости мне, Аллах, – как нашлёпки.

Муэдзины орут в час полуденный,  
И зывают к молитве имамы...  
Кому-то, возможно, момент интерлюдии,  
А «Третьему Риму» – рана от драмы!

2018



## Круиз вокруг Южной Америки

1.

Наш круиз был не последним  
По маршруту и цене,  
Но прикольным: месяц летний,  
А все в куртках и кашне.

Мне запомнился картинно  
Не один в нём регион:  
Уругвай и Аргентина,  
Чили и седой мыс Горн.

2.

Славен град Монтевидео  
Парком смелых секс-фигур<sup>2</sup>.  
Офигенная идея,  
Но бесстыдна чересчур.

Образцы архитектуры  
Вызывают интерес,  
Но дома стоят понуро –  
Как у нищего протез.

Любопытны ретро-вещи,  
Например, как «Дилижанс»<sup>3</sup>.  
Им туристы рукоплещут,  
Не впадая, впрочем, в транс.

Вроде памятник Колумбу,  
А начертано «Колон».  
Не ошибка здесь иль глупость –  
Барселонский в том канон.

---

<sup>2</sup> *Площадь сексуального разнообразия в Монтевидео (Уругвай).*

<sup>3</sup> *Памятник европейским переселенцам в Уругвай.*



Много разных монументов,  
Прославляющих вояк,  
Но по всем другим моментам  
Город – попросту бедняк...

3.

А в столице Аргентины  
Антураж совсем иной:  
И фасады, и витрины  
В яркой гамме цветовой.

С персональным нашим гидом –  
Благо были мы вдвоём –  
Стал я в теме эрудитом,  
Обозрев сто мест живьём.

Или чуть поменьше, может,  
Но насыщенно весьма.  
Семь часов я сказку множил  
Для эмоций и ума.

Для конкретики нет места –  
Очень ёмкий нарратив.  
Интернет уж вдоволь текста  
В данном блоке нарастил.

Если всё перелопатить,  
То не хватит и ста дней,  
Потому в своём трактате  
Не гоню я лошадей...

4.

На Фолклендах иль Мальвинах  
Ветер был какой-то злой.  
Показалось: бесовщина  
Размахалась там метлой.

Овцы, коих сотни тысяч,  
Объедали каждый куст.  
Для туристов необычен  
Был «железной леди»<sup>4</sup> бюст.

А мыс Горн – сплошные скалы  
И густой туман вдали,  
Но все так рукоплескали  
В миг, когда его прошли!

В поселенье Ушуайя  
Каторжанский колорит.  
В нём когда-то, прав лишаясь,  
Сгинул не один бандит.

А сейчас там центр туризма,  
Для круиза корабли  
И особая харизма:  
Всё же южный край земли.

5.

Горы в Чили впечатлили  
И вулканы с ледником,  
Но морские пляжи в Чили  
Всё же веют холодком.

Целый день мы по Сантьяго  
Разгоняли летний зной.  
Город – просто симпатия,  
Но стиль жизни там иной.

Стадионных пыток страсти  
Для кого-то – знак свобод.  
Пиночет понятен власти,  
Но его клеймит народ.

---

<sup>4</sup>Памятник премьер-министру Великобритании Маргарет Тэтчер



К сожалению, Альенде  
Я не смог почтить никак:  
В нашей группе главным трендом  
Было мнение зевак.

Сан-Кристóбаль панорамно  
Обеспечил супервид:  
Неслучайно холм в рекламе –  
Несомненный фаворит...

6.

В общем, массу впечатлений  
Дал круиз отпускнику.  
Только бабушек колени  
Навевали там тоску.

Слева, справа – сплошь старухи,  
То толпой, то просто в ряд,  
Как докучливые мухи,  
Что назойливо жужжат.

Я круизы чту, конечно,  
Но тогда затосковал:  
Называл вояж злоречно –  
«В богадельне карнавал».

Мужики в массовке бабской  
Были всё же посвежей,  
Хоть томились в доле рабской  
В роли преданных мужей.

Ситуации шершавость  
Вспоминаю со смешком:  
А меня «Мисс Моложавость»  
Не считала стариком...





---

Не хочу обидеть старость  
В полушаге от неё:  
Колкость слов – всего лишь шалость  
Иль как возглас «ё-моё!».

2019

## Остров Пасхи

1.

До острова Пасхи  
Нелёгкий вояж,  
Зато тем потрясней  
Туристская блажь.

До острова Пасхи  
Лететь надоест,  
Зато первоклассных  
Там множество мест.

На острове Пасхи  
Вулканов следы,  
Зато он – как праздник  
В безбрежье воды.

На острове Пасхи  
Нередко штормит,  
Зато множит «ахи»  
Его колорит.

На острове Пасхи  
Шумливый прибой,  
Зато его пляски  
Услышит любой...



2.

На острове Пасхи  
Дождина гневлив,  
Зато кратер в пасти  
Лелеет разлив.

На острове Пасхи  
Запретов разгул,  
Зато там зубастых  
Не видно акул.

На острове Пасхи  
Не так много троп,  
Зато там салазки  
Не сбросят в сугроб.

На острове Пасхи  
Премного камней,  
Зато солнце в глазки  
Там светит сильнеей.

На острове Пасхи  
Есть скудный пейзаж,  
Зато там фантасты  
Включают форсаж...

3.

На острове Пасхи  
Тепло не всегда,  
Зато там без смазки  
Загар – не беда.

На острове Пасхи –  
Ручьёв нет и рек.  
Зато там напасти  
Изжил человек.

На острове Пасхи  
Сплошь берег крутой,  
Зато скалолазки  
Не прут чередой.

На острове Пасхи  
В зелёнке лишь треть,  
Зато див попастых  
Там можно узреть.

На острове Пасхи  
Легенд перебор,  
Зато для схоластик  
Бескрайний простор...

4.

На острове Пасхи  
Загадок полно,  
Зато там все распри  
Исчезли давно.

На острове Пасхи  
Моái страшат,  
Зато там милашки  
Близь их не грешат.

На острове Пасхи  
Раздолье фиест,  
Зато там по-братски  
Никто вас не съест.

На острове Пасхи  
Иных таинств тъма,  
Зато там побаски  
Заняты весьма.



На острове Пасхи  
Нет больше вождей,  
Зато одномастных  
Полно лошадей...

5.

На острове Пасхи  
Пляж-beach лишь один,  
Зато там нет касты  
Нудистов-скотин.

На острове Пасхи  
Не много коров,  
Зато все подпаски  
Их чтят – будь здоров.

На острове Пасхи  
Стеснён стадион,  
Зато плотной вязки  
Зелёный газон.

На острове Пасхи  
Вокалят коты,  
Зато щедро краски  
Всем дарят цветы.

На острове Пасхи  
Не кормят икрой,  
Зато там прекрасны  
Закаты порой...

6.

На острове Пасхи  
Могильники есть,  
Зато без огласки  
Теперь эта весть.



На острове Пасхи  
Ритм жизни не быстр,  
Зато слово «наспех»  
Забудет турист.

На острове Пасхи  
Тыщ пять местных ртов,  
Зато там колбаски  
Немало сортов.

На острове Пасхи  
Бледнеют от цен,  
Зато после встряски  
Не страшен обмен.

На острове Пасхи  
Соцтранспорта нет,  
Зато чьи-то лязги  
Не будят чуть свет...

7.

На острове Пасхи  
Так много разинь!  
Зато скидку власти  
Ввели на бензин.

На острове Пасхи  
Отели скромны,  
Зато там у пассий  
Восторг от луны.

На острове Пасхи  
Вайфай не ахти,  
Зато политстрасти  
Не могут цвести.



На острове Пасхи  
Плох телесигнал,  
Зато на терраске  
Бокал не скучал.

На острове Пасхи  
Бродячие псы,  
Зато без опаски  
Садишься в такси...

8.

На острове Пасхи  
Хотят барышей,  
Зато там есть маски  
По двадцать грошей.

На острове Пасхи  
Как роскошь дрова,  
Зато жажда к ласкам  
Всегда там жива.

На острове Пасхи  
С привоза вино,  
Зато по-вакхански  
Там пьётся оно.

На острове Пасхи  
Присутствует жесьь,  
Зато на контрасте  
Там плюсов не счесть.

До острова Пасхи  
Полёт как страда,  
Зато вспомнишь сказку,  
И даль – ерунда!

2019

## В гостях у моаи

1.

На острове Пасхи  
Свирепый прибой.  
И я шибанулся  
Там в берег ногой.

Ноге было больно,  
Но я-то – живой.  
И понял я: надо  
Дружить с головой...

2.

Моаи – красавцы,  
Хотя и без глаз.  
И я станцевал бы  
С одним из них вальс.

Но к ним приближаться  
Запрет очень строг.  
За этим охранник  
Следит, как бульдог.

3.

Спуститься я в кратер  
Вулкана хотел,  
Но в том вдруг подруга  
Нашла беспредел...

А в целом всё классно,  
Как я и мечтал.  
Для странника – Пасхи  
Крутой пьедестал!

2019



## Две точки в Русском мире

Я лично видел те места,  
Где дед мой был почти легендой.  
Меня пленила красота,  
В которой Холок<sup>5</sup> вился лентой...

А там, где мама рождена,  
Теперь страна давно чужая.  
Закрыла мне пути она,  
Приехать всячески мешая.

Там бабушку цыган прельстил  
Своей лихой баронской статью.  
И страсть хохлушки, как тротил,  
Вдруг сорвала замок на платье...

Цыгане в Старой Осоте<sup>6</sup>  
Живут ли ныне – я не знаю:  
Сейчас же времена не те –  
Раздраю нет конца и краю.

Когда нацистов разобьём  
И наведём в стране порядок,  
Смогу я в качестве любом  
Всё рассмотреть там без оглядок...

2022

---

<sup>5</sup> Река в Белгородской области России.

<sup>6</sup> Село в Кировоградской области Украины.



ДЕТСКАЯ  
ЛИТЕРАТУРА



## Юрий Берков



Родился 24 мая 1940 года в Ленинграде, блокадник. В 1966 году окончил училище ВВМУРЭ им. А. С. Попова с дипломом инженера по радиоэлектронике и был распределён на Северный флот, на корабль радиотехнической разведки. Принимал участие в поиске и спасении атомной ПЛ «Ленинский комсомол» в Центральной Атлантике. В декабре 1968 года перешёл служить в 40-е НИИ МО РФ. Кандидат военных наук, почётный работник науки и техники.

В 1991 году распался Советский Союз, наш флот стремительно сокращался. Научная и конструкторская работа в НИИ замерла. И Юрий Алексеевич взялся за научно-фантастический роман «Новые кроманьонцы». В 2000 году началось оживление научной работы. В 2009 году Ю. А. Берков был назначен ведущим научным сотрудником 40-го ГНИИ. В 2017-м расстался с научной работой и стал пенсионером, однако продолжает писать книги. Их опубликовано в Интернете уже более двадцати. Есть и художественная, и научная литература. Кроме того, он ведёт блог в «Цифровой витрине».

## Шакал и змея

Как-то раз утром в глухом, дремучем лесу зубастый шакал повстречал маленькую змею.

– Ха! Что ты тут ползаешь, гадюка? Ты такая маленькая, а посмела встать у меня на пути! Прочь с дороги, иначе я тебя укушу!

– Только попробуй, – прошипела змея.

– Тут и пробовать нечего! – шакал схватил змею зубами за хвост. Но та изогнулась и ужалила шакала в ногу. – Ах, мерзкая тварь! Ты ещё будешь кусаться?! Да я тебя убью! – шакал схватил змею зубами и бросил в кусты. – Вот тебе, гадина!

Раненая змея уползла, но прошипела:

– Хоть ты и велик, но глуп. Скоро пожалеешь о своём поступке.

Шакал не услышал её и побежал дальше. Он уже забыл об укусе змеи, но вскоре почувствовал слабость и прилёг отдохнуть. Место укуса распухло и болело.

– Вот подлая тварь! Но теперь она уже, наверное, издохла.

А раненая змея заползла в свою норку и свернулась клубочком. Рана болела, но постепенно боль стихала.

Шакал же лежал и чувствовал себя всё хуже. Слабость нарастала, голова кружилась, и он уже не мог встать. Яд змеи делал своё дело.

К вечеру шакал совсем ослабел и ночью умер.

Змея же отлежалась в норе, а утром выползла, осмотрела свои укусы и увидела, что они почти зажили. Она поползла дальше и доползла до мёртвого шакала.

– Вот теперь ты лежишь у меня на дороге! Ну что ж, я не гордая, могу и отползти в сторону. А ты лежи тут, большой, зубастый, но глупый. Не всё решает грубая сила. Иногда побеждают коварство и хитрость.

С той поры все звери обходят змей стороной.



## Ёжик, шакал и медведь

Жил в лесу ёжик. Жил тихо в своей норке, никому не мешал. А рядом с ёжиком жил медведь, Михаил Иванович Топтыгин, и были они друзьями. Часто беседовали друг с другом долгими вечерами и делили скромный ужин.

Вот как-то ёжик решил сходить за грибами. Вылез из норки, а навстречу ему – голодный шакал.

– О! Какой прекрасный завтрак я вижу!

И он хотел схватить ёжика зубами. Но ёжик свернулся клубочком и оцетинился иголками. Шакал ткнулся в него носом и отскочил в сторону. Иголки больно укололи его.

– Ах, ты так?! Ну, погоди! Ты круглый, и я покачу тебя вон в ту канаву с водой. Там ты опустишь свои иголки и поплывёшь, а я схвачу тебя зубами и съем!

И шакал попытался толкнуть ежа лапой. Но ёжик слегка подпрыгнул и снова больно уколол шакала. Тот отскочил в сторону, а ёжик скрылся в своей норке.

Тогда шакал решил разрыть норку и достать ежа. Ведь в тесной норке он не сможет растопырить свои иглы и уколоть шакала.

Но нора ёжика имела два выхода, и второй выход был как раз в берлогу медведя. Ёжик пополз по ней и вскоре увидел своего друга.

– Привет, Миша! Тут голодный шакал хочет съесть меня. Выручай, друг!

Медведь вылез из норы и зарычал:

– Пошёл вон, шакал! Не смей трогать моего друга! А не то я задам тебе трёпку.

– Ах, вот ты так! – воскликнул шакал. – Тогда я позову своих друзей, и они порвут тебя на части, глупый Топтыжка!

И шакал побежал звать друзей.

Вскоре стая шакалов прибежала к медвежьей берлоге. Они уселись вокруг, а голодный шакал опять стал рыть лапами

норку ёжика. Тогда ёжик перебрался в берлогу к медведю, а Михаил Иванович вылез из берлоги, встал на задние лапы и зарычал:

– Пошли вон, подлые твари! Я не дам вам съесть моего друга!

– Не бойтесь его! – закричал голодный шакал. – Он один, а нас много! Мы порвём его в клочья! Вперёд!

Он кинулся на медведя и укусил его за лапу. Остальные шакалы тоже бросились на Михаила Ивановича. Но медведь был высок, и они смогли достать только до его задних лап. А медведь стал махать передними лапами и разбрасывать шакалов в разные стороны. Его острые когти впивались в их шкуры и оставляли глубокие раны, а зубами он схватил голодного шакала за холку и вырвал клочок кожи с шерстью.

– Теперь и мы с ёжиком перекусим, – сказал медведь и утащил полуживого от страха шакала в берлогу.

Тогда шакалы бросились врассыпную, а голодный шакал простонал:

– Прости меня, Михаил Иванович. Больше я никогда не буду обижать твоих друзей.

– Ладно, – сказал мишка, – сегодня я добрый. Но это только сегодня. В следующий раз не прощу и съем тебя.

С тех пор ни шакалы, ни волки никогда не нападали на медведей.

## Крокодиловы слёзы

Было это в Африке, в далёкой жаркой Африке, где не бывает зимы и где всегда знойное лето. А ещё есть в Африке большая и широкая река Конго, в которой много крокодилов и бегемотов. По берегам реки Конго растёт густой лес, который в Африке называется джунглями. В джунглях живут обезьяны, слоны, жирафы и носороги. А в реку Конго впадают небольшие ручьи и речушки.

В одном таком ручье лежал крокодил. Ручей был мелкий, дно – каменистое, и крокодил не мог погрузиться под воду. Он лежал на жаре и жалобно стонал.

– Бедный я, несчастный. Мне жарко, а воды в ручье так мало, что мне в ней не скрыться.

Вскоре к ручью подошла слониха со слонем, чтобы напиться. Она увидела зубастого крокодила, но не испугалась его, а спросила:

– Что ты лежишь тут и стонешь? Ползи в реку Конго и живи в ней.

– Не могу, – простонал крокодил. – Там много других крокодилов и бегемотов, они прогнали меня.

И из глаз крокодила вытекли две большие слезы.

– Мне жаль тебя. Здесь тебе плохо: мало воды и очень мелко, – сказала слониха.

– А ты помоги мне. Ты большая и сильная, можешь хоботом ломать и таскать деревья.

– Ну и что? Как же это тебе поможет? – спросила слониха.

– Очень просто. Ты сломай несколько деревьев и положи их поперёк ручья. Получится запруда. Вода в ручье поднимется, и я смогу уйти под воду. Тогда мне не будет так жарко.

Слониха задумалась.

– Тебе тоже будет здесь лучше, – продолжал крокодил. – Ты сможешь искупаться в воде, да и твой маленький слонёнок будет доволен. Ты ведь скоро должна родить его?

– Это верно, – сказала слониха. – А что, может, поможем этому бедному крокодилу? – спросила она у своего друга, слона.

– Давай, – ответил слон и начал хоботом валить деревья на берегу ручья.

Вскоре они сделали запруду, и вода в ручье стала подниматься. Получилось небольшое озеро. Крокодил скрылся под водой, и только глаза его торчали над поверхностью.



Слоны искупались в озере и ушли в джунгли по своим делам. А крокодил начал охотиться. К воде подходили разные звери: антилопы, жирафы, косули, зебры, – чтобы напиться, а крокодил незаметно подплывал к ним и хватал зубами за ноги. Он тащил их на глубину и топил, а потом съедал, разрывая зубами их тела. Особенно нравились крокодилу маленькие детёныши. Они не могли сопротивляться и становились лёгкой добычей.

Так проходили дни, недели, и крокодил радовался, что он один хозяин этого озера.

Но вот как-то раз он увидел на берегу слона и слониху с маленьким слонёнком.

«А вот и мой обед пришёл наконец, – подумал крокодил. – Слонят я ещё не пробовал!»

Он уже и забыл, что именно слоны помогли ему выжить в этом маленьком и мелком ручье, превратив его в озеро.

А слоны вошли в воду и стали обливаться. Слонёнок тоже вошёл и решил искупаться. Вода была ему по шею.

Крокодил тихо подплыл к слонёнку, нырнул и схватил его за ногу. Слонёнок испугался и закричал:

– Мама, папа, спасите меня! Тут большой и злой крокодил! Он хочет меня съесть!

Слониха увидела крокодила, схватила его хоботом и выбросила на берег. Но крокодил быстро скользнул в воду и скрылся в глубине.

– Так вот как ты отвечаешь на добро?! Это твоя благодарность?! Ну что же, получи тогда то, что заслужил! – сказала слониха и стала хоботом вытаскивать из запруды брёвна. Вода прорвала запруду и потекла вниз бурным потоком. Озеро быстро мелело. Слон помогал слонихе, и вдвоём они очистили русло ручья. Крокодил остался на мелководье и стал всем виден.

– Что вы наделали?! Теперь я не смогу охотиться! Мне будет жарко! – причитал крокодил, и из глаз его текли слёзы.

– Больше тебе не будет жарко, – сказала слониха, – больше тебя вообще здесь не будет!

И она растоптала крокодила, раздавила его, и он издох.

Вот так закончилась эта история. На этот раз крокодилу не помогли его крокодиловы слёзы.

## Сказочный зоопарк

*(фрагмент фантастического романа «Новые кроманьонцы»)*

После завтрака все поднялись на вертолётную площадку и сели в вертолёт Георгия. Зоопарк был довольно далеко, поэтому решили лететь.

Вскоре бело-голубой вертолёт бесшумно взмыл в воздух. Георгий вёл машину на северо-восток, но казалось, что это Москва уплывает под ними на юго-запад.

Зоопарк размещался на окраине столицы. Издали уже была видна его громадная прозрачная крыша. Это был стеклянный купол, края которого, как шапка гигантского гриба, почти касались земли. Посередине купола возвышалась круглая башня со шпилем, на котором, как флюгер, вращался золотой петушок. Всё сооружение напоминало гигантский шатёр сказочной Шамаханской царицы. На боковых опорах над куполом были укреплены громадные портреты зверей и птиц. Вокруг зоопарка расположились городок аттракционов, кафе, закусовые и дельфинарий.

Георгий опустил вертолёт на площадку недалеко от входа. Из городка аттракционов доносилась музыка, кругом было полно ребят и взрослых.

– Это и есть зоопарк? – удивлённо спросил Саша, который приехал из Сибири и гостил у Георгия и Риты.

– Да, это новый московский зоопарк, – ответила Рита, жена Георгия. – Он почти весь под стеклянной крышей. Только



животные Севера имеют открытые вольеры по периметру купола. Видишь решётчатую ограду вокруг?

– Ага. Идёмте скорее, там, кажется, кто-то есть!

Они подошли к ограде. Дальше путь им преградил невысокий заборчик, за которым были видны узкие рельсы железной дороги.

– Надо сесть в поезд, который ходит по зоопарку, и на нём всё осмотреть, – предложила Рита.

Слева показался маленький игрушечный паровозик с небольшими открытыми вагончиками. Паровозик бесшумно катил по рельсам. Экскурсовод, сидевший рядом с машинистом, держа микрофон, негромко объясняла пассажирам, каких животных они видят перед собой, чем эти животные питаются и где обитают в природе.

Вот поезд поравнялся с посетителями и притормозил. Георгий с Ритой, их дети: Валера с сестрой Женей и гостивший у них Саша – сели в красивый вагончик. Поезд тронулся и покатил дальше вдоль решётчатой ограды. Ехал он медленно, временами притормаживая, чтобы взять или посадить пассажиров. У наиболее популярных вольер были устроены смотровые площадки, на которых желающие могли выйти и посмотреть зверей в ожидании следующего поезда.

В начале осмотра находились вольеры с волками, медведями, оленями, моржами и прочими северными животными. На площадках с бурыми и белыми медведями всегда было многолюдно. Там резвились детёныши, и это привлекало ребят. В каждой вольере был оборудован ландшафт, соответствующий природному для данного вида животных, поэтому зоопарк очень напоминал ботанический сад. В вольерах белых медведей и моржей был даже искусственный лёд, позволяющий им легко переносить жаркое московское лето. Саша с Валерой и Женей постояли сначала на площадке у бурых медведей, потом побывали в гостях у белых, затем – у тюленей и моржей.

Закончив объезд наружных вольер, поезд въехал под купол. Здесь было царство вечного лета. Температура повышалась по мере приближения к центральной части купола. Сначала шли вольеры с верблюдами, осликами, козами, овцами и прочими парнокопытными. Их сменили хищники саванн и джунглей: львы, тигры, леопарды, гиены, шакалы. Ещё ближе к центру разместились кенгуру, жирафы, страусы, обезьяны, крокодилы, бегемоты, носороги, слоны.

Ребята вышли из вагончика на площадке с обезьянами и пробыли на ней около получаса. Потом долго смотрели на кенгуру, крокодилов и слонов. Прошло уже более двух часов, но они не замечали быстро летящего времени.

Наконец очередной поезд доставил их в центральную зону зоопарка, и Саша разинул рот от удивления.

– Наш поезд въехал на территорию ретро-парка, – объявила экскурсовод. – Здесь вы сможете увидеть доисторических животных, живших на Земле тысячи и миллионы лет назад. Их удалось возродить благодаря достижениям генетики, а также находкам археологов. Первыми были восстановлены генетические коды мамонтов и древних носорогов. Их останки нашли в слое вечной мерзлоты в районе Якутска. Трупы животных прекрасно сохранились. Их мясо даже годилось в пищу. В дальнейшем учёным удалось по останкам скелета восстановить генетический код многих динозавров и крылатых ящеров. Сейчас вы видите перед собой вольеру с мамонтами. Недавно у них появилось потомство.

Саша увидел двух огромных, покрытых шерстью слонов с громадными бивнями. Они копались в копне свежей травы, одобренной овощами. Рядом с ними стоял мамонтёнок и выбирал из копны морковку.

Поезд, не задерживаясь, проехал вольеры с саблезубым тигром и первобытной лошадей, которая была ростом с пони и имела трёхпалые копыта, как у тапира.

Но вот впереди показалось гигантское чудовище с огромным хвостом и страшной крокодилей пастью. Это был хищный двуногий ящер, тираннозавр. Ростом он был около шести метров. Он терзал тушу свиньи, держа её короткими передними лапами, и рычал.

– Тираннозавр пока у нас в единственном экземпляре, – сказала экскурсовод. – Это особь мужского пола в возрасте четырёх лет. Особь женского пола находится в киевском ретро-парке. Недавно она снесла два яйца. Они находятся в инкубаторе, и мы с нетерпением ждём потомства. Если нет серьёзных дефектов в геноме, то мы надеемся получить двух жизнеспособных тираннозавриков.

Следующим был стегозавр – растительноядный ящер длиной около восьми метров. Громадные костные пластины на спине защищали его от хищников. Кроме того, стегозавр мог обороняться, размахивая мощным хвостом, снабжённым острыми шипами. Стегозавров в вольере было два.

– Стегозавры у нас уже давали потомство, – пояснила экскурсовод. – В инкубаторе мы вывели шесть маленьких стегозавриков и отправили их в Соединённые Штаты Америки, Англию и Австралию, попарно.

Дальше поезд подкатил к вольере с трицератопсом.

– Это тоже травоядный динозавр длиной около десяти метров длиной, – пояснила экскурсовод. – Но костных пластин на спине и на хвосте у него нет. Зато на голове крепкий панцирь наподобие шлема. Из него выступают три мощных рога. Трицератопс обороняется, атакуя на своего противника и стараясь продырявить его рогами.

Затем ребята увидели ещё более громадное животное, это был апатозавр. Он лежал в огромном бассейне, и только часть спины и маленькая голова на длинной шее торчали из воды. Апатозавр поворачивал голову из стороны в сторону, рассматривая толпившихся на смотровой площадке зрителей.



Кормили апатозавра рыбой. Вес его оказался равным двадцати тоннам, а размерами он походил на крупного кита.

– Все динозавры были очень медлительны, – поясняла экскурсовод. – Даже во время схватки они долго готовились к падению и плохо защищались. Маленький мозг и огромная масса тела не позволяли им быстро реагировать на выпады противника. Расцвет динозавров закончился, когда на Земле появились более мелкие, но быстрые теплокровные хищники. Постоянная температура тела и тёплая кровь позволяли мышцам работать быстрее, да и мозг лучше соображал. Теплокровные хищники не впадали в спячку в холодный период года, и малоподвижные динозавры становились их лёгкой добычей. Поэтому динозавры были обречены на вымирание.

В последней вольере находился летающий ящер, птеранодон. Размах его крыльев достигал восьми метров. Питался он рыбой, которую выхватывал из воды длинным зубастым клювом. В вольере летать ему было трудно, и он ходил по земле, волоча перепончатые крылья. Впрочем, иногда он взлетал на двадцатиметровую скалу и прыгал с неё вниз. Зато находившиеся рядом с ним два птеродактиля двухметровой длины прекрасно летали над бассейном и хватали рыбу с лёта. Саша, Валера и Женя минут двадцать простояли у вольеры с этими летающими драконами и прошли в центральный павильон, башню. В башне находились аквариум, террариум и клетки с мелкими птицами. Бегло осмотрев змей, ящериц, мышей и прочую мелкую живность, все поднялись на самый верх башни, а спустились оттуда на канатной подвесной дороге прямо к ресторану.

После обеда в ресторане посетили дельфинарий. Дельфины прыгали через обруч, катали на спинах дрессировщиков и ловили рыбу на лету. Закончилось путешествие на аттракционах. Валера и Саша крутились, вертелись и летали, а Женя осталась с родителями.

– Я уже накрутилась сегодня, – сказала она. – Крутитесь теперь без меня, если хотите.

После нескольких головокружительных трюков Валеру и Сашу даже слегка покачивало, но настроение было прекрасным.

Обратно летели на вертолёт, молча переживая увиденное. Саша сидел в кресле и разглядывал фотографии, сделанные им в зоопарке. Приятное путешествие надолго осталось в его памяти и в коллекции фото- и киносъёмок.

## Татьяна Цветкова



Татьяна Вениаминовна Цветкова – пенсионерка, образование высшее.

В 1975–1976 годах печаталась в газете «Коммунист» города Череповца.

В 2000-м году выпущен сборник стихов «Времена года». В 2007 году опубликованы стихи в сборнике «Верность Отечеству», № 5, № 7 (литературно-творческое объединение при Совете ветеранов военной разведки), под псевдонимом Татьяна Легранова. В 2009 году издан сборник с очерками и стихами, антология «Ходит ли муза в разведку» (издательство «Герои Отечества», Москва). В 2021-м в издательстве «Юстицинформ» вышел поэтический сборник «Проходят дни, меняя времена». В 2022 году печаталась в сборнике участников IV Большого международного литературного онлайн-проекта «Истина в мгновении» (Издательство Интернационального Союза писателей, Москва). В том же году



опубликованы стихи в альманахе «Под другим углом» и сборнике «Мелодии весны» Санкт-Петербургского издательства «Четыре».

Лауреат премии «Под другим углом» за писательский профессионализм и вклад в развитие современной русской литературы.

В 2023 году в издательстве Ridero вышел рассказ «Дорога домой», он представлен на «ЛитРес» в электронном и бумажном виде, а также в формате аудиокниги.

Международной Академией наук и искусств (МАНИ) выдан диплом за популяризацию культуры в мировом пространстве и духовное возрождение России, ближнего и дальнего зарубежья и внесён в «Бриллиантовый список» МАНИ (2023 г.).

Написала шесть сказок, мифы, легенды в стихах. Продолжает работать над сказками в прозе.

## Летний бал

У заросшего пруда,  
Там, где вьётся мошкара,  
Только солнышко взошло  
И немного припекло,  
Примостились у воды  
Две весёлых Стрекозы.  
Как-то, сидя на диване,  
Модный пролистав журнал,  
Две подружки прочитали,  
Что в субботу на поляне  
Будет праздник, будет бал!

В свете утренних лучей  
И хороших новостей,



Разговоров, «ахов», «охов»,  
Обсуждений долгих, вздохов,  
Репетиций, упражнений,  
Бесконечных повторений  
(Чтоб звучал у них вокал),  
В отражениях зеркал  
Собираются на бал!  
Заплели свои косички  
И подкрасили реснички,  
А на ушки – по серёжке,  
На платформе босоножки,  
Талии в корсете –  
Лучше нет на свете!

День начался светлый, ясный,  
Бал чудесный и прекрасный!  
Как нам праздники нужны,  
Все на бал приглашены!  
Вот букашки и жучки,  
Мотыльки и паучки,  
Гусеницы, червячки –  
День хлопот уж им придал:  
Все торопятся на бал!

С талией осиной,  
В ожерелье длинном,  
С узенькими крылышками,  
С тёмненькими жилочками,  
По проторенной дорожке  
Прибежала Долгоножка.  
И Блестинка Огневая,  
На ней юбка золотая,  
В переливах блузочка,  
И под цвет ей сумочка.





А росточка небольшого,  
Глазки цвета голубого,  
Дама прихотливая,  
Иногда пугливая.  
Села на диванчик,  
Выпила нектарчик,  
Улыбнулась всем, кивнула  
И таинственно вздохнула.  
Лапки кверху подняла,  
Жука-друга обняла,  
Что-то прошептала,  
А потом пропала!

Здесь и бронзовый Харлапус,  
У него высокий статус!  
В жёлто-рыженьких ботинках  
(Вы видали на картинках),  
Хоть пассивен и ленив,  
Он и моден, и красив.  
И бороздчатый Бегунчик –  
Удивительный везунчик!

Вот пожаловал Пилильщик,  
Друг для многих – их носильщик.  
Всем поможет и подскажет,  
Новость свежую расскажет,  
Поприветствует друзей:  
С ними в жизни веселей.  
Ненавязчив, осторожен  
И в делах благонадёжен.  
Скромно встал жучок в сторонке,  
В красно-жёлтой рубашонке,  
С дымчатыми крылышками,  
С небывалой силушкой.



Муравей пришёл с семейством –  
На балу всем хватит места!  
Не крылат он, не жучок,  
Просто крепкий мужичок.  
На шести стоит он ножках  
В лакированных сапожках,  
Всех подвижней и умней  
Рыжий друг наш Муравей!  
Вот и Божия Коровка:  
Что за статья, что за сноровка!  
Платьице в горошек,  
И не видно ножек!

В ярком сарафанчике,  
В бархатном кафтанчике  
Прилетела и Пчела,  
Мёд в корзинке принесла,  
По горшочкам разлила,  
Улыбаясь очень мило,  
Всех соседей угостила,  
Каждому сказала:  
– Если мёда мало,  
Непременно вы в четверг  
Приходите на обед!

Тут Кузнечик-удалец,  
В молодости сорванец,  
Незаметно так вздохнул,  
Палочкой своей взмахнул  
(Ждать уж всем нет больше сил!),  
Бал торжественно открыл.  
Музыканты все – Сверчки –  
Дружно взялись за смычки!



И взгляните: это он!  
Наш красавец Махаон!  
И медалями обвешан,  
И в интригах не замешан,  
Статен, важен и речист,  
В молодости – пианист.  
Рассудителен, непрост,  
Занимает важный пост:  
Он министр среди букашек,  
Шустрых пчёл и таракашек,  
Свой имеет кабинет,  
Равных в мире ему нет!  
Он на зрителей взглянул,  
Крыльями лишь раз взмахнул,  
Закружился, чуть взлетел,  
На цветок садовый сел,  
К музыкантам повернулся,  
Поклонился и вернулся,  
Красотою всех затмил  
(Так хорош и как он мил!).  
Танец свой он станцевал,  
Прилетел не зря на бал!

Повернулся в зал Кузнечик,  
Как во фраке человек,  
Обратившись, всем сказал:  
– Продолжаем чудный бал!  
Обязательно для вас  
Бабочки станцуют вальс! –  
Выпорхнули вдруг девицы –  
Что за глазки, что за лица!  
Ножку в сторону ведут  
И танцуют, и поют.



Вот идёт веселье,  
Просто наслажденье!  
– Прочитает басню нам  
Автор многих эпиграмм,  
Наш учёный и эстет,  
Замечательный поэт!  
Про лесных зверей и птиц,  
И других известных лиц,  
Про задиру Воробья  
И про друга Соловья.  
Говорю с волнением я:  
Приглашаю Муравья! –  
Бурные аплодисменты!  
Что за бал! Что за моменты!  
Радость, счастья предвкушенье,  
Ведь поэт уже на сцене!

На дощатые подмости  
Выбежали две Стрекозки.  
И запели, зазвенели  
Золотые голоса!  
И от пения такого  
По щеке течёт слеза!  
О цветах, любви и луге  
Пели нежно две подруги.  
Сердце в ритме застучало,  
Публика кричала: – Мало!  
Браво! Бис! – Поклон. Признание!  
– Вы исполните желанье:  
Спойте нам всем на прощанье! –  
Снова песня полилась  
И в сердцах отозвалась!

Закружились все потом:  
Комариха с Пауком,



И букашки, и козявки,  
И большие, и малявки.  
Их веселье – всем награда,  
Как за них мы с вами рады!  
Незаметно свечерело,  
Всё слегка вдруг потемнело,  
Тут и вышли Светлячки –  
Все ночные бодрячки,  
Всем раздали шарики  
И зажгли фонарики.  
Громче музыка звучит,  
В танец за собой манит,  
Мошки встали в тесный круг,  
Как прекрасно всё вокруг:  
Всё стрекочет, всё поёт,  
И танцует, и живёт,  
И ликует, и смеётся,  
В танце быстром всё несётся!

Вот и светлая луна,  
Так нарядна и полна,  
Изменила вдруг осанку,  
Осветила всю полянку,  
Звёзды на́ небе зажгла,  
Всём веселья придала.  
Ночь на землю опустилась  
И в тумане растворилась...  
На скамейке сидят франты,  
И устали музыканты  
И танцоры, и певицы,  
Старички, сынки, девицы...  
Тише, музыка, постой!..  
С бала все спешат домой!



## Приключения Муравьишки

### Часть 1

#### Как Муравьишка оказался далеко от дома

За большой сосной, у речки,  
В замечательном местечке,  
У пенька в лесной тиши,  
Жили дружно Муравьи.  
В их семье – напомним: дружной,  
Замечательной такой –  
Подрастал – конечно, умный –  
Их сыночек дорогой.  
Любопытный был мальчишка,  
Подружился с толстой книжкой,  
Задавать любил вопросы:  
Почему кусают осы?  
Что за ближним бугорком?  
Что за синеньким цветком?

Почему течёт река,  
В небе синем облака?  
Почему да почему –  
Интересно всё ему.  
Няня с малым не справлялась,  
От активности терялась:  
– И за что мне этот труд?  
Вот возьму я длинный прут,  
Накажу его слегка!..  
Не поднимется рука!  
А вернее, моя лапка...  
Всё же малыша мне жалко!



Не дожить мне до седин!  
Он гулять ушёл один!  
За листом его нашла, –  
Няня сетует с утра. –  
Быть послушным обещал,  
Но вот слова не сдержал!

И однажды утром ранним,  
Только солнышко взошло,  
Муравьишка, друг отважный,  
Снарядив корабль бумажный,  
Не сошла ещё роса,  
В небо поднял паруса.  
И не страшно же ему  
Вплыв пускаться одному!  
Дунул лёгкий ветерок –  
Удержать корабль не смог.  
Хоть и малая волна,  
Но для крошки велика!  
Вмиг надулись паруса.  
На глазах блестит слеза!  
И к опасностям вперёд  
Начался его полёт.  
Унесла его река  
На крутые берега.  
Еле выбрался дружок  
На песчаный бережок,  
Отлежался, огляделся  
И на солнышке согрелся.  
Понял: всё же далеко  
Он от дома своего!



Как отважный Робинзон,  
Думать стал: а где же он?  
Посмотрел: Жучок бежит,  
По делам своим спешит.

– Подожди и дай ответ,  
Ты спаси меня от бед!  
Небольшой я Муравьишка,  
Начитался умных книжек,  
Сделал плот, приплыл сюда,  
На чужие берега!  
Помоги хотя б немного,  
Укажи домой дорогу!  
– Что-то сделал ты не так.  
Муравей – и вдруг моряк!  
Я не знаю, как тут быть,  
Нужно Комара спросить.  
Он летает, много видит  
И тебя он не обидит.

Прилетел Большой Комар.  
Мудр он был, хотя не стар.  
– Дайте с силами собраться,  
До семьи своей добраться.  
Я ушиб себе животик:  
Больно стукнулся о бортик.  
Вы мне только помогите,  
Муравейник отыщите!  
Посмотрел на Муравьишку:  
– Непослушный шалунишка!  
Ты зачем ушёл один?  
Сам себе ты господин! –  
И в конце сказал Комар:  
– Полечись пока от ран.





Так и быть, я помогу,  
Муравейник отыщу.  
Я найду твоих родных,  
Раз ты думаешь о них!

Улетел Комар далёко,  
Но вернулся вскоре к сроку.  
И сказал он Муравью:  
– За высокой старой елью  
На полянке, у ручья,  
Дом огромный для тебя.  
Муравейник там большой,  
Он и есть твой дом родной.  
Там высоки, краснощёки,  
Работящи и крепки,  
Все приятели мои,  
Живут дружно Муравьи!

Муравьишка огорчился:  
– Всё же ты, Комар, ошибся,  
За огромною сосной  
Муравейник мой родной.  
Там широкая река  
И крутые берега.  
Невысокого мы роста,  
И живём мы очень просто.  
Сомневаюсь очень я:  
Не моя это семья.

– Не спеши, дружок родной!  
Ты совет послушай мой:  
Ты совсем один остался  
И немного растерялся.  
Там найдёшь своих друзей,  
Вместе будет веселей.



Будет осень моросить,  
Зима снегом заносить,  
Будет нужен очень дом –  
Вот хочу сказать о чём! –  
Что же делать Муравью?  
– Хорошо, с тобой лечу. –  
Полетели с Комаром  
В совершенно чужой дом.  
Приземлились, отдышались  
И друзьями распрощались.

Муравьишке очень трудно:  
День тяжёлый, долгий, нудный,  
Неизвестность и беда  
Совсем парня довела.  
Видит: по тропе лесной  
Муравьи идут гурьбой.  
Высоки, сильны красавцы,  
Словно солнышка посланцы.  
Встал мальчонка на пути –  
Мимо вроде не пройти.  
– Ты чего стоишь без дела?  
Ты, малыш, уж очень смелый,  
Без работы и труда  
Нет прохода к нам сюда.  
Рыжеватый, низкорослый  
И совсем, дружок, не взрослый.

– Я, конечно, слишком мал,  
Но я вырос, сильным стал!  
Прибыл к вам на корабле  
По речной большой воде,  
Повзрослел, окреп немножко,  
На своих стою я ножках.



Друг Комар сегодня спас.  
Но могу прожить без вас,  
Не прошусь к вам на постой...

– Не спеши, дружок, постой...  
Мы не гоним же тебя,  
Все мы тут – одна семья.  
Будешь братцем ты для нас  
На всю жизнь, а не на час.  
Нас Комар предупредил:  
Покорил ты много миль,  
Что пришёл на корабле  
По неведомой реке.  
Рассказали всё отцу,  
Рад такому сорванцу.  
Всё случается в судьбе!  
Приглашает вас к себе.  
– Всем спасибо, но, друзья,  
Дом построю рядом я.  
Ведь остался я один –  
Сам себе я господин!  
Что ж мне помощи просить?  
Сам попробую прожить!  
Он решил и сделал так.  
Ах, какой же он чудак!

## **Часть 2**

### **Как Муравьишка дом построил**

На поляне Муравьишка  
Строит маленький домишко.  
По соседству Муравьи  
Возвели дом для семьи.



От зари и до зари  
Всё хлопочут Муравьи.  
Избежать чтоб лишних бед,  
Трудится и их сосед,  
Непоседа Муравьишка.  
Ставит домик свой мальчишка,  
Ест сухарь и пьёт «Растишку».  
У тропы собрал иголки  
(Попросил у старой ёлки).  
Долго с ними он возился,  
Лист осины пригодился.  
Нашёл синее стекло –  
Вот тебе, дружок, окно!

Делал, строил, но беда:  
Не годится никуда.  
Осень с ветром и дождём  
Промочила новый дом.  
С потолка течёт вода,  
В окна дует иногда;  
Получилось кое-как.  
Что-то сделано не так!  
Холод, сырость даже днём,  
Печь дымит – не греет дом,  
Плохо Муравьишке в нём!  
Чтобы пережить напасть  
И зимою не пропасть,  
Собрался идти к соседу  
На душевную беседу.

– Не сварить в казане плов,  
Хоть и дом уже готов!  
Не приложит он ума:  
На дворе почти зима,



Холод, ветер, снегопад,  
Даже дому я не рад! –  
А сосед, душа простая,  
С чистым сердцем предлагает:  
– Одному не стоит жить,  
Я хочу с тобой дружить!  
Ты работник неплохой.  
Скоро выйду на покой,  
Пока есть ещё силёнка,  
Научу тебя, мальчонку,  
Как строгать и как пилить,  
Самокат как смастерить.  
Невеликого ты роста:  
Дом построить всё ж непросто.  
Нарисуешь свой чертёж,  
Лучше дома не найдёшь!  
Будет с нами веселей,  
Здесь сытней и потеплей.  
Много в доме детворы.  
Поживи хоть до поры!  
А весною, как решишь,  
Своё дело завершишь,  
Заведёшь свою семью –  
Вот о чём я говорю!

Поразмыслил Муравьишка:  
– Хорошо, когда домишко  
Есть. Но, как всё же ни мудри,  
Нет другого тут пути:  
Чтоб зимою не пропасть  
И в депрессию не впасть  
(Как же трудно выбирать!),  
На постой придётся встать!



Дружно жили Муравьи,  
Все вставали до зари  
И трудились целый день –  
Незнакома была лень!  
Вставал раннею порой,  
Вместе с шумной детворой  
В школу радостно бежал,  
Там свой домик рисовал,  
Проецировал чертёж,  
До чего же дом хорош!  
Много книжек изучил,  
Двадцать парт он починил,  
Десять стульчиков собрал,  
Стол широкий сострогал.  
И, чтоб счастлив был народ,  
Он провёл водопровод!

Муравьишка стал сильнее,  
Выше, крепче и стройней,  
Много переделал дел,  
Всё сумел и всё успел!  
Незаметно, как всегда,  
Снова к ним пришла весна!  
Вмиг пошла работа бойко,  
Закипела рядом стройка,  
И, мечте своей служа,  
Дом в четыре этажа  
И на том же самом месте  
Возводить решили вместе.

Много комнат и ходов,  
Спален, кухонь и шкафов,  
Чтоб хранить где было книжки,  
Пришлось сделать Муравьишке.



Новый пол и новый стол,  
И просторный в доме холл,  
Двери, окна, на них ставни  
И четыре в доме ванны.  
Есть огромная кровать,  
На которой можно спать.  
Пять диванов для своих,  
Зал для праздников больших,  
В нём паркетная доска –  
То презент от Барсука.  
И огромный, и один  
В этой комнате камин!

Новоселье отмечали,  
Всех соседей приглашали.  
Паучиха десять метров  
Паутины принесла,  
Славно кружево сплела!  
Без станка, без спиц, коклюшек,  
Инструментов и игрушек:  
– Вам на окна хватит тюля.  
– Боже мой, что скажут люди!.. –  
Чуть смутился Муравьишка. –  
Ах, подарок! (Это слишком!)  
Я хочу сказать: Спасибо!  
Ваш подарок, очень мило!..  
Мы развесим по углам,  
И уютно станет нам!

Но куда ж деть паутину?  
Неприглядная картина,  
И не скажешь ведь в ответ:  
«Паутине места нет!»  
Как же избежать проблему,



Разрешить скорей дилемму?  
Не смутить и не расстроить,  
Отношения построить?  
Да, задача непроста,  
Деликатность тут нужна.  
Чтоб порадовать соседку,  
Сделал Муравей беседку!  
Ведь крепка же паутина –  
Ну совсем как парусина!  
Крепче ткани не найти  
И искусней не сплести!  
Он развесил гамаки:  
Всем пилюлька от тоски!  
Посадил туда детишек,  
Паучихи ребятишек,  
Книжки добрые купил  
И игрушки смастерил.  
И сказал он Паучихе,  
Замечательной ткачихе:  
– Ты большая домоседка,  
Смастерил тебе беседку,  
В ней прекрасно отдыхать,  
Книжки деточкам читать.  
Не держи на сердце рану,  
Другом верным тебе стану,  
Не привык быть должником,  
В гости приходи в мой дом!

\* \* \*

Муравьишка молодец:  
Муравейник как дворец!  
Но тоска его съедает,  
На чужбине пропадает.





Просит друга Комара  
Полететь уже с утра  
Там, где плещется река,  
Где крутые берега,  
Передать родным привет,  
Сколько им доставил бед!  
– Там найдёшь мой муравейник  
И скажи, что не бездельник,  
Дом построил у ручья  
И зову всех в гости я.  
И тому пришлось случиться:  
Наконец решил жениться!  
Пусть подыщут пару мне,  
Чтобы жить в большой семье.

Полетел Комар за речку,  
Чтоб сказать родным словечко  
О сыночке их родном  
И какой прекрасный дом  
Над ручьём в лесу стоит...  
Ждёт родных, о них грустит.

Долго ль, коротко ль летал,  
Слово верное сдержал:  
Муравейник отыскал,  
Всё исполнил и на бал  
Полетел быстрее птицы.  
На спине сидит царица,  
Распрекрасная девица!  
Посмотри: поёт душа,  
До чего же хороша!  
Муравьишка встретил друга,  
Благодарен за услугу:



Лапку крепко пожимал,  
Очень долго обнимал.  
Свадьбу пышную сыграли,  
Целый дом гостей созвали.  
И на свадьбе наш герой  
Произнёс перед толпой  
Благодарственную речь,  
Чтобы дружбу ту сберечь,  
О великом Комаре  
(Прилетел он на заре),  
Об учителе-соседе  
И об их большой победе.  
Как помог он в трудный час,  
От беды тяжёлой спас:  
– Научил почти всему:  
Письму, счёту, ремеслу.  
И от пользы той большой  
Дом стоит передо мной!  
Хорошо теперь всем нам,  
Делим дружбу пополам.  
И на много-много лет  
Ближе нас на свете нет!

**ПУБЛИЦИСТИКА  
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**



## *Валентин Осень*



Валентин Фёдорович Погорелов (Валентин Осень) родился 6 июня 1942 года в Одессе. О своих первых стихотворениях в подростковом возрасте отзываясь негативно. В 1959 году окончил школу, в 1964-м – физфак ОГУ им. И. И. Мечникова. 1965-й год – армия, где начал вести литературный дневник, ставший началом его пути в литературу. С 1966 года – аспирант ИХФ АН СССР (Москва), в котором в 1971 году защитил диссертацию.

Вернувшись в Одессу, работал старшим преподавателем на кафедрах физики нескольких вузов и длительное время – старшим научным сотрудником в Одесском отделении МГИ АН УССР.

В 1978 году стал представителем в делах интеллектуальной собственности (патентным поверенным) Украины. В 1989-м участвовал в создании одного из первых в стране негосударственных институтов – научно-производственного объединения «Одесский биотехнологический институт», где проработал четверть века как учёный секретарь.



Осенью 1996 года внезапно наступил новый этап в жизни учёного-физика Валентина Погорелова как поэта Валентина Осень: «сонетный период», когда он от «сильного и благого потрясения» (А. С. Пушкин), когда «восторг, внезапный, ум пленил» (М. В. Ломоносов), невольно сочинил в сказочном Трускавце свой первый «сонет» в шекспировской форме. Эта английская сонетная форма не только оказалась естественной для выражения его мироощущения, но и стала основой всей его поэзии – к настоящему времени написано более тысячи стихотворений в сонетной форме (а всего – свыше тысячи трёхсот), большая часть которых опубликована в разного рода изданиях.

## Флуктуационная теория ©онета (Наставление по ©онету)

*(фрагменты научного исследования)*

*Посвящается более чем восьмивековому Сонету*

### 919. Пирамида

Вот и сложилась Ф-теория Сонета:  
Итог ночных трудов и дум десятка лет,  
Идей и поисков упорного поэта –  
Тех, что выходят ныне «Наставленьем» в свет.

В ней упорядочена вся система жанра –  
Веками что казалось просто невозможным, –  
Дана истоков и определений карма,  
И – построение структуры архисложной.



И в ней блистательным краеугольным камнем  
Заложен мудрый Идеал как Эталон,  
Ведь он – венец, вершина пирамиды славной,  
Построенной из множества сонетных форм,

Живущих в основанье этой пирамиды,  
Весь час растущей многоликостью их видов.

13.03.2020

*(Далее в квадратных скобках приводятся ссылки на источники, указанные в литературе монографии. Все стихотворения – авторские.)*

О, научись думать сердцем  
И научись чувствовать разумом.  
**Теодор Фонтане**

*...И как раз для искусства сонета эти слова [Т. Фонтане. – В. О.] имеют особое значение... В сонете снято различие и противоречие между «думать» и «чувствовать», познание стало частью поэтического творчества, а поэтическое творчество – частью процесса познания.*

**Иоганнес Бехер**

## Сонет [9: 5]

Своим ты сердцем... думать научись –  
Так трудно в жизни достижимо это –  
И вспышек гневных крайне берегись:  
От них не видно солнечного света.

А разумом ты... чувствовать учись:  
Сухая логика – не суть поэта,  
Тогда как разум чувственный – что жизнь,  
Наполненная запахом и цветом.



И... диво, что соединимо это  
В искусстве настоящего Сонета!  
Так творчество пиита предстаёт

Как часть процесса миропознаванья,  
А мира познание растёт  
Из поэтического содержанья.

**Валентину Осень –  
из отзыва на монографию  
«Флуктуационная теория Сонета» (2016)**

*Нам Геликон важней, чем Палатин.  
О, сень благословенного Парнаса,  
Где процветает славный Валентин!  
Мы ценим сонетиста-велегласа.*

**08.11.2016. Ю. В. Линник**

## **895. Сонет – к обложке «ФТС □ СА»**

Два катрена, два терцета  
Под одной сонетной крышей,  
Что колонны Парфенона –  
Образец искусства высший:

Красота и строгость формы  
В храм великий воплотились,  
На века предстали нормой  
И духовностью открылись.



И Сонет таким же чином,  
Строгостью своих канонов,  
Предстаёт поэтам мира  
Нерушимым Эталоном.

Восемь сотен бурных лет...  
Жив! Да здравствует Сонет!

29.10.2019

## Предисловие автора к 7 (9)-му изданию

*Пишу, держа открытым сердце,  
Творю взволнованной душой  
Для вас, мои единоверцы, –  
Сонетной сложной простотой.*

**В. Осень**

**Первый** сонет (29 сентября 1996 года), неожиданно написанный автором в горном Трускавце на томике сонетов У. Шекспира, имел 14 строчек и соответствующую им форму, как и большинство последовавших за ним. Но такой факт, хоть он показателен и даже символичен, чтобы считать стихотворения сонетами, ещё не может служить достаточным основанием для этого. Со временем, по мере накопления опыта, появилось острое ощущение неполноты собственных представлений о данном жанре.

Как отмечал Ф. И. Тютчев, «первым условием всякого прогресса есть самопознание», что, возможно, позднее Ю. М. Лотман применил в таком виде: «важнейшим элементом творчества является самонаблюдение». У автора после полутысячного «сонета» начал вдруг проявляться серьёзный интерес ко всему, что имеет к нему историческое и жанрово-метрическое отношение. Изучение теоретических и критических





трудов разных авторов без отрыва от собственного стихотворчества потребовало более строгого отношения к написанному с целью определить его действительный жанр.

Главные итоги этого исследования отображены в восьми последовательных переизданиях монографии по теории Сонета: первые два под заголовком «СОНЕТ И СТИХОТВОРЕНИЕ В СОНЕТНОЙ ФОРМЕ» (2012; 2015) [4; 5]; следующие шесть под новым заголовком: «ФЛУКТУАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ СОНЕТА» (2016) [6], а потом расширяющие, дополняющие и уточняющие 2, 3, 4, 5 и 6-е – «ФЛУКТУАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ СОНЕТА ▫ СОНЕТНЫЙ АТЛАС» (2017–2021), причём последние два – ещё и как «Наставление по Сонету» [7–9, 9а и 9б]. Кроме того, содержание работы излагалось в сборнике «КОНТЕКСТ» (2016) [10] и докладах на конференциях [11–15], где представлены принципы и результаты Флуктуационной теории Сонета (ФТС, или Ф-теории Сонета), которая с каждым переизданием развивалась и совершенствовалась.

Сложные объекты, будь то, например, автомобиль, самолёт или другое подобное устройство, не создаются безупречными сразу. Необходимо время, и тем большее, чем сложнее изделие. Поэтому с каждым выпуском предмет, сохраняя базовую основу, модернизируется и улучшается. Также и теория Сонета – одним из критериев которой, как и у любой строгой научной теории, является внутренняя непротиворечивость – развивается, углубляется и уточняется, открывает новые возможности и реагирует на возражения оппонентов, но принципиальный подход и основополагающие идеи неизменны.

Данное 7-е (а фактически, учитывая вышесказанное, уже 9-е) с небольшими уточнениями окончательное переиздание (9-я, окончательная редакция) подтверждает авторское стремление к отточенности каждой мысли и каждой фразы, к отшлифованности их до прозрачности янтарного блеска и решительно утверждает Флуктуационную теорию Сонета как Наставление по Сонету.



# Часть 1

## Обзор и анализ литературы по теории ©онета

*Не следует называть Сонетом  
то, что им не является.*

**В. Осень**

### Введение

**По теории** Сонета существует большая литература. Примем за основу два фундаментальных труда, выражающих самую строго разработанную современную позицию (с постепенным привлечением и других источников). Стремление детально разобраться в ней, донести её до читателя и с этой точки зрения подробно проанализировать Сонет как жанр послужило причиной дальнейшего обильного цитирования. Этим и читатель как бы приглашается к участию в исследовательском процессе.

Первой рассматривается статья немецкого поэта и прозаика И. Р. Бехера «ФИЛОСОФИЯ СОНЕТА, ИЛИ МАЛОЕ НАСТАВЛЕНИЕ ПО СОНЕТУ» (1957; публикации на русском языке – 1965; 1981), в которой писатель считает «диалектическую структуру сонета решающим формальным фактором» [1: 197; 2: 416].

Второй – развивающая те же мысли работа одного из авторитетных теоретиков этого жанра К. С. Герасимова – «ДИАЛЕКТИКА КАНОНОВ СОНЕТА» (1985), где автор обосновывает «далеко не произвольный и не случайный характер формообразующих признаков сонета», а также то, что «каноны сонета – ...целиком на службе его “содержания”, т. е. диалектики, наилучшим образом способствуют её выявлению и воплощению» [3: 21, 34].

Вплоть до середины XX столетия, как утверждают оба исследователя, «ни в известном шлегелевском определении сонета, ни в какой-либо теоретической работе о форме сонета нет попытки (отважной!) дать определение его содержания» [2: 412] и «чёткого определения сонета как диалектического жанра не даётся; оно появляется позже» [3: 43].

Оказывается, что установить, является ли стихотворение Сонетом, непросто, поскольку «грань между сонетом и сонетоидом подчас неуловима», и право «читателя (и в ещё большей степени – критика) решать в каждом случае, сонет перед ним или нет» [3: 41, 42]. Это означает, что даже специалисты могут спорить о том, является ли стихотворение Сонетом. То есть Сонет – идеал, к которому должны стремиться поэты, но они нечасто его достигают – «лишь немногим удалось создать *подлинные* сонеты» [2: 413].

Отсюда возникают главные вопросы, которые были актуальными всегда: что же такое Сонет и можно ли дать ему классическое определение? Можно ли вообще научно систематизировать «почти необозримое» (И. Бехер) мировое «сонетное» множество?

.....

### Выводы к части I

1. «*Сонет как таковой...* подлинный сонет – как редкое, высокое исключение среди несметного количества мнимых сонетов» [И. Р. Бехер, 2: 428].

2. «Каноны сонета во многом – неписанные: чёткой грани между “законами” и “традицией” тут, как в Англии, не провести» [К. С. Герасимов, 3: 36].

3. Признаки Сонета, называемые в литературе, расплывчатые. Однозначного и всеобъемлющего определения Сонета нет, а устанавливаются лишь ориентиры:

«Становится всё более трудно определить, в чём заключаются отличительные черты сонета» [Б. Шерр, 49: 320].



4. Научной классификации мирового «сонетного» множества не имеется:

«Было бы трудно... систематизировать это почти необозримое количество созданных сонетов и решить, какие из них соответствуют сущности сонета, а какие – нет» [И. Р. Бехер, 2: 412].

«Фронтальный обзор мирового сонетного наследия до сих пор не предпринимался...» [Л. А. Сугай, 46: 115].

**Осуществлённые** в части 1 обзор и анализ литературы, наблюдения и выводы делают очевидной необходимость выработки строгих, конкретных признаков Сонета и рассмотрения несколько расширенных рамок формы стихотворения, в границах которых её, эту форму, также можно было бы считать сонетной.

## Часть 2

# Флуктуационная теория ©онета

*(Наставление по ©онету)*

*Искусству сонета необходимо «самопознание» и теоретическое осмысление. Создание сонетов немислимо без наставления по сонету.*

*И. Р. Бехер*

### 2.1. Идеальный Сонет

**Итак**, многие исследователи, отмечая нелёгкость создания классического Сонета, констатируют, что теоретически правильная форма его редко бывает соблюдена, и вместе

с тем признают трудность определения отличительных черт жанра.

Вследствие этого внешняя форма Сонета часто нарушается различным образом – как с целью эксперимента, так и не ради самого нарушения, а в связи с поисками формы, наиболее адекватной для выражения авторского замысла, что может быть сделано при помощи дополнительных строк или исключения их из «тела» Сонета, метрических изменений, неравностоности и т. д. Поэтому и появляются неканонические формы...

Если понимать Сонет «узко», со строго очерченными конкретными правилами, то есть как «Идеал», как «Эталон», то всё, что ему не соответствует, Сонетом называть не следовало бы, пусть это будут даже и очень хорошие стихи, а рассматривать их как отклонения от Идеала (хотя эти стихотворения по-своему тоже могут быть идеальными сообразно собственной форме).

Введём понятие «**Идеальный Сонет**» (ИС, или Идеал, или *Эталон*): попробуем, принимая и синтезируя базовые взгляды И. Бехера и К. Герасимова, а также основываясь на сделанных в первой части наблюдениях, анализе, выводах и предложенной авторской концепции, выписать основные, главные признаки Идеала в виде жёстких однозначных требований к идеальной сонетной форме (ИСФ) – как к идеальной сонетной внешней форме (ИСВФ) и форме содержания.

Такая ИСФ могла бы отвечать следующим первостепенным требованиям – **Требованиям к ИС**.

## 2.12. Суть Флуктуационной теории Сонета

**В теории** вводится основополагающее понятие Идеальный Сонет (ИС), выписываются строгие **Требования** к нему и даётся его **Определение** на основе *необходимого и достаточного идеальных сонетных условий*.



*Необходимое идеальное сонетное условие* – это требования к внешней форме ИС: 14 строк, сонетная конфигурация четырёх строф  $K4 = 2K + 2T$  (катрены впереди терцетов), 5-стопный ямб и др.

*Достаточное идеальное сонетное условие* – это требования к форме содержания ИС: жанрово-структурированная дихотомическая диалектическая структура типа ТАС<sup>дих</sup> (первый катрен – тезис, второй катрен – антитезис, терцеты – синтез) с *содержательной дихотомической цезурой* между октавой и секстетом как цезурой между Антитезисом и Синтезом.

Этим самым устанавливается форма Идеального Сонета как *Эталона* – два его определяющих фактора: внешняя форма и форма содержания – то есть, иначе говоря, задаётся система координат и в её начало как в точку отсчёта помещается ИС. Все остальные похожие формы стихотворений рассматриваются в качестве отклонений от идеальной сонетной формы (от *Эталона*), а именно как стихотворения в сонетной форме с флуктуациями (ССФ с Фл).

*Флуктуации* могут быть как *флуктуациями* внешней формы, так и/или формы содержания, то есть *флуктуациями* как отдельно каждой из двух форм, так и их сочетаний.

Минимальные *флуктуации* внешней формы и формы содержания, при которых сохраняются основные свойства и структура ИС, именуется **Каноническим Расширением (КР)**. Этим *флуктуациям* соответствует Канонический Сонет (КС) с его тремя видами структуры диалектики: классическая и два варианта *строфной*.

**В соответствии с принципом симметрии** как «принципом познания» определены инварианты сонетного движения, такие как, например, сам ИС, 14 строк, конфигурация 4 строф, 5-стопный ямб, внутренняя диалектическая сонетная структура в виде ТАС и др.

При неизменной внешней форме ИС, а также при его внешней форме, имеющей элементы КР, *флуктуации формы*



содержания дают три **Типа** ССФ с Фл: **КС** (диалектика структурирована в соответствии с ИС или КР), **Квази-КС** (структура диалектики не соответствует **ИС** или **КР**) и **СФорС** (диалектика вообще отсутствует).

*Флуктуации* внешней формы **ИС** и **КС**, выходящие за рамки **КР**, приводят к трём другим **Типам** ССФ с Фл (независимо от *флуктуаций* формы содержания): **ФлуМетр**, **ФлуСтроф** и **ФлуКол**.

**Отсюда** следует, что *Флуктуационная теория Сонета* устанавливает семь типов стихотворений в сонетной форме, включая Идеальный и Канонический Сонеты, а также *три основных* типа и *один дополнительный* для структур сонетной диалектики.

Эти сонетные *типы* систематизируются главным избранным признаком – диалектикой. Диалектика побеждает всегда.

В то же время теория отвечает требованиям большей фундаментальности и большей общности: «Между этими свойствами существует органическая связь: возрастание фундаментальности теории влечёт за собой и возрастание степени её общности. Бóльшая общность теории проявляется в её способности объяснить большее число фактов» [см. с. 92]. Это подтверждается способностью ФТС систематизировать практически абсолютно всё мировое сонетное множество.

Идеальный Сонет в Ф-теории Сонета является вершиной пирамиды сонетного множества. Далее вниз, постепенно разветвляясь, как корни дерева, как цепная реакция, идут типы, классы и подклассы, виды и подвиды, группы и подгруппы и другие, более мелкие, уровни и подуровни, вплоть до конкретного ССФ.

При этом Идеальный Сонет – словно Солнце в природе, которое светит всем, но приблизиться к которому, а тем более попасть на него невозможно. А «огоньки» на Земле лишь имитируют его свет.

**Итак**, *Флуктуационная теория Сонета*, будучи построена при выполнении *принципа симметрии* как «принципа



познания», приобретает (в соответствии с заключением академика Н. Ф. Овчинникова, приведённым здесь на с. 98) «единство структуры, содержит в себе возможность суверенного развития и вместе с тем оказывается отображением независимой от неё реальности».

Таким образом, теорией на данном этапе представлен принцип *типологизации* мирового сонетного множества с *началами* дальнейшей классификации. На этом хотелось бы и остановиться – пусть *классификацию* заканчивают другие. Но известный лозунг «Кто, если не я?» заставил пересмотреть эту позицию – нужно доводить начатое дело до конца. И разработка теории – из этого процесса, увы, уже невозможно было выйти, не завершив его, – продолжилась в виде разветвления и детализации *семи* сонетных *типов*, вплоть до *индексации* каждого отдельного стихотворения, что оказалось делом хоть и чрезвычайно сложным (из-за бесчисленности и многообразия форм самого объекта исследования), но вполне возможным.

Так появилась часть 3 – «СОНЕТНЫЙ АТЛАС» [здесь не приводится полностью. – В. О.].

## Часть 3

### ©онетный атлас

*Теория, мой друг, суха,  
Но зеленеет жизни древо.  
И. В. Гёте*

### Определение

**Сонетный Атлас** – это сонетное множество, систематизированное (*типологизированное* и *классифицированное*) на



основе Флуктуационной теории Сонета (термин – «сонетный атлас»).

## Выводы

### **1. Обзор и анализ литературы по теории Сонета показал:**

1.1. Однозначного и всеобъемлющего определения Сонета нет, а устанавливаются лишь ориентиры.

1.2. Признаки Сонета, называемые в литературе, несколько расплывчаты, размыты, и каноны Сонета «во многом – неписаны: чёткой грани между “законами” и “традицией”... не провести».

1.3. Мировое сонетное множество научно не систематизировано.

### **2. В настоящей работе предложена единая, строгая, научно обоснованная Флуктуационная теория Сонета (ФТС, или Ф-теория Сонета) – как «Наставление по Сонету»:**

2.1. Введено исходное фундаментальное понятие *Идеальный Сонет* как *Эталон*, сформулированы конкретные *Требования* к нему и дано его строгое определение.

Через *Идеальный Сонет* при помощи следующего нового понятия *Каноническое Расширение* также дано и чёткое определение *Канонического Сонета*.

Установлено три вида структуры диалектики *Канонического Сонета*: *классическая* структура и два варианта *строфной*.

2.2. Рассмотрен научный *принцип симметрии* и как «принцип познания» применён к теории Сонета на основе представления об отклонениях имеющегося сонетного многообразия от *Идеального Сонета* (от *Эталона*) как о *флуктуациях*.

2.3. Рассмотрены типы флуктуаций как флуктуации *внешней формы* и флуктуации *формы содержания* *Идеального Сонета*. Последние состоят в *перераспределении* диалектической структуры ИС (тезис – антитезис – синтез) или в её



отсутствии. Флуктуации внешней формы могут быть *качественными* и *количественными*. Качественные флуктуации разделены на *метрические* и *строфические*. Флуктуации могут накладываться друг на друга.

2.4. Введено ещё два новых понятия: *содержательная цезура* между антитезисом и синтезом как *обобщённое понятие* с определением её *видов*, а также *стихотворение в сонетной форме с флуктуациями* (ССФ с Фл).

2.5. В соответствии с типами флуктуаций установлены *типы* стихотворений в сонетной форме. Даны их определения и формулы. Осуществлена *типологизация* существующего сонетного множества: составлены *Типологическая Таблица* и *Типологическая Схема сонетных форм*, включающие *семь* типов.

2.6. Рассмотрено для ССФ три *основных типа* структуры сонетной диалектики и *один дополнительный*, их *виды*, а также их взаимосвязь с 7 типами ССФ.

2.7. Заложены *начала* дальнейшей *классификации* мирового сонетного множества на базе *типологизации*, принятой в ФТС.

**3. Продолжена и завершена разработка Ф-теории Сонета путём создания Сонетного Атласа как развития типологизации в виде классификации каждого из семи типов мирового сонетного множества, вплоть до индексации отдельного стихотворения на принципах международной классификации изобретений. Показано практическое применение теории:**

3.1. Введено очередное новое понятие *Сонетный Атлас* и дано его определение (термин – *сонетный атлас*).

3.2. Предложены структура и архитектоника Сонетного Атласа в трёх вариантах как систем *классификации* произвольного сонетного множества на основе *типологизации*, установленной *Флуктуационной теорией Сонета*, вплоть до *индексации* каждого конкретного стихотворения.

3.3. В качестве примера практического применения теории даны Сонетные Атласы для 36 авторских ССФ этой

книги, а также сравнение двух способов их индексаций:  
в десятичной и смешанной форме.

## Витязь [6: 129]

Подумать! Наконец пришёл момент реальный,  
Чтоб вспомнилось о тех, кого воспела лира:  
О воцарённом мной Сонете Идеальном,  
О Енне, Буке, Море, Пушкине, Шекспире;

О множестве сонетов, как семьи народов,  
Без «сонетоидов», «калек» и без «уродов»,  
«Четырнадцатистрочников»... Не обзывая  
Их всех, а лишь на семь когорт распределяя,

Рождённых как от Идеала флуктуаций,  
Поэтов вдохновенья, их сердец реакций  
На боль и на любовь, антиномичность жизни,  
На радости дебюта, на печали тризны...

Сонет триадой «тезис – антитезис – синтез»  
Стоит веками как непобедимый витязь.

## Послесловие автора к 7 (9)-му изданию

*Никакую проблему нельзя решить  
на том же уровне, на котором она возникла.*

*Альберт Эйнштейн*

**Идея** книги с первоначальным названием «О СОНЕТНОЙ  
ФОРМЕ СТИХА» родилась 02.10.11 в процессе подготовки  
и издания романа-эпопеума «ЕННА» [17] (т. е. за два месяца



до его опубликования 01.12.2011), а именно – на базе его поэтической составляющей, которая включает стихотворения преимущественно английской сонетной формы, а также вошедшую в роман, хотя и написанную ранее «СОНЕТ-ПОЭМУ О СОНЕТЕ» [17: 536–548]. Поэма в 2012 году печаталась ещё дважды с расширением и стиховой части, и сопровождающей её постоянно углубляемой прозаической интерпретации аналитического характера [18: 748–760; 19: 61–76].

Дальнейшее развитие этого сонетного исследования сформировалось в монографию «СОНЕТ И СТИХОТВОРЕНИЕ В СОНЕТНОЙ ФОРМЕ» [4], увидевшую свет 18 октября 2012 года (этому предшествовало более ста её редакций и пятнадцать домашних компьютерных «изданий» в виде книги). Затем, после перерыва, продолжилась разработка темы – 2-е, дополненное, издание монографии (2-я редакция) появилось 02.11.2015 [5].

Следующее – 05.08.2016, под новым заголовком «ФЛУКТУАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ СОНЕТА» [6] (ибо только на этом этапе автор вдруг осознал, что им фактически создаётся теория), а дополненные и уточняющие 2, 3, 4, 5 и 6-е – «ФЛУКТУАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ СОНЕТА ▫ СОНЕТНЫЙ АТЛАС» – соответственно 10.06.2017; 29.01.2018; 12.02.2019, причём 28.07.2020 и 19.08.2021 ещё и с дополнением в заглавии как «...(Наставление по Сонету)...» [7–9; 9а и 9б]. Можно сказать, что ФТС «выросла» из «СОНЕТ-ПОЭМЫ О СОНЕТЕ» и романа «ЕННА». Сама же поэма множилась стихами, и полная сугубо поэтическая её версия (на то время) опубликована в 2015 г. [32].

Таким образом, основные положения и результаты Ф-теории Сонета были, шаг за шагом, сформированы и очерчены в течение десяти лет в этих восьми переизданиях (редакциях). Каждое издание – это определённый этап, который представлялся на тот момент окончательным. Но затем он переосмысливался, рождал новые идеи и побуждал



к дальнейшей разработке темы, то есть каждая последующая редакция развивала, углубляла и дополняла предыдущую, становилась всё убедительнее и доказательнее, но без этих печатных вех разработка теории не состоялась бы.

**Восемь** веков Сонет не знал стройной, строгой, научно обоснованной теории. Однако не так сложна сама теория – следует это отдельно подчеркнуть: она предлагает простую схему типологизации сонетных форм (всего лишь *семь* типов), – как чрезвычайно сложна классификация (!) в этих типах в ней, потому что непросто и многолик сам объект исследования в его «почти необозримом» множестве. Если бы он был прост, то и научная систематизация была бы простенькой и её давно бы придумали, а не использовали, так сказать, клиничко-патологические внешние признаки («безголовые», «хромые», «хвостатые» и т. п.) для «выделения», «различения» сонетных форм. Но в том-то и дело, что из-за сложности объекта и его бесчисленного многообразия к нему подступали «по частям», «по кусочкам», а собрать все «пазлы» в одну картину не удавалось, ибо для этого нужны были, как выяснилось, не только филологические знания.

«Задача науки не в том, чтобы утешать людей и тем самым вводить их в заблуждение, – пишет Л. Н. Гумилёв в “БИОГРАФИИ НАУЧНОЙ ТЕОРИИ...” – Учёный обязан отобразить картину реального мира, сколь бы сложной и даже горестной она ни была» [100: 215]. Это прямо относится к непростой части 3 данной работы.

Далее Гумилёв отмечает, что когда научное озарение охватывает сердце и мозг учёного пламенем постижения истины, тогда всё, что было до того погружено во тьму, вдруг проясняется и то, что было раньше перемешано и перепутано, упорядочивается. Но многие, даже друзья, огорчается он, предпочитают свои сложившиеся представления этой необходимости передумать заново.

Однако, как справедливо заметил И. Ф. Шиллер, «истина ничуть не страдает оттого, что кто-то её не признаёт».



«Он [учёный. – В. О.], – продолжает Гумилёв, – знает: надо заставить их думать, и когда это удаётся, когда пламя мысли передано другим, он обретает счастье... Поистине подлинное научное открытие, доведённое до людей, ради которых учёные живут и трудятся, – это способ самопогашения души и сердца» [там же: 216].

Считается, что новая теория проходит через три стадии: 1. После создания новую научную идею сначала игнорируют, замалчивают. 2. Когда это становится невозможным, ей противодействуют, стараются опровергнуть. 3. Если и это не получается, то её противники говорят, что в этом, собственно, нет ничего нового. Так «в процессе борьбы с истиной заблуждение само себя разоблачает» (К. Маркс).

**Как** известно, философ Иммануил Кант учил, что в любой науке столько истины, сколько в ней математики, а химик Д. И. Менделеев утверждал, что наука начинается там, где начинаются измерения. Действительно, как можно измерять расстояние без эталона длины, массу – без эталона массы, время – без эталона времени? И вообще как можно что-то измерять без эталона для этого измерения?!

Суть ФТС в том, что она вводит новое понятие «Идеальный Сонет» как *Эталон*, как краеугольный камень теории. Оказалось, что только путём установления, сотворения *Эталона* – образца, относительно которого можно, фигурально говоря, «измерять» отклонения (как *флуктуации*) всех остальных видов сонетных форм (канонических и неканонических), – удалось навести порядок, систематизировать, «разложить по полочкам» это «почти необозримое» мировое сонетное множество. «Порядок бережёт время и освобождает мысль» (Декарт).

Создание *Эталона* сразу поставило всё на свои места – всё стало просто и понятно. Исчезла неясная броуновская хаотичность, и мировое сонетное множество оказалось способным к упорядочению простой семитиповой типологизацией.

Вероятно, оттого и не было строгой, научно обоснованной теории Сонета, потому что не было *Эталона* с его



диалектическим критерием как центра, как точки отсчёта. Разработав Ф-теорию Сонета, автор, можно сказать, «поверил... алгеброй гармонию»: привлёк элементы математики, физики, своеобразных «измерений», изобретательства и поэзии для описания этого сложнейшего «комплекса проблем» (К. Герасимов) – Сонета, возникшего, по словам И. Бехера, «в среде учёных и юристов». В течение многих веков создавались, по его же словам, «разумно обоснованные, глубоко продуманные теории» в виде «различных *наставлений по сонету*». Однако, как оказывается, за всё это время построить *научно* обоснованную теорию Сонета, единую и строгую, исключительно на уровне филологических средств и методов, – не поднявшись над этим уровнем, что в данном случае означает: без выхода за пределы филологических категорий, без привлечения других знаний, – не удавалось, ибо «всё совершенное в своём роде должно выйти за пределы своего рода» (И. Гёте), и это только подтверждает мысль А. Эйнштейна (см. оба его изречения-эпиграфа) и свидетельствует о глубине, архисложности и всеохватности сонетного жанра.

«Чисто научная идея, даже правильная, – говорит Л. Н. Гумилёв, – должна – ...выкристаллизоваться в стройную логическую версию, не противоречащую ни одному из известных фактов» [100: 210], что наследует принципу Гельвеция: «Главным достоинством философского произведения является правдивость и глубина идей».

В основе *Флуктуационной теории Сонета* как филологической теории лежат три принципиальных постулата, взятых из трёх других областей знания: из математики – понятие «необходимость и достаточность», из физики – понятие «флуктуации», из техники (изобретательство) – методика международной классификации изобретений. Именно такой сплав, такое сочетание естественно-научного, технического и гуманитарно-поэтического подходов (собственные стихотворения автора в различных сонетных формах – пока их более девятисот девяноста) на базе *принципа симметрии* как



«принципа познания», а также имманентной Сонету внутренней диалектики (тезис – антитезис – синтез), – которая является «сердцем» ФТС: уберите диалектику – и вы убьёте Сонет, опять вернётесь к некорректным клиничко-патологическим «различениям» по внешнему виду! – позволили осуществить «подлинно научное изучение» жанра (К. Герасимов), разработать Ф-теорию Сонета с её Сонетным Атласом в виде *индексации* каждого отдельного стихотворения и применить теорию на практике, ибо «только взаимодействие искусства и науки в силах создать истинную культуру данной эпохи» (В. Брюсов). А вопрос взаимоотношения науки и поэзии был актуальным всегда, и особенно – в Серебряный век ввиду бурного развития науки в его время [14: 472; 15: 7].

У **внимательного** читателя может возникнуть вопрос: почему часть 2 открывают ИС, КР, КС и их определения, а не сразу *принцип симметрии*? – Потому что хронологически эти основные понятия были разработаны автором до знакомства с *принципом*, который затем только подтвердил правильность интуитивно найденного подхода к решению проблемы. Теперь оставалось лишь логически связать в систему *принцип симметрии*, Фл и Сонет.

Однако, взвалив на себя это непосильное бремя «объять необъятное» при такой неопределённости и необозримости сонетных форм, особенно с учётом разработки Сонетного Атласа, автор ощущал, насколько вся эта работа является сверхнапряжённым делом, так что иногда ему даже казалось, будто он горы мозгами сдвигает!

**В процессе** подготовки к презентации 21.10.2019 книги «ФТС=СА» 2019 года [9] на Пушкинской научной комиссии одесского Дома учёных автору почему-то вспомнилась песня «Незабудка» Дана Спэтару – молдавского певца, которого в своё время называли «советским Челентано»:

*«Незабудка, Незабудка, иногда одна минутка,  
Иногда одна минутка значит больше, чем года...»*





Действительно, что такое десяток лет создания теории по сравнению с более чем восемью веками жизни Сонета?

Мелодия несколько дней неотвязно звучала в голове, и вдруг оказалось, что синтагма «Ф-теория Сонета» прекрасно ложится на припев этой песни, – так родились следующие шуточные строки:

## 894. «Ф-теория сонета»

Никакой науки, как у всех поэтов,  
Но, на счастье физикам, это – не закон,  
Если бы сам автор не писал сонетов  
Да, к несчастью, физиком не был он притом.

Припев:

Ф-теория Сонета собрала идеи света  
И объяла промелькнувшие века.  
Ф-теория Сонета сердцем и умом воспета  
И блистает, словно яркая звезда.  
Ф-теория Сонета – «Наставленья по Сонету» –  
В его царстве путеводная звезда.  
Ф-теория Сонета озарила сумрак светом –  
Тем, который не погаснет никогда!

19.10.2019

Вот такие «физика» и «лирика».

**В сноске** на с. 133<sup>1</sup> подчёркнуто различие между понятием «Сонет» и термином «сонет», ибо некоторые сонетологи называют Сонетом всё, что, по сути, является всего лишь стихотворением в сонетной форме или просто сонетом. Действительно, если бы каждого, у кого есть хоть одна научная публикация, называть Гением, то это понятие просто девальвировалось бы. Настоящих Гениев – единицы, и на одного Гения приходится миллионы научных работников. Так же обстоит дело

---

<sup>1</sup> Речь идет о «Ф-теории Сонета» (см. с. 58, 133 и 148), страницы указываются по этому произведению.



и с Сонетом: на один Сонет приходится целые армии просто сонетов (или ССФ) и венков сонетов (фактически венков ССФ) в широком, *семитиповом*, смысле.

Таким образом, термин «сонет» с маленькой буквы надо понимать как ССФ в его *семитиповом* значении, а «Сонет» с большой – как подлинный Сонет, удовлетворяющий строгим требованиям, предъявляемым к Идеальному и Каноническому Сонетам.

Отсюда следует, как это уже говорилось в указанной сноске, что Ф-теория Сонета нисколько не покушается на право автора именовать своё произведение *сонетом* или *венком сонетов*. ФТС требует только правильного понимания того, что под этим термином «сонет» скрывается, а именно: принадлежность к *семитиповой* организации сонетных форм, находя тем самым компромисс между традиционным и новым пониманием лексемы «сонет».

Интересно отметить, что в построении самой книги из трёх частей можно усмотреть аллюзию на диалектическую триаду: соответственно «Обзор и анализ литературы...» – тезис; «Ф-теория Сонета» – антитезис; «Сонетный Атлас» – синтез.

Интересно также и то, что между работой И. Бехера (1957) и статьёй К. Герасимова (1985) прошло 28 лет, а между последней и монографией В. Осень (2012) – 27 лет. Вот ещё один пример удивительной симметрии!

Помимо прочего, в книге отмечены темы и даже целые направления для возможных дальнейших исследований на основе Ф-теории Сонета (см. с. 58, 133 и 148).

**Согласно** «Большому энциклопедическому словарю» (1997), «система наук условно делится на естественные, технические, гуманитарные и общественные науки».

Автор данной работы ещё в 2013 году в статье «К ВОПРОСУ О ЛИРИКЕ А. А. ФЕТА» [99: 64] высказал мнение, что образование любого специалиста для правильного восприятия,



достижения и отображения как внешнего мира, так и внутреннего мира человека не должно быть односторонним, альтернативным – например, или гуманитарным, или естественно-научным. У каждого представителя одной из четырёх наук, помимо узкоспециальных знаний, должны быть базовые сведения из остальных трёх наук. Верно говорят, что гуманитарное образование «содействует развитию самых драгоценных свойств человеческой природы – мысли и слова». Так же верно и то, что «в основу высшего технического образования должно быть положено полное образование классическое». Никого же не удивляют примеры, когда учёные-естественники становятся прозаиками, драматургами, поэтами, музыкантами, художниками и т. п., то есть помимо достижений в своей отрасли они добиваются успехов и в гуманитарной сфере. А много ли случаев, когда учёные-гуманитарии занялись исследованиями в области естественных или технических наук, результатом которых стала соответствующая научная публикация?

К слову, нечто похожее, но уже в самой литературе, тонко подметила Н. В. Сапрыгина: «Писатель, начинавший как поэт, может впоследствии стать прозаиком, а начинавший как прозаик или драматург не становится поэтом...» [101: 93].

Наблюдается парадокс – движение большей частью в одном направлении. Не говорит ли это в пользу того, что одностороннее образование «неполноценно» – и естественно-научное, и техническое, и гуманитарное, и т. д.? Вот почему «писатель... который хочет в своих стихах осмысливать современность, – должен стоять на уровне современного знания...» (В. Брюсов).

**Что** касается использования в книге аббревиатур, то из-за них, возможно, чтение поначалу кажется трудноватым – но к этому нужно просто привыкнуть. Ведь без сокращений один абзац может растянуться на страницу, а в таком большом массиве слов уследить за мыслью гораздо сложнее, чем



в малом. Именно ради компактности изложения и прибегнуто к сокращениям, которые дают возможность охватить всё одним взглядом: «Так легко целиком обозримы // Части, целое...» (см. «ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ», с. 28).

**Свой** вклад в создание теории помимо уже упомянутых работ также внесли:

– сонетная трилогия об уникальном трускавецком дереве-гиганте, красавце Плакучем Буке, влюбившем в себя автора и воскресившем в нём поэта [89–91];

– поэтическая диалогия об Одесском заливе, морском побережье и «Гидропарке “Лузановка”» – предмете длительного любовного наблюдения и восхищения поэта [84–85], – включающая и полный текст аналитического исследования о «ЛОРЕЛЕЙ» Г. Гейне, сокращённо опубликованный также и в [92];

– монография [75], сборники научно-исследовательских работ [93–95], статьи и доклады [11–15];

– поэтические книги [88; 96–98] и, конечно, творчество У. Шекспира и А. С. Пушкина с его влиянием на автора [60].

**А под** конец хочется воспользоваться словами М. Монтеня: «Пусть судят на основании того, что я заимствую у других, сумел ли я выбрать то, что повышает ценность моего изложения» теории [102].

**Настоящее** 7 (9)-е издание (9-я, окончательная, редакция) вносит небольшие уточнения в предыдущее – «ФЛУКТУАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ©ОНЕТА (Наставление по ©онету) □ ©ОНЕТНЫЙ АТЛАС» (2021 г.).

Ф. Петрарка с 1342 по 1374 г. (33 года!) осуществил девять редакций «Канцоньере», что «свидетельствует о неустанной, скрупулёзной работе Петрарки над “Канцоньере”», а «тяга к совершенству заставляла его возвращаться к написанному вновь и вновь» [52: 12, 10].

«Л. Н. Толстой говорил: “Надо навсегда отбросить мысль писать без поправки. Три, четыре раза – это ещё мало”.



Н. В. Гоголь советует неоднократно возвращаться к рукописи: переделывать, править и переписывать её “надо... по моему, восемь раз. Для иного и ещё больше. Я делаю восемь раз. Только после восьмой переписки, непременно собственной рукой, труд является вполне художнически законченным, достигает перла создания”» [цит. по 95: 49].

Серия из девяти упомянутых последовательных переизданий монографии по данной теме (с 2012 по 2022 г.) представляется как девять ступенек лестницы совершенствования теории: с каждым изданием добавляется «новая ступенька», лестница становится всё выше и выше, а «ступеньки» – всё отчётливее, устойчивее и надёжнее. Непростые теории о сложных вещах не рождаются доскональными сразу и только в процессе многолетней разработки и совершенствования приобретают свой окончательный вид.

## **884. Сонет – времён «связующая нить»**

Певец Лузановки и Бука, природной Красоты!  
В своих сонетах искренне их восславляешь ты,  
И днём, и ночью, в сумерках, и летом, и зимой  
Поёт стихи восторженный любовный голос твой.

В нём взрывы вдохновения, надежды и мечты,  
Он полон откровения от этой Красоты –  
Ведь то, чем жизнь насыщена, и доблесть, и порок,  
Спрессовано в мгновения четырнадцати строк.

В них поиск мыслеобразов, достойных Красоты,  
И свыше одарение и радость новизны,



Открывшие, как молнии путь озаривший свет,  
Научную теорию, чего не знал Сонет.

Вот так цепочка тянется от Джакомо ЛЕНТИНИ  
Через веков столетия до ОСЕНЬ Валентина.

05.04.2019

---

## Приложения

---

### Пр. 5. заключительные сонеты

#### 925. Труд

*Миг вождеденный настал: окончен  
мой труд многолетний.  
А. С. Пушкин*

Миг вождеденный настал: труд завершён многолетний.  
Что же – теперь рассказать смог бы, открывшись, о том,  
Как по ночам я не спал, мучаясь целью заветной,  
Как воздвигал этот храм, ставший сонетным замком.

Как мне казалось порой, горы мозгами сдвигаю!  
И флуктуаций закон, и симметрий познал,  
Что для теорий больших принципом главным сверкает –  
В упряжь с Сонетом впрягал, красною нитью вязал.

В чём же суть дела?.. Во мне – в физике по обученью –  
Жил неоткрытый поэт больше полвека. И в миг



В горной святой тишине стал как поэт по рождению:  
С физиком ладит вполне – он вдохновляет на стих.

Целостен внутренний мир – нет раздвоения сознания.  
И самобытность творит, не согласуясь с признанием.

17.04.2020

## 954. Перл создания

Петрарка «Канцоньере» долго правил –  
Редакций девять создала его рука.  
И этим треть столетия прославил,  
Когда писал шедевры на века.

Что править три-четыре раза – мало,  
И Лев Толстой напутствовал в свой час.  
А Гоголь, чтоб достигнуть идеала,  
Настаивал: суммарно – восемь раз.

И так же Ф-теория Сонета  
Потребовала целых десять лет,  
Затраченных создателем на это, –  
Переизданий восемь<sup>2</sup> вышло в свет.

Так, совершенным чтоб труду явиться,  
Он восемь-девять раз обязан обновиться.

20.03.2021

---

<sup>2</sup>С настоящей публикацией – уже девять.



## 899. Алмаз

Жизнь наша, в сущности, – мгновенье,  
Как будто промелькнувший год:  
Весна и лето – то цветенье,  
А осень в зиму – то исход.

Жизнь наша что стихотворенье –  
Короткое иль в целый том,  
Но суть не в том произведенья,  
А в том, что выражено в нём:

Живые мысли, чувств биенья,  
Чтоб каждый стать богаче мог,  
Иль тривиальные сужденья  
И словоблудия поток.

Обширен пусторудный бред:  
Алмаз в нём – подлинный Сонет.

16.11.2019

## 908. Властитель

Создания, подобные Сонету,  
Являются сынов всемирных плодом;  
Вот почему особой связи нету  
Как жанра – со средой или с народом.

Сонет считается венцом, Олимпом  
Поэзии. И человеком чтится,  
Им славится, ну разве – не под нимбом,  
И столь же вдохновенно им гордится.





Четыре жёсткие строфы-подруги,  
Две пары будто бы колёс кареты,  
Которым мочи нет догнать друг друга,  
Но вместе – целое, как у Сонета.

И хоть Сонет владетель формы строгой,  
Немного слов его нам говорит о многом.

03.01.2020

*Сонетописание – что половодье...*  
**Л. Васильченко**

## 934. Бриллиант

«Сонетописание» – не «половодье»!  
Не льются стихи, как речная вода.  
Сонет настоящий – вне сфер новомодья:  
Он форму свою утвердил навсегда.

«Сонетописанье» – звучит легковесно.  
Сонет *создаётся* – в нём творчества всплеск –  
Игрой вдохновенья и мыслей непресных,  
Поэзии мира немеркнувший блеск.

«Сонетописание» как «половодье»?  
Скорее всего, то – словесный поток,  
Собой заполняющий мыслей разбродье  
Харизмой банальных и вычурных строк.

Сонет настоящий – хоть мал, но гигант,  
Как редкий, большой, драгоценный брильянт.

23.12.2020



## 967. Сонет в честь 6 (8)-го издания ФТС

И наконец окончен веский труд –  
Сонетной Ф-теории владетель –  
Научно обоснованный статут,  
Вобравший мысли, поиски столетий.

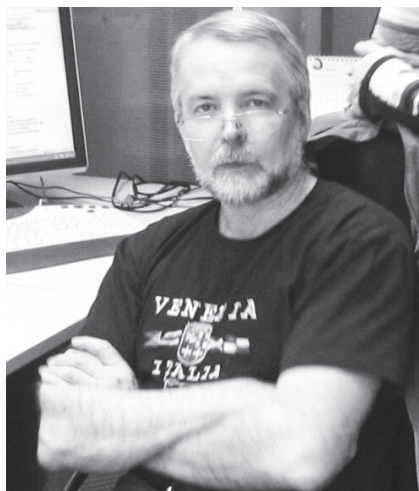
И как ни ненавидеть естество,  
Как ни замалчивать ума творенье,  
Оно поёт Сонета волшебство,  
Его величие и благовенье.

Хоть подлинный Сонет – не царь, не бог,  
Но уникален по своей природе,  
И стать отцом он миллионов смог  
Стихов в сонетной форме – чадородий,

Что создан мыслью, формой, содержанием,  
Дающие бессмертное признание.

13.08.2021

## Чен Джун



Автор считает, что его литературную биографию писать очень удобно: в этой сфере у него нет никаких наград, – а об архитектурной деятельности докладывать здесь неуместно.

В возрасте школьном и студенческом, «как и многие», писал «дневники»: быт и непереносимые шуры-муры. Уже будучи архитектором, баловался стихами (Дм. Пригов отдыхает). В годы эдак за 50 (это 2004–2005 годы) подобрался к журналам: «Мистер Твистер», «Дом» – и вёл там архитектурные рубрики.

В 2008 году начал писать знаменитый свой («звезда в своём болоте») роман «Фуй-Шуй». Закончил его месяцев за восемь-девять. В том же году «зачал» роман «ЖУИ, или Живые украшения интерьера» – 500 страниц, первую версию закончил в 2009 году. «Фуй-Шуй», роман-квадро (2013, изд. «Ю-Арт», Кемерово).

Серия «DUализмус» (рассказы, повести, фрагменты, брешьоны); «Чокнутые детки», хроники-пазлы (2017); серия



«Собиратель Полуэктов»: «Изборник перлов. Оттенки мужского», «Изборник перлов. Оттенки розового» (2019); «Варочная 41А. Пазлы», под псевд. Аллигатор Полуэктов, сборник избранных произведений (2020), книга – участник ММКЯ-2020; «Покусы вояжера Егогыча», под псевд. Аллигатор Полуэктов, сборник тревелеров (2020); «Волонтёрам» (2021); «А5. Парыж и дыр», сборник избранного (2021); Textaurus. Том 1 (2013–2017) и Textaurus. Том 2 (2018–2021); Сборники советов по профилактике искренней графомании (2021); «Орки в Париже», сборник перфектусов в жанре тревелер (2022); «Шванкусы. Французькия, брульонные и перфектусы», фолиант (2023); «Брульоны и перфектусы», сборник (2023); «Шванклеры и перфектусы», сборник (2023) – всё в издательстве Ridero.

## 60 пилюль от звездатости

*(фрагмент книги)*

*В соавторы данного лечебного средства активно баллотировался некто Дохтур Букофф.*

*Если бы он действительно писал эту книгу, то хотя бы было ясно, что речь в ней идёт о сочинительстве, писателях, графоманах – словом, об этой части литературы.*

*Но когда в авторах фигурирует какой-то Чен Джун подозрительно европейского вида, то не знаем даже, что и подумать.*

### 1. Графомания по-моему

Термин «графомания» в моём личном понимании кроме общепринятого негатива имеет также и положительный оттенок. Объяснений своей позиции не привожу. Как-нибудь в следующую встречу.

Приветствую школьную и детскую так называемую якобы «преждевременную графоманию»!

Вот именно, что «якобы». Ничего тут преждевременного нет. Ребёнок пробует себя, ищет, вот и «кидается» в любую сферу деятельности...

*//Рой Рябинкин вот любил по-простонародному (когда ещё не был учителем графоманов и «знатоком» фольклора), «в детстве кидаться в лохань». Так почему бы моему ребёнку в таком случае не кинуться в «сферу»? Она же не из стекла сделана и не из небосвода, верно? И не вонючая она лохань, и не купелька, и не омут, в какие советует кидаться Рой, а сделана моя сфера из абстракции. Так что – кидайся, ребёнок, в абстрактную сферу на здоровье. И никакой умник Рой нам не помеха.//*

...Найдёт ребёнок себя, будет ему интересно, вот и отлично!

Не раскроется в детстве, и это не беда. Человек – это мир, это живая вселенная, это «самосовершенствующееся растение» или «живой механизм», если угодно, которому многое что под силу.

Но за развивающийся ум человеку надо платить. Цена за эту небывало тонкую, но инфоёмкую энергию – короткая, как вспышка, жизнь.

Однако в человеке достаточно места и времени для творческого взлёта. А падение его в бездну пусть будет памятным и славным.

## 2. Талант

Даже «незавершённые», но яркие дела отцов (дела в процессе) передаются по наследству детям от родителей именно как опыт, а не как генетическое изменение в ДНК-коде,



заданном при рождении. Ибо ребёнок зачат ещё до того, как отец обнаружил и развил какие-либо новые и персональные отличительные способности, не наблюдаемые у родителей отца.

Таким образом, если говорить о «генетически переданном таланте», то, следуя обыкновенной логике, рассуждать тут можно лишь о предках ребёнка через одно поколение и далее назад – вглубь поколений.

Это сказано между делом, но по существу. Ибо детям (в части врождённого таланта) чаще всего приписывается прямая наследственность отцов. А это не так.

А вот окружающая среда, то есть: творческая и нравственная, доброжелательная атмосфера в семье, манера вести беседы между взрослыми и суть разговоров, возможность доступа к отцовским и материнским инструментам, имеющим отношение к творчеству, в раннем возрасте (а далее к этому плюсятся особенности школы), ненавязчивое или прямое подталкивание ребёнка в направлении творческого развития и так далее – создаёт ту самую благодатную среду, в которой мгновенно вырастают (но долготрудно шлифуются) таланты.

Это касается и писательской области деятельности. И сказано именно в этой связи, а не абстрактно.

Но и дети без особой какой-то творческой родословной имеют достаточно совершенный, гибкий, приспособляющийся к внешней среде и к собственному телу, включая мозг, уникальный механизм для самосовершенствования.

Из каждого ребёнка, если он умственно не болен, со временем может вырасти (неожиданно для окружающих) человек с будто бы невероятными способностями.

Такого человека тоже назовут талантливым, хотя среди его родителей и предков никакой такой особенной генетики не наблюдалось и талантом они не блистали. Ребёнок из

самой-пресамой глуши, где слова «талант» даже не слыхивали, вдруг попавший в творческую среду, обнаруживает невиданные способности. И его назовут «талантом».

Обыкновенный человек под занавес жизни иной раз вдруг обнаруживает такое, что его иначе как «самородком» не назовёшь. Скрытый ли это генетический талант или нечто такое, что зреет внутри человека в течение его жизни, – кто его знает. Такой феномен не проверишь. Его можно зафиксировать и при помощи распросов определить: «что это такое», «откуда оно могло взяться», «что повлияло на рождение феномена».

\* \* \*

Итак, по моему мнению, талант – это качество не врождённое, а именно замеченное и поддержанное родителями («окружающей средой») обыкновенное свойство человеческого организма, вероятно (у так называемых талантливых детей), со всеми имеющимися, но повышенными видами чувствительности и рефлексивности.

А далее, для того чтобы «талант проявился», необходим труд, пусть даже сначала игровой труд.

Ещё далее требуется закрепление «таланта».

Это уже труд настоящий. Фокус в том, что с развитием мастерства и получением с каждым выходом в свет положительного или блистательного результата «тяжёлый детский труд» (например, у спортсменов, фигуристов) превращается в источник удовольствия. Сам процесс приносит небывалые положительные эмоции.

Такого ребёнка, у которого С ВИДУ «получается значительно лучше, чем у других», не кривя душой окрестят талантом. На самом деле за талантом скрывается невероятный труд,



труд и труд, напрямую связанный с положительными эмоциями и требовательностью опекунов, тренеров и так далее.

Таким образом, термин «талант», закреплённый в справочниках как врождённая и повышенная способность к творчеству, на мой взгляд, нуждается в уточнении.

*//И тут меня Рой Рябинкин снова собирался «опустить», да я не поддался. Словарная расшифровка «таланта» устарела, отстала от социологических данных и данных по биофизике организма.*

*При всём уважении к В. Далю: «Талант, – говорю я, – исдохнет, извиняюсь за скудность речевого аппарата, если его заметить, но не развивать или развивать, но лениво.*

*Талант даже не проявит себя толком, если им заниматься по-мюнхгаузенски: то есть бахвалясь, играючи и запросто вытаскивая себя из болота за волосы».*

*Зачатки таланта надо «вычислить», а далее заниматься им конкретно и плотно, с учителями, опекунами и – по мере взросления и осознания себя как личности – можно этим заниматься самостоятельно.//*

Великие писатели по понятным причинам «стесняются» в этом (в трудолюбии) признаться.

Большинство их как бы не замечают упорного труда (причём не замечают искренне), приписывая все свои удаchi некоему генетическому таланту, равному лёгкости постижения, восприятия, образной передаче увиденного и измышлённого, якобы данному ему при рождении родителями и предками. Ему потакают фанаты его творчества.

А жаль, честное признание реального факта ТРУДА, пусть для кого-то менее «напряжного», чем для других соискантов, настроило бы начинающих сочинителей на рабочий лад.



### 3. Вкус

Литературный вкус вырабатывается чтением достойных книг, прежде всего проверенных временем.

### 4. Смысл и бессмыслица

Даже, казалось бы, «бесмысленное» сочинение имеет право на существование.

Искушённый читатель найдёт смысл даже там, где автор и не предполагал.

### 5. Жёваное-пережёванное

Оставьте читателю шанс на творческое домысливание. Так он станет сочувствующим вам товарищем, а не членом ясельного коллектива с со́сками во ртах.

Лучше не сказать вообще, чем намолоть лишнего! Это сократит вашу книгу ровно в три раза. Оставьте в книге только соль.

Второй вариант – намолоть столько соли, что количество соли само по себе и будет являться главным смыслом.

Только соль в таком случае должна быть мелко помолотой и со вкусовыми добавками.

Неперевариваемые и нерастворяемые куски ползут в глотку либо чрезвычайно редкой «корове» (извините за нелепость сравнения... я позже, может быть, найду другое... они обожают кусковую соль), либо чрезвычайно квалифицированной читательнице, которая, являясь человеком, в таком количестве соли не ест... Но всё равно будет вылизывать... Преимущественно специи. Из обыкновенной соли: они же грамотные! И радоваться новизне ощущений. Такие вот...



Такие вот читательницы в обычные столовые не ходят.

Извините, извините, извините. Ну не писатель я, а графоман.

И я предупреждал. Кажется. На самом деле не помню.

## 6. Поэзия прозы

*Лена Элтанг написала довольно толстенькую прозаическую книгу в такой удивительно поэтической манере, что ею будут зачитываться до конца света. При этом содержания не запомнят, а вкус слова и, отсюда, весь медовый, добрый, женственный, «эльфийный» аромат произведения навсегда останется в подсознании.*

Можно сказать, возможно, несколько преувеличивая, что красота её слога, поэтика и романтика без всяких рифм, естественно, задавила всё остальное в литературном произведении, чего требует специфика этого рода деятельности: и смысл, и мораль, и чёткую классическую структуру, – хотя всё это в книге успешно реализовано. И образы героев там есть, и все восемь принципов Найджела Вотса имеются, что, кажется, уже воспринято всем писательским миром и взято им на вооружение.

## 7. Депрессия

Литературная депрессия – это не «конец поросёнкам», как говаривал Порфирий Сергеич Бим-Нетонисётов в романе «ЧоЧоЧо» от Пола Эктофа.

Это всего лишь сигнал для качественных перемен в благородном деле общения себя с миром: через книгу.

Есть сотня средств для преодоления такого состояния. Я же приведу лишь одно (зато ноу-хау), которое придумал сам

и воспользовался им как-то раз. Притом весьма успешно. Вот оно, моё патентованное средство:

*//Если у вас «не катит», переведите ваш текст на английский язык с помощью механического онлайн-переводчика. Посмейтесь, а потом переведите английский вариант на... к примеру, на украинский, или на литовский, или французский.*

*Посмейтесь ещё раз: над полной бессмыслицей. Последний вариант переведите сами уже на русский. Это будет основой вашего шедевра. Но ещё не шедевром, а покамест камертным для него. Не думаю, что вы смогли бы вот так незатратно, практически играючи написать лучше и оригинальней, чем через баловство.*

*Короче, господа Финтиклюшкины: радуйтесь, что вы не зациклены на писательстве. А можете так вот запросто, как бы между делом творить небывалое прежде!//*

## 8. Самокритика

О самокритике. Для начала отнеситесь к вашему личному творчеству как к проискам бездарных конкурентов. Лучшей формы критики на себя вы не найдёте.

Если вы пишете ни на кого не похоже, то считайте это вашим главным достижением.

Не вздумайте писать «похоже» на кого-то!

## 9. План-замысел

Если вы пишете большое произведение без плана, без замысла, «под озарение», но имея НЕЧТО, пока что бесформенное, в голове, то, безусловно, вы напишете нечто невероятное. И даже найдётся подходящий стиль, например «поток сознания».

Который уже всем плешь проел. Ибо поток сознания вовсе не панацея, гарантирующая шедевр, а всего лишь одна из форм общения читателя с писателем, погружение читателя в голову и психику писателя, то есть погружение читателя в мыслительную среду (героя), способ познания и изображения мира писателем через речь героя или собственную речь.

Потоку сознания, если вы не полный сумасшедший, придётся придать ФОРМУ. Обыкновенную литературную форму, где будет огранка, где будет разбиение на главы, где вам придётся определить в потоке сознания структурность.

Для того чтобы быть понятым читателем, вам придётся выудить смысл (рыбок) в вашем потоке и, увы, упорядочить ваше произведение (направить рыбок куда следует).

Но на это уйдёт больше времени: вы просто сядете не в тот транспорт (не по вашему маршруту, а на авось, может быть, даже в обратном направлении).

Соответственно, вам придётся повиниться перед читателем и собой: за безрассудность, за неподготовленный эксперимент.

Назад же вам придётся возвращаться пешком, побитому, ободранному, без копейки денег, ещё и придумать кучу извинений с оправданиями перед супругой и любовницей.

## **10. Достаточно иметь набросочный план**

Если вы пишете план (повести, романа), то составьте только набросок.

Это как путешествие с умеренными приключениями: вам нужно знать только конечную цель.

До цели же можно добираться тысячами дорог. Нужный вариант подвернётся сам собой.

Не надо от этого страдать: ваше внутреннее эго знает вас лучше, чем любая механическая логика.

## 11. Сухая логика

Исключите по возможности логику! Отбросьте калькулятор и формулы успеха. Будьте похожим на человека, а не на писателя. Ошибайтесь интересно, как в жизни. Поступайте эмоционально. Тогда вам поверят и, глядишь, полюбят.

## 12. Штампы и авторитеты

Забудьте штампы.

Наплюйте на тех литературных авторитетов, кто заведомо пишет (якобы) лучше вас.

**Забудьте вообще об авторитетах. Сверитесь с ними после. Это уже при вручении вам Нобелевской премии...**

По дороге отвлекайтесь на мелочи, философствуйте, дурите, куражьтесь над коллегами, особенно над классиками, лучше над самыми известными. Они же не смогут вызвать вас на дуэль или тем более найти, чтобы бескультурно плюнуть в наглую морду вашего лица.

И порассуждайте-ка над тем, что бы они могли вам гипотетически ответить. Уж ясно всяко, что не предложат вам выпить «мировую» в ближайшем кабаке!

## 13. Обязательность глупостей

*Не забывайте про обязательность глупостей (чтобы не выглядеть идеалом. Кто же вас такого симметричного, да ещё и с кубиками на животе, полюбит?)*

Но имейте меру! И заведите под рабочим столом тормозную педаль!

Пользуйтесь этой педалью не часто и не редко, а тогда, когда посчитаете, что чересчур уж правильно – до безобразия, как манекен из целлулоида – выглядите.



## 14. Не будьте скупым счетоводом

Не бойтесь написать лишка, жалеючи свой труд. Поверьте: выбросить лишнее никогда не поздно.

*Найдите кайф в процессе выбрасывания. Это всё равно что обновить интерьер, сменив дома мебель, причём не затрачиваясь на её покупку.*

## 15. Первая фраза

Прежде чем начать писать длинную повесть или роман, придумайте первую фразу.

Это чрезвычайно важно.

Пусть в ней поначалу обнаружится и пропишется темп вашей музыки, такты обозначите позже.

Не бойтесь потратить на поиск темпа целый месяц. Пусть будет двести вариантов. Не считайте себя заранее бездарем.

Всё это старание окупится! Найдёте толковую фразу, а дальше покатит как по маслу!

Пока обдумываете эту первую фразу, вы на самом деле уже начали писать в уме. Вернее, подсознание ваше пишет за вас, механического человека, который думает, что мозг и заученные формулы успеха (выдуманные другими) выше подсознания.

Таким образом, с изумлением для себя, вы уже сочините половину.

Запишите ваши мысли. Вторая половина будет писаться сложнее, так как кое-что вы уже подзабыли.

Кроме того, вас снова будет штормить и кидать из стороны в сторону.

Найдите на горизонте какую-нибудь гавань, маяк (если до этого плыли).

Или отель альпиниста, хижину дяди Тома, костёр путника с ущицей в котелке. И бегом (если шли пешком) или брассом, на вёслах, подняв паруса (если до этого плыли) туда.

Всё! Большой Перекур. Болванка книги написана.

Отдохните. Отбросьте книгу в сторону. Займитесь любовью, что ли! Сколько можно заниматься одним и тем же?!

Особенность: шлифовать фразы надо не после (когда-нибудь), а сразу брать посильный вам максимум. Но не надорвитесь, переоценивая себя.

Не нужно писать китч! Бойтесь пышности, велеречивости, многословия. избыточности!

Старайтесь быть ярким и точным! Сможете так написать? Тогда ждите в гости Чехова. Он желает пожать вам руку.

Попробуйте написать музыку, а после отшлифовать её: ничего толкового из этого не выйдет.

А книга – это музыка своего рода. Шлифовать надо готовое произведение, а не грубую болванку. Иначе получится просто блескучая болванка... из тяжёлого металла. Таковую и на ёлку не водрузить! Рухнет ёлка.

Попробуйте петь свою новую песню дома, не в полный голос, боясь разбудить соседей и потревожить звуком больную бабушку, и с этакой тренировкой выйти на большую сцену. Вы не просто провалитесь, а провалитесь с треском!

Так и в литературе: пишите в полный литературный голос! Не бойтесь «орать», «терзать связки» и нещадно править.

Ищите нюансы, трели, паузы.

Всё на получение достойного РЕЗУЛЬТАТА!

## 16. Не спешите с публикациями в Сети

Не стоит выдавать эрзацы на публику! Публика не станет прощать ваши ссылки на нехватку времени, на слова типа «извините, это пока эскиз». Это же не мемуары, когда надо успеть, ибо и якобы вы завтра должны будете отправиться на кладбище.

Не давайте себе спуска. Пишите не так, словно вам предстоит написать когда-нибудь кучу шедевров, а пока и так



сойдёт. А пишете ВСЕГДА так, будто это ваш ПОСЛЕДНИЙ (!) шедевр.

А после, не суетясь, втихаря, напишите что-нибудь ещё. И снова поступайте точно так же! Не обеднеете!

Мозги от бешеного ритма крепчают.

«Пестуйте детали, божественные детали» – кто это сказал?

Правильно, не я. Это сказал Набоков. Уж ему-то можно поверить. Ведь он едва ли не лучший стилист среди писателей двадцатого века, признанный ими всеми.

\* \* \*

Вот хороший практический совет: отрывки текста (от одного предложения до страниц десяти-пятнадцати или даже целую главу) попробуйте написать (набрать на клавиатуре) как бы вслепую, как бы на слух, то есть с отключённым монитором, глядя только в клавиатуру. Так вы тайным путём войдёте в свой мозг (Я не предлагаю метод проктолога!)

Зрительная память тут вам ни к чему. В мониторе вы увидите всего лишь буквы, которые на самом деле являются ничего не значащими закорючками.

Ловите образы в голове. Там расставляйте всевозможные сети. Ловите мысли и запахи, воспоминания и случайно пролетающие реплики.

Мозг живёт своей тайной жизнью. Скорость работы у него повыше вашей, якобы сознательной, вооружённой теориями, которые написали не вы сами. Стоит ли полагаться на них?

Слушайте себя изнутри.

Прочтёте тогда, когда на вас вдруг снизойдёт благородный тупик.

Наслаждайтесь этим тупиком.

Выпейте коньячку, как обыкновенный интеллигент, запейте супериором. Завтра сообразите, что почём, и поправите! Утро вечера... и так далее...



Не торопитесь.

Попребывайте в полной уверенности, что главное дело сделано.

Поправите завтра.

Можете послезавтра.

Можете после обеда, через месяц, после отпуска, после дождика в четверг.

Как бы свежим взглядом. Поняли меня? И снова за работу!

Обратите внимание: вас никто не гонит – вы же не закон сочиняете, который завтра на проверку в Думу. Даже в Госдуме несколько читок и сотни правок!

А вы-то куда с заспанной харей мчите? Бухнули ночью? В какой калашный ряд? Что собираетесь там купить раньше всех? Опохмелиться желаете? Ну-ну...

## 17. Чтение своих текстов вслух

Прочтите ваш новый отрывок вслух.

Запишите его в звуковом формате.

Чисто для любопытства исправьте ваш (мерзкий, надоевший, тонкий, скрипучий) голос на чужой.

Для этого есть много полезных функций. Например, можно поменять тембр с мужского на женский и так далее.

Есть функции так называемого «окружения».

То есть вы можете поместить авторский голос туда, где происходит действие с вашим героем.

Если вы убиваете в подземном переходе, то так и назначьте.

Если насильничаете под водой даму, а сами в акваланге и с кислородным баллоном, а дама только в маске с трубочкой и трусы кстати спадают, то «включите» ванную комнату.

Словом, и так далее.

Поменьше реалистичной жёсткости.

Побольше смеха.



Пусть убиваемая посмеётся с вами вместе: что ей ещё остаётся делать.

Она же героиня книжная, а не настоящая. Тем более дама.

У неё будут другие роли, а у вас – только одна: вы – писатель-неудачник.

Где вы найдёте настоящую жертву? А она вам ещё и поможет.

Расскажите ей под водой, как вы докатились до такой жизни, что вам и убивать-то не хочется, а приходится.

А она возьми да и подскажи.

Придушите героиню, но не до смерти, а чтобы лишь помалкивала о ваших несчастьях.

Она вас зауважает, глядишь, и полюбит.

## 18. Шутите с героями

Шутите с вашими героями, тем более что не такие уж они и герои: а вы им диктатор и погонщик, начальник гарема и прокурор.

Они полностью зависят от вашего настроения.

## 19. Кровавые сцены

После глав 17 и 18 сама собой напрашивается мысль: поговорить о «жесткаче» в вашей книге.

Советов тут немного. Но они практичные: «Поменьше, господа писатели и графоманы, кровавых до гиперреалистичности сцен!»

Хоррор в наичернейших, гниlostных тонах, виселицы, костры инквизиции, пытки людей, отпиливание голов, мордобой, неоправданное насилие, издевательство над животными

и многое другое – это не ваша стезя, это не весело, это не «чёрный юмор» – это ваше испорченное нутро.

Лавкрафт со Стивеном Кингом уже всё сделали до вас.

И мир увидел: ЭТО НЕХОРОШО. ЭТО МЕРЗКО. ЭТО «ИГРА» писателей, сценаристов, режиссёров, неприятных, опустившихся художников НА НИЗМЕННЫХ ЧУВСТВАХ ОБЫВАТЕЛЯ.

Не превращайтесь в этих указанных лиц – в этом смысле. Так как кроме кровищи у названных писателей масса нормальных сюжетов и письма, заслуживающего внимания.

Иначе у вас в настоящей полиции выудят всю правду. Да так талантливо всё распишут, что вы сами в это поверите, хотя у них в КПЗ, в застенках, в следственном изоляторе нет ни одного графомана, который смог бы сравниться с вами по силе словесного убеждения. Не рискуйте. А также подумайте о человеческой морали, если для вас Бог не авторитет или вы вообще уверены в его отсутствии.

## 20. Эксперименты со звуком

Экспериментируйте со звуком – и вам явятся как на подносе с каёмочкой дополнительные краски для текста.

Озвученный текст должен «завораживать»!

**В озвученном тексте прекрасно откроются нелепости, длинноты и знаки препинания.**

## 21. Судите себя «со стороны»

Судите себя как бы со стороны самым строжайшим образом.

Так вы быстрее станете писателем. Это просто очередной совет.

А на самом деле у каждого существует своя манера письма.



## **22. Пишите весело, не вымучивайте из себя тексты**

Не страдайте почём зря. Не стоит писательство вашего душевного здоровья. Придумайте развлечение. И это необязательно стрельба по воробьям из рогатки или лепка снежных шариков сидя в морозилке.

Ежели вам страшно отойти от своей писанины, то попробуйте, балуясь, воспользоваться, например, современными техническими возможностями – их полно. Сами знаете, поди.

А потом бросьте это дело. Главное – не грустить по пустякам.

Тем более НИКАКИХ СУИЦИДОВ: вот ещё, что за глупости!

Оправдываюсь за воробьёв и за технические возможности холодильников, компьютеров и айфонов. А может, это и не шутка была. Размышляйте, размышляйте: такого рода невинные фокусы вас серьёзно развеселят.

И вам захочется писать лучше, причём любым способом... лишь бы поменьше советовали! А вот это – уже тема для беседы...

## **23. Доброжелатели, подхалимы, критики, родственники**

Да к чёртовой матери некоторых советчиков! Фильтруйте их, попробуйте определить степень их искренности, подхалимажа и их собственные успехи в писательстве.

Некоторые «советчики»... нет, большинство «добрых советчиков» являются на самом деле агентами под прикрытием, также агентами-инструментами, агентами-искусителями,

даже не осознавая того, что их умами и языком давно манипулирует дьявол.

Особенно не слушайте мам, пап, жену, любовницу, лучшего товарища, добрую критику и государство.

Особенно бойтесь доброй критики.

Не верьте любезникам. Вас должны только ругать!

Разозлите кого-нибудь: только завистники с обиженными лицами вам скажут правду!

А вы пишите себе и пишете втихаря. Не говорите никому лишнему, что вы пишете книгу!

\* \* \*

Ежели человек, который вам не совсем коллега, совсем не товарищ, а просто вы с ним соприкасались долгое время, топчась одну территорию, и он даже пробежался однажды по вашей первой книжке, сблевал, но промолчал, а потом вдруг (не из-за вашей литературы) исчезнет из поля вашего зрения... И вдруг через несколько лет при случайной встрече он на бегу после формального приветствия скажет, что пишете вы на букву «ха» и всегда так писали, то не бейте ему сразу морду.

И не пытайтесь оправдаться, что вы, мол, пишете теперь совсем по-другому.

Скажите ему «спасибо, дорогой» и «прощевай, дорогой».

Но не пытайтесь втюхать ему адрес вашей новой и распрекрасной прозы. Он всё равно – сука подзаборная. НАВСЕГДА!

Он сука лишь только оттого, что выказал презрение к вашей прозе лишь через много лет, а не тогда, когда вам эти правдивые слова были нужны больше всего: то есть именно в тот момент, когда он эту букву «ха» в вашей прозе обнаружил.

А на предмет, что ваша древняя проза и была буквой «ха», можете даже не сомневаться.



Ваш полуколлега, ваш тайный наблюдатель тогда просто струсил. А теперь тупо завидует. Ибо ваши успехи теперь очевидны, а ваши тексты у знатоков считаются то модными, то оригинальными. А вам вся эта похвальба кажется «лампочной»: вы и сами видите разницу прошлых текстов и настоящих; и большего одобрения, чем реальная оценка самого себя, когда вы научились на минуточку превращаться в жёсткого критика самого себя, вам и не нужно.

## **24. Играйте с собой, не принимайте книгописание всерьёз**

Обманите себя, если можете. Представьте, что это вовсе не вы пишете, а какой-то левый чувак под вашим псевдонимом, а вы всего лишь ему подсказываете сюжетец.

Возненавидьте его по полной. Пожелайте ему споткнуться. А вы-то (зная свою тайну) уж точно не споткнётесь. Сделайте так, если хотите достичь совершенства!

Но никто не хочет такого трудного совершенства. Да что же это такое?! А как же рыбка, которая из пруда?

По моим подсчётам: только один человек на сто миллионов готов пожертвовать благополучной жизнью ради одного (в своей бестолковой жизни) шедевра. Такова статистика. Таков удел настоящих гениев.

## **25. Сам в качестве героя**

Не вздумайте списывать с себя и строить из себя героя всегда и во всём.

А если начали, то имейте физический и умственный недостаток. Если их нет, то придумайте их!

Возведите собственные и выдуманные глупости в ранг достоинств.

Это прекрасно впишется в иронический жанр (поджанр «самоирония»), но самое главное – сблизит вас с человечеством.

## 26. Писательские грабли

Не запрещено наступать на грабли. Ну не видел я такого в законодательствах.

Грабли – весьма полезительная штука.

Пусть они вас тукнут парочку раз, но не до смерти.

Вы ещё пригодитесь – в качестве антипода, антиобразца, истинного маньяка графоманописания – тем читающим вас коллегам, кто уверен, что сами-то они не наступали на грабли ни разу и что они-то – не в пример вам – пишут одни только шедевры, а если ещё не написали ни строчки, то им просто некогда, а не оттого что они не могут написать в три тысячи раз лучше вас.

Каждый из этих задавал может:

- строить дома лучше архитекторов;
- писать картины лучше мазилок-художников;
- соображать в медицине и кулинарии;
- они точно знают, что Бог есть (Бога нет);
- им не нужна астрономия, потому что им хватает астрологии и сушёных лягушек;
- они знают, что Блаватская – это физкультурница из цирка, а книги за неё написали Лион Фейхтвангер, Артур Конан Дойл и немножко Ньютон;
- что Джеймс Джойс – это фокусник, а Копперфильд вывел родинку с лица Марии Шараповой ещё в детстве.



## 27. Пишите всегда! На коленке, в уме, в постели

Пишите всегда, даже с бодуна.

Пишите, если даже не пишется.

Если вы пишете на компьютере, то сохраняйте ранние копии.

Вкус и беглость приходят в процессе творения.

Вы сами удивитесь, когда из вас запросто, без напряжения будут вылетать нужные строки, которые и править-то не придётся. Это и есть то самое состояние настоящего творчества, в которое нужно стараться попасть.

Носите с собой блокнот для записывания мыслей. Так делают даже художники.

Лучше блокнот и грифельный карандаш, нежели ноутбук, планшет, айфон. Блокнот с карандашом – это ЖИВЫЕ существа. Электроника же – это роботы.

Если вы не за рулём – держите блокнот с грифельным карандашом в районе сердца.

Пишите на коленке. Пусть буквы выглядят каракулями, зато смысл у каракулей получается особым: за ним стоят обстоятельства места и образная мотивация.

Думайте о своей книжке всегда (исключения: езда за рулём, нахождение за штурвалом самолёта, подводной лодки, катера, на пешеходном переходе, рядом с медвежьей берлогой и над выводком акул).

Находясь в постели с любовницей, думайте о новой книге.

Наисвежайшие сюжеты и ходы приходят именно в этот момент. Вжик-вжик-вжик – один ход плюс завязка. Ещё вжик – долгий спурт – апогей. Слабый вжик, опало опахало, пузыри – скользкий эпилог: «Станция “Вылезай”, господин Кролик!».

Находясь в постели с женой, считайте, что вы ярый перфекционист и в шлифовке находите удовольствие, которое не



то чтобы рабочий процесс, а оно есть высшая стадия процесса и, слава богу, не конец путешествия, а сама бесконечность.

Находясь с партнёршей в увлекательной позиции, запомните это состояние. Чтобы ваша книга читалась противоположным полом, она должна имитировать нечто подобное.

Но не увлекайтесь перехлёстами: вовсе не обязательно кончать «ахами» каждую страницу. Держите читательницу в состоянии «отдалённости»: не «ахи-охи», а «эхо»: вроде и есть, но вдалеке и не ваше. Вроде и грибников тысячи, но все будто за мухоморами спрятались: глаз их не видно – только носы.

Самый важный «ах» должен прозвучать при закрывании книги и выглядеть примерно так: «Ах как жаль: книга кончилась. Автор обманул меня: довёл и бросил в тот самый момент. Ах, ах, ах: однако... придётся перечитать её – может, получится ещё раз... поймать. Блин, Жуля, хорошо, что позволила. Ты как почувствовала. Я просто горю. Ты читала, Жуля, ну вот эту... Тоже торчишь? Вот даёт NN! Сволочь он! А на какой странице кончила? Там, где сода? Блин, и я вот не могу отойти. А пошли, Жуль, напьемся? И полесбиянничаем, как тогда! Ну, когда скорую помощь ещё вызывали... бутылка ещё застряла. Помнишь?»

## 28. Деревянный язык

Отвяжите же свой деревянный язык, что вы его приклеили к нёбу?! Как на заборе пишете, ей-богу!

Дотянитесь языком до носа: чего вы разнюнились?!

А потом – до лба: там мозг, лизните его, щекотните – чего он так квёл?

Отпустите прозаического вашего жеребчика на волю, пусть поскачет за оградой, пусть погоняется за ветром, пусть убежит, всё равно же вернётся обратно!



## 29. Утро писателя

Пишите с утра, на свежую голову. ИМЕННО НА СВЕЖУЮ!

Сигарета с утра – не наш путь!

Порнуху в мониторе? Нетушки – завтра!

Почту посмотреть? Да пошли они к чёрту. Напишу полстраницы – тогда посмотрю.

## 30. Польза сна

Пользуйтесь снами: это мозг с вами разговаривает!

Сны – это не только предупреждения, опасения, сексуальные и героические фантазии.

Мозг ночью работает преимущественно с яркими впечатлениями из вашей жизни, отложившимися в памяти.

Мозг ночью не только «тупо» или «механически» комбинирует события, близкие и далёкие, но чаще фантазирует (степень и разнообразие снов зависят от ментальности и кругозора конкретного человека). Фантазирует мозг свободно и без тех физических и общественных ограничений и табу, которыми вы как сочинитель в бодрствующее время окружены со всех сторон, а порой даже подавлены ими.

Сюжеты снов, как правило, бесформенны и скачкообразны, за редкими исключениями.

Использовать «ночные сюжеты» в чистом виде вряд ли удастся по многим причинам.

Одна из причин та, что не все мы, будучи писателями и графоманами, пишем в жанре хоррора или потока сознания, где сюжетная болтанка и поход за красную линию иной раз являются плюсами.

Однако сны могут подтолкнуть к свежей мысли. Из сна можно «выудить» впечатление, неожиданный сюжетный ход, любопытное словосочетание (да-да, ночной мозг ночью «пишет» по писательской инерции, вектор которой вы назначили днём).

Наиболее ловкие писатели могут ЗАКАЗЫВАТЬ СНЫ, так как многие это делали в детстве, заказывая, например, продолжение «Трёх мушкетёров».

Сон может предложить вам нового героя, до которого вы не могли додуматься днём, ибо днём вы живёте по правилам «общезития» – человеческого и писательского, а ночью вы СВОБОДНЫ!

Сон может запросто вывести вас из тупика. Почувствовали тупик – ложитесь спать.

## 31. Особая благодать

Ночью: ночью особая благодать!

Пишите до посинения, пока автоматически не свалитесь на подушку.

*P. S. Этот совет – для ЗДОРОВЫХ людей.*

## 32. Стимуляторы = симуляторы

Забудьте пиво и прочие стимуляторы! Пиво – это вообще не стимулятор, а сонный порошок, тормозная жидкость, бляшки вам в артерии! Письмо – вот самый важный стимулятор.

Написал и задумался: пиво – стимулятор? Да от пива же в сон клонит на десятой минуте. Симулятор он, а не стимулятор.

Травка? Уже хохочете? Не верите?

– Травка – это «гэ». Для болванов, которые считают, что это круто и что они приобщаются к высокому. Особенно когда они считают себя писателями и философами. Под травкой можно писать только о травке, то есть о «гэ», и о лицах, это зелье употребляющих. Извините, но это так. Доказать не смогу. Не верите – попробуйте что-нибудь написать под травяным кайфом. Только не до смерти. А то меня посадят, а вам будет по хрену.

Бегбедер, Уэлш, Паланик и ещё сотня писателей уже описывали эту ситуацию. Почти исчерпывающе. Вам их не догнать, если будете вновь и вновь ставить над собой опыты.

Вы скорее загнётесь, чем успеете написать что-нибудь стоящее. Ибо для написания стоящего надо уметь анализировать то, что было написано (нацарапано) будучи под кайфом.

Может, водки тогда? Может, лёгонького винца? Для разгона квёлости, так сказать?

От водки хочется дурковать, трепаться языком, а никак не щёлкать по клавишам. А если щёлкаешь по клавишам (есть такие индивиды – что уж там) и думаешь, что вот он, нашёл-ся источник красноречия, вот она, полная свобода сознания: пиши не хочу – то...

То прочтите то, что написали по пьяни, через пару дней, когда полностью отрезвеете.

Совершенно не удивлюсь, если вас замутит от получившейся бестолковщины... Да что там бестолковщина... это же настоящая помойка, полная безграмотности, отсутствия смысла. Вместо свободы мысли и полёта фантазии несёт воню и блевотиной, развратом и чернухой, как в лучшем постмодернистском выверте, в перформансе, когда говно в баночке за миллион долларов, когда жопы и факи, когда содом с гоморрой, когда все кругом – твари, а война и смерть – верх

садиистского удовольствия. Нет, не годится водка для писательства. Для извращения писательства – водка.

А может, ето... того... может, чего курнуть, детки, отвернитесь, может, ето, может, дорожку сообразить и носом так над ней: шмыг – за одну ходку всё внутрь? Может, это, того, может, чупа-чупсину заглотнуть... ну, за три копейки которая, когда звёздное небо вдрут, когда смешно ни с того ни с сего? Дык, ето... кто пробовал вот так, то, говорят, что это разные вещи – когда в голове фокусы и космос, то на бумаге снова набор букв, притом пьяных будто, и картинка на бумаге не складывается. Весь кайф, который в башке, и когда твой товарищ будто вместе с тобой, в одном сне, и с полуслова понимает твои шутки... то на бумаге не выходит так... На бумаге, видно, требуется какой-то особый язык или переводчик какой – с дурманного на русский обыкновенный, уж не до литературного.

Или знаков препинания тогда не хватает, а также эпитетов и междометий.

Словом, для звёздного улёта нужны особый язык и словарь. Или так: тот, кто читает улетевшего, должен сначала сам улететь и, главное, попасть в частоту писавшего, в герцах, и чтобы ноту угадать, иначе радости не сложатся и вместо резонанса захочется догнать писавшего и дать ему в морду: чего, мол, подсунул? Чего сам употреблял, какой порошок, какую таблетку? Ну не вышел я на твою волну, отдавай бабло, тварь!

Винцо, винцо, лёгонькое типа, да? А попробуйте. Что я за вас пытаюсь всё объяснить! Попробуйте сами, а после напишите мне – какая у вас реакция от винца.

У папаши Хэма, мы знаем, какая реакция. У других – знаем. А вот именно у вас – не знаем.

В общем, приходится повторить: если не желаете сами проверить – никаких химических симуляторов! Ну не помогают



они графоману! Просто пишите – и да будет вам от письма кайф.

### **33. Кайф, где его не ждёшь**

Найдите кайф в правке.

Правка – это не рутина, а часть настоящего, притом МОЩНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО, творчества.

### **34. Сочиняя графоманскую ерунду, не напяливай писательской маски**

Во-первых, она тебе не идёт. Ведь ты живой человек, а не знаменитый мертвец.

Во-вторых, не будь таким серьёзным. А по-взрослому веселись!

Если ты-вы – человек-графоман, а не угрюмый писатель-реалист, то своруй что-нибудь по дороге к цели. Ты же ворует не по-настоящему, а книжно.

Тебе-вам за это ничего не будет, а путешествие станет интересней.

Особенно выиграет читатель: ты же ворует не у него, а у антигероев – люди любят, когда обворовывают не его, а соседа.

Не забудь(-те) конечную цель.

Если тебе-вам понравится такой литературный приём, он может незаметно перенестись в жизнь!

Но такие горе-писатели на учёте в полиции.

Полиция сможет материализоваться и испортить настроение: в тот момент, когда ты – графоман, а не писатель, –

наслаждаясь удачным книжным ограблением банка, в реалиях расположенного на вашей улице, пересчитываешь не роялти, не бандитский куш, а мизерную зарплату контролёра в автобусе.

Вывод: не описывай знакомые тебе вещи излишне реалистично. Писателя простят, графомана посадят!

Ах, это я уже вам-тебе сообщил? Вот в жизни всегда так: пока пишешь следующее – забывается первое...

*С надеждой на новую встречу,  
Автор*

*Литературно-художественное издание*

*Сборник из серии*

**СОВРЕМЕННОКИ И КЛАССИКИ**

---

**ТВОРИТЬ ДОБРО  
И МИР ЛЮБИТЬ**

Составитель *Ольга Грибанова*

Редактор *Татьяна Чернова*

Выпускающий редактор *Дарина Никонова*

Технический редактор *Татьяна Хорошко*

Компьютерная верстка и дизайн обложки *Дмитрия Сахнова*

Художник обложки *Александра Уханёва*

**18+**

*Знак информационной продукции согласно  
Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ*

Подписано в печать ?????

Формат 60×90 1/16. Гарнитура Minion Pro.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. п. л. 17,5.

Тираж 5000 экз.

**Интернациональный Союз писателей**

107150, г. Москва, ул. Бойцовая,

д. 22, офис 8

Адрес электронной почты: [sekretariat@inwriter.ru](mailto:sekretariat@inwriter.ru)

Сайт в Интернете: [www.inwriter.ru](http://www.inwriter.ru)

Отпечатано в типографии

«Юникопи»

603057, г. Нижний Новгород, ул. Нартова, 2в, офис 4008



9 785604 994122